

ЯКОВ НАЛЬСКИЙ

В ГОРАХ ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ

ЯКОВ НАЛЬСКИЙ

В ГОРАХ ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ

Повесть

КНИГА ТРЕТЬЯ

ЧЕСЛАВ ПУТОВСКИЙ

Душанбе
Издательство «Ирфон»
1984

ББК 63,3 (2Т) + 63,3 (2) 713
9 Таджик+9(с) 23
Н 23

Нальский, Яков Исакович.

Н 23 В горах Восточной Бухары: Повесть.— Душанбе: Ирфон, Кн. 3. Чеслав Путовский, 1984.

368 с.

В основе этой книги — подлинные события и действуют исторические личности, которые в качестве чекистов вели трудную работу по разоблачению вражеской агентуры и разгрому басмаческих банд на территории Таджикистана. При написании книги автор использовал воспоминания участников борьбы с басмачеством, материалы архивов, военную печать периода гражданской войны в Туркестане и Восточной Бухаре.

Н $\frac{70302-091}{М 501(13)-84}$ 111 — 84

ББК 63,3 (2Т)+63,, (2) 713
9 Таджик+9(с) 23

От автора

Две раиее вышедшие в свет кииги «В горах Восточиой Бухары» освещают, в осиовиом, борьбу с басмачеством в Қаратегиие — обшириой гориой территории Таджикистаиа, работу чекистов по разоблачеиию вражеской агеитуры и разгрому баид одиого из самых близких эмиру Алимхаиу главарей басмачества Фузайля Максума.

Я рассказал о деятельиости замечательиого разведчика Шурыша Боева, о его отважиой связиой Гавхар, работавших за рубежом в стаие басмачей, и о смельчаке Кури Қабире, чекисте, действовавшем подпольио в шайках, бесчииствовавших иа территории республики.

В предыдущих киигах деятельиость иачальиика особого отдела 13 стрелкового корпуса Ч. А. Путовского освещается лишь в той части, которая отиосится к борьбе против Фузайля Максума. Учитывая пожелаиия читателей узнать подробиее о борьбе чекистов со злейшим врагом трудового иарода — Ибрагимбеком, я иаписал эту киигу.

В основе её лежат подлиииые события и действуют исторические личиости. Некоторые персоиажи этого докумеитального повествования типизироваиы. При написании кииги я использовал воспомииаиия участников

борьбы с басмачеством, материалы архивов, военную печать периода гражданской войны в Туркестане и Восточной Бухаре.

Использованы также воспоминания А. Я. Диккура — заместителя Ч. А. Путовского, начальника особого отдела 3-й стрелковой дивизии; Мулло Шарифа Рахимова — командира добровольческого отряда; Мирзо Шарифа Шакирова — разведчика; Худойназара Саитова — первого таджика-пограничника; Бобо Юнуса Худойдодзода — народного поэта и многих других активных участников борьбы за Советскую власть в Таджикистане.

Я выражаю глубокую признательность сотрудникам КГБ Таджикской ССР, оказавшим большую помощь в работе над этой книгой.

Я. Нальский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Побег. Мулло Зиё. Начало поиска. Разговор беглеца с Ибрагимбеком. Неужели наставника подменили!

Сгоняя накатывающийся сон, начальник особого отдела 3-й стрелковой дивизии Арнольд Яковлевич Дуккур резко провел рукой по золотисто-рыжеватой волнистой шевелюре. В суровую пору разгула басмачества чекисты не знали ни начала, ни конца рабочего дня. От усталости засыпали за столом, порой не раздеваясь, пристраивались подремать часок на жестком топчане, укрываясь тонким солдатским одеялом. Дуккур не был исключением. Но сейчас он прилег не от усталости — был расстроен чрезвычайным происшествием. Еще и еще раз перебирая в памяти обстоятельства случившегося, размышлял о том, как могло все это произойти. Все было продумано, предусмотрено и все же — побег... Что сказать товарищам, начальству?

Начальник особого отдела 13-го стрелкового корпуса Чеслав Антонович Путовский строг. Казалось, этот человек всегда бодрствует, придирчиво интересуется выполнением оперативных заданий. Нужно быть всегда готовым ответить на его вопросы. По его указанию велось несколько особо секретных операций. Среди них была и та, виновным за срыв которой Дуккур считал себя.

Он поднялся с топчана, потуже затянул ремень, поп-

равил наган в кобуре и позвонил Путовскому. Поздоровавшись, сообщил:

— Ушел Мулло-Зиё...

— Как?! — последовал возмущенный вопрос.— Разберитесь и выезжайте ко мне.

В дороге Дуккур вспоминал детали этой истории. Вначале ему доложили, что Мулло Зиё, захваченный в плен, влиятельный и красноречивый духовный наставник басмаческого «командующего» Ибрагимбека, убит при попытке к бегству. Бойцы охраны сообщили, что муллу похоронили по всем обычаям мусульман. Умер человек, обернули его в белую ткань — саван, положили на носилки из двух жердей, и процессия направилась в Сары-Асия к кладбищу. Кишлачный мулла из Сара-Асии помолился за упокой души, и все разошлись.

В Мулло Зиё стреляли, когда он метнулся к дувалу. Беглец упал. Его подобрали люди в халатах, закричав:

— Мертвый.

Затем несколько человек внесли Мулло Зиё во двор. Кишлачный мулла сказал:

— Чем скорее предадим земле прах, тем больше прегрешений аллах простит покойному. У каждого своя судьба, она дается навечно.

И вскоре убитого похоронили на ближайшем кладбище.

Такова была суть первого донесения.

Однако уже через день разведчик особого отдела, так называемый «внутренник» сообщил Дуккуру:

— Мулло Зиё жив, спрятан... Его лечат. Ранен в руку.

Но разведчик тогда не мог сообщить, где укрыт Мулло Зиё. Об этом он узнал лишь позднее.

Прибывший с докладом командир Янги-Базарского отряда Мулло Шариф Рахимов сказал Дуккуру:

— Увезли «мертвеца» в горы Сарсарияка, там, в

скалах Вахшского хребта, такие глухие места, что их не увидишь даже с воздуха — пещеры. Подойти к ним нельзя, басмачи завалят камнями.

— Включитесь в поиск со своим отрядом, — поручил Рахимову Дуккур. — Но не подавайте вида, что ищите Мулло Зиё.

Мулло Шариф постоял в раздумье: как быть?

Уловив сомнения собеседника, Дуккур строго посмотрел на чекиста, спросил:

— Не справитесь?

— Вчера был у товарища Путовского. Он приказал уничтожить банду самого верного курбаши Ибрагимбека — Туянкула... Но и ваше поручение будем выполнять...

Дуккур улыбнулся, дружески хлопнул Рахимова по плечу и спросил:

— Хватает ли винтовок и патронов?

— Оружие у нас есть, а вот с одеждой плоховато, разбита обувь, порвались халаты, заменить лошадей не мешает. Товарищ Путовский уже приказал дать халаты, ткань на чалмы, муки[1].

Дуккур распорядился:

— Получите для своих бойцов отбитых у басмачей лошадей, ну и каждому по шерстяному одеялу.

Рахимов не скрывал радости, глаза его выражали удовлетворение.

— Как были нужны доброотряду кони, и вот всё решилось!

По узкой улочке, вьющейся среди приземистых кибиток Душанбе, пробирался вооруженный всадник. Это был Мулло Шариф Рахимов. Копыта коня проваливались в лёссовую пыль, по обе стороны тянулись унылые серые дувалы. В Шахмансуре к Рахимову присоедини-

---

[1] Муки — сыромятные башмаки.

лась группа бойцов-добровольцев, и отряд, вытянувшнсь в колонну по двое, направнлся к Янги-Базару — шумиому кншлаку на берегу Кафирннгаиа. Переночевалн в роще вблизи обмелевшего Иляка. На рассвете всадиики подиялнсь на перевал Чормазак н по нзвнлистой тропе спустнлнсь в Яван.

У коновязей, находнвшнхся близ чайханы, бойцы спешились н, расслабнв подпругн седел, пошлн перекуснть.

Пока пилн чай, командир отряда поглядывал по сторонам. Он ждал разведчика отряда Исманла Акобнрова. Но тот всё не появлялся.

Мулло Шарнф неторопливо пнл чай, вспоминал долгий разговор с Путовским, его советы: главиое захватывать или уничтожать главарей шаек, самых злостиых бандитов. Попытки склонить такнх людей к мнриому труду редко прнносят успех. Помните, простили, под честиое слово отпустилн курбаши из Хаджн-Харфа — Калаидара Хасанова, прнкннувшегося заблудшей овечкой? А это враг — классовый враг, он снова идёт на кровавое дело.

— Сейчас наша главная задача, — говорнл тогда Чеслав Аитоиовнч, — покончнть с Туяикулом. К нам поступили сведения, что он действует вблизи Арала Тугая[1]. Это пока всё, что мы зиаем. Он убнл иашего разведчика. Пошлнте своего человека в шайку Туяикула. Выждав время, наладьте с ннм надежную связь.

— Наш разведчик уже работает у Туяикула, нмя его — Исманл, — доложнл тогда Рахимов...

Отряд, оставляя за собой пыль, пересекал долнну. На путн к перевалу хребта Каратау Мулло Шарнф нагнал трех верховых. Последний из них на веревке та-

[1] Остров на Вахше.

щил коровенку, она плелась кое-как, задерживая движение всадников.

— Откуда и куда? — поздоровавшись, спросил у дехкан, одетых в простую, грубую одежду, Рахимов.

— С базара, коровенку на три семьи купили, а едем к Токмазару, что возле Нурека.

Рахимову показался подозрительным человек в чалме. Подъехал к нему, посмотрел, поговорил... Что-то подсказывало Рахимову, что не прост этот человек. Но подозрения рассеялись, когда тот в ответ на вопросы правильно называл имена жителей Токмазара, хорошо знал сложную путаницу их родственных связей.

...Лошади поднимались по крутой извилистой тропе среди зарослей фисташки. Рахимов вслух произнес:

— А ведь он похож на муллу...

Что ж, он не ошибся. Человек с коровой на веревке и был «покойный» Мулло Зиё. Он ехал с сопровождающимн к Ибрагимбеку.

В глухом, поросшем арчей ущелье Вахшского хребта, укрылась ставка «главнокомандующего». Чтобы попасть к небольшой площадке возле пещеры, где жил Ибрагимбек, надо было миновать несколько тщательно замаскированных засад. Басмачи-дозорные появлялись на едва заметных тропинках как тени, мгновенно исчезая в каменных нагромождениях.

Мулло Зиё с трудом взобрался на площадку по крутой каменистой тропе и сразу же присел на бревно. Ныли ноги, ломило в пояснице, в глазах мелькали красные кругн.

— Далеко, надежно прячется главнокомандующий, — невольно вырвалось у муллы.

Не прошло и нескольких минут, как перед пришедшим лежали на дастархане большие лепешки, которые обычно пекут локайцы на раскаленных камнях. Мулло Зиё поморщился, но голод заставил отломить кусок

грубой лепешки. Тщательно перемалывая жесткий хлеб крепкими зубами и запивая его чаем крутой заварки, Мулло Зиё думал, с чего начинать разговор.

Прошло не менее часа. Но вот из пещеры вышел Ибрагимбек. Из-под огромных, аспидно черных бровей, нависших над глазами, сверкали злые точки зрачков, жаля недобрым взглядом, окинул атаман шаек Мулло Зиё. По обыкновению он был одет в несколько халатов один поверх другого и стеганые, и без подкладки. На волосатой груди, видной в проеме халатов, проглядывалась связка туморов[1]. Среди них Мулло Зиё узнал и свои.

Смуглое, бородатое лицо главаря басмачей было непроницаемо. Ибрагимбек вяло протянул обе руки к Мулло Зиё, и только тогда на его лице появилась улыбка. Обняв и торопливо поцеловав в правую и левую щеки Мулло Зиё, Ибрагимбек почти приветливо сказал:

— Долго старались вас выручить, но не получалось. Однако мы знали все о вашей жизни. Змея под землей шевельнет языком, а я уже знаю.

— Все хорошо, добрался, — ответил Мулло Зиё. — Хвала аллаху, который миров господин, милостивый, милосердный один. Помощь дается нам тобою одним, о, аллах!...

Мулла обеими руками погладил окладистую бороду и закончил словами:

— Слава всевышнему!

Помолчали. Пытливо вглядывался наставник в лицо своего бывшего ученика. Он знал Ибрагимбека с детства. Его отец Чакабай хотел видеть сына грамотным, прочил его в чиновники или военные. Зная Мулло Зиё, как приближенного гиссарского бека Авлиекула, с ко-

---

[1] **Тумор** — талисман.

торым очень считался эмир, Чакабай за большие деньги нанял Мулло Зиё учить сына.

Мулла жил у Гиссарской крепости, а семья Чакабая пасла свой скот неподалеку. В детстве Ибрагим — отличный наездник, садился на какую-нибудь лошадку табуна отца и скакал к Мулло Зиё. Но бывало, брал Ибрагим и чужих лошадей. Так пристрастился он к воровству. А когда подрос, стал промышлять конокрадством. Пригонит краденых лошадей из Афганистана в Кокташ, пополнит отцовские табуны, распродав остальных на базарах Гиссарской долины, на вырученные деньги начинает кутить. Сколотив шайку, похищал девушек, уводил, грабил купцов.

Мулло Зиё ценил в своем ученике цепкую память, ловкость, силу. Ибрагим заучивал наизусть суры Корана, неплохо считал, но не любил читать. А вот слушать хорошего чтеца было его слабостью. Знал он на память старинный сказ кочевников «Калчязы», героем которого был молодой табунщик. Полюбив дочь богатого скотовода, украл тот возлюбленную и увез далеко в степь. Отец девушки вынужден был согласиться на брак, узнав, что он уже дважды дед.

Старый Чакабай, купив себе высокое звание, участвовал в подавлении народных мятежей и, прежде всего, восстаний горцев-таджиков.

Ибрагим Чакабаев прославился дерзкими набегами, жадностью и жестокостью. Он презирал простых дехкан, люто ненавидел тех, кто выступал против засилья богачей, имениитой верхушки, эмирских чиновников.

Гиссарский бек Авлиекул, видя в Ибрагиме Чакабаеве надежного слугу, сквозь пальцы смотрел на его преступления. Там, где возникало недовольство, брожение возмущенных угнетением дехкан и могло подняться восстание, там, словно невзначай, оказывался Ибрагим со своей шайкой. Напуганные бедняки притихали.

После победы народного восстания в Бухаре эмир Алимхан, спасаясь бегством, оказался в Гиссаре. Охрана дворца беглого эмира была поручена джигитам Ибрагимбека, которому Алимхан выдал крупную сумму золотом, предупредив:

— Воровать лошадей не надо... Забирай добро у неверных, будешь верным слугой, опорой трона.

Так мелкий феодал, сын чиновника и конокрад стал приближенным эмира, а его банда — охраной, своего рода, «лейб-гвардией» свергнутого властителя Бухары.

Красная Армия и отряды бойцов Бухарской Народной Республики неудержимо продвигались вглубь Восточной Бухары.

Алимхан перенес свою ставку в Душанбе, но и отсюда ему пришлось бежать в самом скором времени. Перед побегом за рубеж он провел вблизи Куляба совещание приближенных. Спеша, скороговоркой, объявил:

— Мы утопим в крови поднявших голову рабов. Верные нам люди оставлены везде от Денау до Калай-Хумба. Они будут держать в страхе каждый кишлак, закроют все дороги, не дадут укрепиться власти красных. Собрав новые силы, получив помощь от наших английских друзей, мы вернемся. Главнокомандующим назначаю Ибрагимбека. Связь со мной будете держать через моего дядю Тугайбека. Он уже в Ханабаде.

После совещания Алимхан поговорил наедине с курбашами, сообщил, с кем из его окружения они будут вести переписку, определил места боевых действий. Те, кто не был на совещании, получили письменное указание вести борьбу с Советами.

Алимхана до Чубекской переправы через Пяндж сопровождали шайки Ибрагимбека. Они помогли переправить за рубеж 300 верблюдов, нагруженных ценностями.

На берегу бурной реки огромные мешки из во-

ловьих шкур, надутые воздухом, — гупсары, грузились и отплывали к афганскому берегу.

Эмир, насупясь, поглядывал на стоявшего рядом Ибрагимбека, нервно ходил по берегу, не замечая, что волны обдают его блестящие, на высоких каблуках хромовые сапоги. Эмир не мог скрыть волнения, на лбу выступали крупные капли пота...

Прохладными были первые мартовские дни 1921 года... Но Алимхану было жарко, хотя одет был он в златотканный нестеганый халат. Щемило сердце у бывшего светского офицера, воспитанника Пажеского корпуса, флигель-адьютанта и недавнего повелителя Бухары.

Ибрагимбек, одетый в меховую шубу, то приближался к эмиру, то отходил от него. Он мысленно торопил отъезд Алимхана, нетерпеливым взглядом следя за плотом из надутых шкур.

— Конечно, вернусь, — с надеждой сказал Алимхан Ибрагимбеку, когда паром из четырех гупсар, покрытый коврами и одеялами, приткнулся к правому берегу Пянджа. Ступив на покачивающийся настил, Алимхан осипшим голосом произнес:

— Мы, истинные хозяева этой земли, еще сумеем постоять за себя.

Поддерживаемый сарбазами, беглец уселся на ковер. Плот стал медленно удаляться к левому берегу Пянджа, а его пассажир строил один фантастичней другого планы своего возвращения на трон, и каждый из них заканчивался картиной жестоких казней, пожарищ, разрушений. Он мечтал отомстить восставшему народу.

Ибрагимбек поднялся на холм и долго наблюдал, как плот уносил эмира. Хитрые глаза поблескивали иронией, тень Тимура — безвестного князька, ставше-

го некогда властелином полумира, витала над «главнокомандующим».

...Не успел Алимхан добраться до Кабула, как из Бальджуана беглому эмиру было отправлено сообщение Каюма Парванчи — тестя Ибрагимбека:

— Мы начали войну против неверных...

В Локае — обширной территории, протянувшейся от Бальджуана до низовьев Кафирнигана, вспыхнуло басмаческое движение. Возглавил его Ибрагимбек. Вожаки мелких локайских племен признали его своим предводителем.

На сборе в Кокташе Ибрагимбека, сидевшего на белом войлоке, подняли на руках. Далеко, очень далеко заглядывал в своих мечтах новоявленный бек.

Обрадованный успехом, Ибрагимбек приехал тогда в Гиссар к своему учителю Мулло Зиё. Поцеловав руку и полу халата муллы, Ибрагимбек обратился к нему с просьбой стать духовным вождем басмачей. Тот с согласием повременил, ответил уклончиво:

— Чем богаче стелит тебе жизнь дастархан, тем больше судьбы своей опасайся. Учтите, — переходя на вы, сказал мулла. — Падают дни, как дождевые капли. Не настигнет нас никогда ничто, кроме того, что начертал нам аллах, — Он сводит с пути кого пожелает, ведет кого захочет. Аллах велик!

С той поры не раз и не два выступал ученый мулла в поддержку Ибрагимбека, словом Корана покрывал убийства, насилия и пожары, да и в умном совете не отказывал. Своенравный и жестокий басмач не всегда следовал им, действовал по своему усмотрению, не доверяя никому.

И вот не совсем обычная встреча в пещере — в штабе «главнокомандующего». Ибрагимбек резко взмахнул правой рукой. Все, кто находился вблизи, удалились. Наступили тягостные минуты молчания.

Перед мысленным взором Мулло Зие прошли события последнего времени.

После побега Мулло Зиё ехал в окружении охраны из нескольких приближенных Ибрагимбека. Далеко позади осталась переправа через бурный Кафирниган, тропинка провела басмачей через перевал Чормазак, крутой спуск к Вахшу. Возле разрушенного басмачами кишлака Чинаро Мулло Зиё увидел группу погорельцев, которые угрожающе махали руками и громко проклинали басмачей Рахман-дотхо:

— Все забрали, увели молодых женщин, сожгли дома...

— Вот чем занимаются наши соплеменники, — подумал Мулло Зиё.— Льётся кровь наших людей... Правда колюча, от нее не уйти. Красные сильнее нас. Разве их можно победить? Народ от басмачей отворачивается...

Оружием аскеров не победишь... Надо к ним вызывать ненависть всех. Оружием это не сделаешь, а бить их надо словом из Корана.

На берегу Вахша, в кишлаке Чортут, старший из басмачей объявил привал:

— Отдохнем — и через Вахш...

Куда бы ни пошел по кишлаку Мулло Зиё, видел за спиной сопровождающих его басмачей.

— Не доверяют,— решил Мулло Зиё. — Освободили от красных, а держат под стражей, как те меня держали.

Мулло Зиё опасался, не убил ли он аскера, когда при побеге ударил его серпом.

— Великий грех взял на себя,— размышлял он.— Меня никто из красных ничем не обижал, получал все, что хотел... Вежливо просили писать письма курбашам с призывом: сдавайтесь... А те отвечали: продался. Темные люди.

Вспомнил свою беседу с представителями душанбинских мулл, явившихся к нему на беседу и предложивших подписать обращение к народу Восточной Бухары.

Он долго читал и перечитывал обращение и запомнил слово в слово. Там говорилось:

«Обращение наше имеет одно желание — избавить народ от тревог и бедствий басмачества. Если это обращение басмачами будет отвергнуто, если они и дальше будут вредить мирному населению, тогда против басмачей необходимо обратить самые решительные меры, все население в этом деле должно придти на помощь, указывая, где скрываются басмачи, где находится их оружие, и это приведет к скорейшему концу басмачества, к установлению мира, порядка и честной жизни!»

Он нехотя подписал обращение, надеясь обмануть Дуккура и не обидеть своих друзей — мулл...

— Хочу знать ваше мнение, как далее нам быть? Что сделать для нашей победы?— спросил, наконец, Ибрагимбек у углубившегося в раздумья священнослужителя.

Не спеша, Мулло Зиё ответил словами из Корана:

— Не надо облекать истину ложью, чтобы скрыть истину, в то время как ее знаете! По той причине, что мы оказались здесь, надо склонить голову перед новой властью, данной богом...

Ибрагимбек вскочил в гневе:

— Как?... Как? Вы же меня наставляли: и сражайтесь на пути аллаха, и знайте, что аллах — слышащий, знающий!

Мулло Зиё, стараясь утихомирить собеседника, продолжал:

— Народ решил не так, как мы прежде думали... Надо кончать кровопролитие... Гибнут мусульмане.

Старик почувствовал тяжелые толчки в сердце...

— Выходит, ваши письма из плена, ваши советы прекратить газават написаны добровольно? — возмутился Ибрагимбек, зловеще поблескивая глазами.— Вы предлагали мне согнуться серпом перед красными, ваши призывы сдаться получали Фузайль Максум, Рахмандотхо, Хуррамбек...

— Все, кто слушал меня,— настаивал мулла,— давно живут без страха, в мире, как люди... Поистине от аллаха не скрыть ничего на земле и на небе. Нет божества, кроме него, великого, мудрого! Давайте внемлем его мудрости. Власть дана богом...

Ибрагимбек в бешенстве схватил с земли камень и бросил под откос. Камень увлек несколько других, камнепад нарастал, все сильнее бил в уши грохот.

— Со всеми кафирами мы поступим так, как с этим камнем, уберем с пути,— закричал «главнокомандующий»...

Мулло Зиё присел на кошму, налил в пиалу чаю и, попивая, зашептал невнятно, поминая аллаха, но затем продолжил:

— Ваше дело слушать или не слушать. Отпустите меня, я сдамся...

— Что, что?! Вы не знаете или забыли, где некоторые ваши хорошие знакомые,— с угрозой произнес Ибрагимбек.

— Вот что! — вспомнил Мулло Зиё судьбу двух яванских мулл.

Было это летом 1922 года. Ибрагимбек поручил муллам в мечетях призвать всех мусульман на священную войну против «неверных»— так он называл всех, поднявшихся на борьбу за светлое будущее, за новую свободную жизнь.

Два священнослужителя, добрых знакомых Мулло

Зиё, отказались выполнить поручение басмаческого главаря.

— Перестаньте проливать кровь единоверцев, сдавайтесь великодушному противнику,— объявили они.

На глазах народа, по знаку Ибрагимбека, палачи растерзали несчастных.

— Можете и со мной так поступить,— стоял на своем мулла.— Я учил вас правде, всегда говорил истину.

Мулло Зиё напомнил Ибрагимбеку свою поездку в Кабул. По его поручению он отправился в ставку к Алимхану за получением приказа о назначении главнокомандующим.

— Я вам тогда сказал: такого приказа не будет. Алимхан сделал выбор. Им будет Энвер-паша. Вы не поверили и хотели меня казнить, полагая, что я обманываю, но я оказался прав... Если бы вы делали то, что я советую! Нет, вы слушаете Алимхана, которого проклял народ, и вон тех, что подслушивают наш разговор.

Мулло Зиё показал на двух людей в халатах, не очень похожих на соплеменников Ибрагимбека.

— У них свои цели, вашими руками они хотят загрести жар...

Пытаясь закончить спор, Мулло Зиё расстелил перед собой коврик для намаза, встал на колени, вознес руки к небу и стал молиться.

Наступил вечер. Горы тонули в золоте заходящего солнца. Цветистыми огоньками искрился снег на вершинах. Шумел Вахш, перекатывая камни. И снова шла беседа. Мулло Зиё продолжал отстаивать свое:

— Доброго не ждите, если не послушаетесь. Только на всякую беду страха на напасетесь... Великий полководец, с миром иди и положи саблю к ногам власти...

Ибрагимбек ответил:

— Когда пришли Советы, вы толковали, что неверные — народ погибший, обреченный на вечные муки, а потому, чтобы не распространялось вместе с ними зло на земле, надобно их истреблять. Те, кто не желает выступать за веру, не поднимающий меч над головой неверных, не укроется от гибели, кто бы он ни был.

Холодом, запахом крови пахнуло на наставника от этих слов.

Мулло Зиё молча опустился на молитвенный коврик. Наступало время вечерней молитвы.

Нехотя опустился на колени и Ибрагимбек. Его тянуло закончить разговор и выяснить, какие цели преследует Мулло Зиё, уговаривая его пойти с повинной к новой власти.

После молитвы, под предлогом усталости, Мулло Зиё попросил Ибрагимбека дать ему возможность отдохнуть. Кивнув Мирали Мурадову отвести гостя в кибитку из войлока, Ибрагимбек отправился в пещеру. Там его ожидал Браун, высокий сероглазый человек.

— Что рассказывает мулла?— спросил Браун.

Ибрагимбек ответил не сразу.

— Говорит, что мучили, притесняли, хотели переманить на свою сторону... Звали на службу...

— Сбежал — значит, спас жизнь, — заметил Браун.

— Мы долго следили за ним и, наконец, вырвали его из рук кафиров.

— Как поступите с ним?

— Еще не решил,— уклончиво ответил Ибрагимбек.— Он — мой учитель...

— Опасайтесь его,— протянул Браун.— Я ночью уезжаю. Действуйте по нашему плану. Разошлите связных к курбашам.. Нападайте везде. Будьте безжалостны, никакого примирения ни с кем. Не давайте Советам ни дня покоя. Оружие пришлю через Пешавар.

Когда стемнело, Браун исчез. Так было и раньше. Неожиданно появлялся этот «инглиз» и также без предупреждения уезжал в сопровождении своих темнолицых, отлично вооруженных спутников, почти не отличавшихся от местных жителей.

Ибрагимбек, услышав громкий смех, задержался у дерева. Мурадов рассказывал басмачам из охраны о любовных похождениях ловкача Аера.

— И сказал Аер мулле: слышал, что ваших лошадей с пастбища хотят похитить воры. Не доверяя батраку, мулла пошел сам. А от дома часа два ходьбы... С женой муллы у Аера договоренность — уйдет хозяин, а он...

— Мирали, иди ко мне,— прервал веселого рассказчика Ибрагимбек.

С того дня Мирали почти каждый вечер рассказывал Ибрагимбеку дастаны о похождениях ловкача Аера или же пел мрачные песни о подвигах предков, о могучих и жестоких ханах. Ибрагимбека особенно привлекали рассказы о пирамидах из черепов, о сожженных городах, пытках, грабежах.

В один из таких вечеров он приказал перерезать горло и отрубить голову захваченному в плен красноармейцу, отказавшемуся давать показания. Всему своему окружению он приказал смотреть на страшное зрелище.

— Нам нужно пролить кровь кафиров, тогда победим,— объявил после казни Ибрагимбек.

Через несколько дней после встречи, Ибрагимбек пригласил муллу к утреннему чаю и предложил ему произнести проповедь — воодушевить джигитов на войну.

Мулло Зиё твердил свое:

— Не воюйте с Советами, а спасайте народ, идите с повинной к власти.

Ибрагимбек верил и не верил своим ушам, ведь это говорил его муаллим, чьи проповеди в мечети Гиссарской крепости он хорошо помнил.

«Злодеи-большевики стараются уничтожить всех мусульман.

Восстаньте, обнажите сабли, метко стреляйте, наказывайте отступников нашей веры».

Слова Мулло Зиё подхватили тогда многие муллы Гиссарской долины.

«Выходит, Мулло Зиё отказался от нашей борьбы» — сверлила мысль.

Мулло Зиё успокаивал Ибрагимбека:

— Я не отрекаюсь от вас, служить вере буду, но не оружием будем бить врага. Терпением отличались пророки. Терпение отворяет ворота желаниям.

Последние слова несколько успокоили Ибрагимбека, но подозрения остались.

Мрачный взгляд Ибрагимбека заставлял муллу ежиться. Робкие терялись, трусливые — прятали глаза. И лишь басмаческий бек Қаюм Парванachи мог выдерживать его.

Басмачи из близкого окружения «главнокомандующего» слышали эти разговоры и гадали, что будет с Мулло Зиё. Ведь Ибрагимбек не терпел ни малейших возражений, а тут его духовный наставник вместо воинственных проповедей говорит:

— Надо кончать войну... В Қоране сказано: «Пришла истина и исчезла ложь. Поистине тоже исчезающая».

Острее колючек терзали слова муллы Ибрагимбека.

— Пророк да будет вам вечным помощником! Не идет место к голове, но голова к месту.

Горы древней земли! Величественные, таинственные, весной зеленые, зимой — седоголовые. Они хранят много тайн, повидали много событий. Но что они

могут сказать?! Немые они. Их не коснулись радости и беды истории, хоть не раз проходили в ущельях кровавые схватки...

Мулло Зиё редко выходил из своей войлочной кибитки. Он читал Коран, вспоминал беседы с Дуккуром и другими сотрудниками особого отдела. Считая себя обреченным на смерть, он говорил тогда дерзко, даже обличал, называя неверных пришельцами, которых все равно истребят мусульмане. В ответ он слышал не грубые слова, а убедительные доводы, объяснения, в чем он заблуждается. При этом говорившие с ним приводили слова из Корана, которые он знал получше собеседников. А они гласили: «Мусульмане, признайте бога и ту власть, которую он утверждает. Бог дарует власть тому, кому захочет дать, и отнимет от того, кого желает покарать своим гневом. И возвеличит и умножит того, кто этому угоден».

— Самим народом была создана Бухарская республика. Значит, нужно подчиняться воле бога, допустившего создание таковой. Сдать оружие и под покровом всеобщего милостивого всепрощения вернуться к мирной трудовой жизни, ибо так повелевает бог и требует народ. Бухарская Народная Советская власть в высшей степени справедлива, милостива и не желает кровопролития,— Напоминали ему собеседники слова из постановления собрания ученых мулл Восточной Бухары.

В плену Мулло Зиё встречался со священнослужителями, ставшими на сторону Советов.

— Идите на службу народу, не вредите Советам,— убеждали они его.

Такой переход от басмачества, которое он считал угодным аллаху, к миру с новой властью для Мулло Зиё казался невозможным. Как мог он сразу же отказаться от своих проповедей и призывов, своей бли-

зости к тем, кто возглавлял кровопролитную борьбу за старые порядки. Однако не мог не видеть старый мулла, как тянулась к новой жизни беднота, как готовы были эти некогда безграмотные и нищие дехкане отдать жизнь за Советскую власть. Это к ним на помощь пришла Красная Армия, бойцы которой — русские, узбеки, татары, люди других национальностей не трогали мирных жителей, защищая от басмачей, погибали в боях, вдали от родины.

Красные хорошо знали, что он, Мулло Зиё, приближенный Ибрагимбека, призывал выступать против ревкомов, Красной Армии, добровольческих отрядов. Но ему об этом не напоминали, не упрекали, а лишь убеждали, что он заблуждается, предлагали писать письма к атаманам басмачества с советом сдаться — и они будут прощены. Мулло Зиё верил и не верил, что ему могут простить преступления, в глубокой тайне готовился он к побегу. И это ему удалось. И вот он снова рядом с Ибрагимбеком. Его ошеломила зверская казнь юного пленника, которого положили на бревно и зарезали, как овцу...

Мулло Зиё всё более утверждался в мысли, что надо кончать кровопролитие.

Поздно вечером Ибрагимбек сидел у костра в окружении приближенных. Устремив вдаль невидящий взгляд, порой вскрикивая, пел сказитель стихи из древнего эпоса «Кальязы». Места, воспевающие кровавые битвы кочевников, Ибрагимбек требовал повторять.

Мирали Мурадов прикидывал: как скорее сообщить в особый отдел места, где скрывается «главнокомандующий», о госте-англичанине, о том, что Мулло Зиё оказался здесь. Но выхода не находил. Без разрешения начальника личной охраны бека никто не мог отлучаться. Тот сам принимал и доносчиков басмачей. Многих лазутчиков вели прямо к Ибрагимбеку, и он

дотошно выяснял расположение красноармейских частей и доброотрядов, их вооружение, фамилии командиров.

Прошла неделя пребывания Мулло Знё в ставке басмачей. По всему Локаю — от Бальджуана до Акмечети — кого уговорами, кого силой басмачи собирали людей в новые шайки. Английское оружие поступало из Афганистана. По приказу Ибрагимбека шайки налетали на гарнизоны и кишлаки, грабили, убивали активистов, не щадя ни молодых, ни старых.

В размышлениях о том, как поступить с Мулло Зиё, застала басмаческого главаря новая весть:

— Мулло Шариф — сын Рахима из Мирзоболои, что в горах Каратау, перебил много джигитов Туянкула.

Ибрагимбек вскочил, в его глазах заполыхало бешенство, схватил плетку, в приступе ярости колотил стеганое одеяло, на котором до этого сидел. Он бил по нему с такой силой, что разрывалась ткань, а его богохульная ругань слышалась далеко от пещеры.

Утром, после первого намаза, Ибрагимбек торжественным голосом, чтобы все слышали, приложив ко лбу Коран и чмокнув узорную обложку, произнес:

— Мы, верные борцы за ислам, до победы будем воевать с кафирами.

Вслед за Ибрагимбеком к Корану молча прикладывались его ближайшие помошники, телохранители. В каждого он пристально всматривался, словно цепляясь глазами.

Еще раньше Чеслав Путовский получил сообщение от Мулло Шарифа Рахимова: «Туянкул побит, но не ликвидирован».

Путовский вызвал начальника отдела по борьбе с басмачами Александра Ивановича Шишова и расспросил его о происшедшем. Высокий, стройный, с рыжи-

ми усиками, жестковатым выражением глаз, начальник отдела доложил обстоятельства дела.

Путовский, выслушав, сказал:

— Молодец Рахимов! Отважный командир. Такие отряды нам надо создавать и поддерживать повсюду.

Пришедший вскоре Дуккур застал Путовского за беседой с Шишовым. Раскуривая трубку, тот сообщил:

— Рахимов потрепал Туянкула... А как у вас дела с Мулло Зиё?

Дуккур смутился.

— Не знаем, где он... Вы же в курсе наших планов. Мы хотели его позднее переправить к Ибрагимбеку. Конечно, убедившись сначала, что пойдет за нами. Но он ушел раньше. Как он будет вести себя там, трудно сказать.

— Наберется ли смелости мулла призвать Ибрагимбека к сдаче?

— Кто его знает. Сомневаюсь. Мы сделали для Мулло Зиё всё, чтобы расположить к себе, даже жену с ребенком привезли. Просила за мужа — отпустите. Я ответил ей: от него самого всё зависит.

Чекисты перешли к обсуждению других операций. Дуккур сказал, что разведчик «сотка» успешно работает у Фузайля Максума. Речь шла о Шурыше Боеве, работавшем под именем Муллы Курбана.

— Мы все знаем о Максуме, об этом атамане басмачей. Шестопалов умело ведет с «соткой» порученное дело. Получаемые от него сведения достоверны и оперативны.

— Скоро вам предстоит поездка на Памир,— сообщил Дуккуру Путовский.— Готовьтесь.

— Читаю всё, что есть у нас о «Крыше мира».

— Познакомьтесь глубже с учением секты исмаилитов. Посмотрите материалы об их философии. Они ведь говорят: «Мы за социализм... но под эгидой Ага-

хана. Наш социализм — ислам...» В общем много туманных рассуждений о всеобщей исламской справедливости, а на деле — прикрытая фанатизмом проповедь покорности и мракобесия.

II

Из Смоленска в Москву. Путовский встречается с Павловым. За изучением Туркестана. Басмачество — сложное явление. По приказу Дзержинского

Уже в начале гражданской войны Чеславу Путовскому пришлось бороться с коварнейшими врагами Советской власти. С Булак-Балаховичем — генералом царской армии — Путовский «познакомился» в период боев Красной Армии с Юденичем. В феврале 1918 года этот человек прикинулся сторонником Советской власти. Для вида он сформировал Лужский партизанский полк, но вскоре сбежал к белым, в армию Юденича, наступавшую на Петроград. Отряды Булак-Балаховича действовали в районах Гдова и Пскова. Его контрразведчики ежедневно вешали и расстреливали подозреваемых в сочувствии Советской власти.

Впоследствии, потерпев поражение в боях с Красной Армией у Петрограда, кровавый генерал в августе 1919 года перешел в услужение к буржуазному контрреволюционному правительству Эстонии, а затем обосновался в панской Польше.

Боевые порядки 7-ой армии, где тогда служил в особом отделе Путовский, к концу сентября 1919 года были растянуты. Трудно было со снабжением, боеприпасами и обмундированием. Это отрицательно сказывалось на состоянии войск. Наступило осеннее ненастье, а красноармейцы одеты плохо.

В этот период из уцелевших участников раскрытого летом 1919 года заговора английская разведка сколотила новую шпионско-диверсионную группу «Объединенный национальный центр», вокруг которого собрались ярые враги молодой республики. Начальником штаба седьмой армии оказался предатель — бывший полковник царской гвардии Люндеквист.

Секретнейшие планы советского командования он передавал иностранным разведкам и штабу Юденича. По указанию английской разведки Люндеквист готовил силы для вооруженного мятежа в Петрограде.

28 сентября войска Юденича начали наступление, прорвали фронт и к вечеру 14 октября оказались вблизи Гатчины. Штаб Юденича с помощью Люндеквиста хорошо знал о планах командования 7-ой армии. Враг бил по самым слабым местам Красной Армии.

В ходе боев белогвардейцы подошли к Петрограду. Буржуазная пресса сообщала: «Юденич в Петрограде». В самом городе мятежники — бывшие офицеры, анархисты, бандиты — готовились к выступлению, к удару с тыла.

Много забот было тогда у чекистов. Они обезвредили заговорщиков из числа военных спецов, засевших в штабах. Тогда-то и был разоблачен предатель Люндеквист.

К началу наступления Красной Армии на Юденича, в октября 1919 года, её тылы были основательно очищены от вражеской агентуры. К 22 декабря 1919 г. в результате успешных действий Красной Армии армия Юденича была ликвидирована. Во многих операциях по ликвидации заговорщиков и вражеских шпионов принял участие молодой чекист Ч. А. Путовский.

После завершения боев под Петроградом Ч. А. Путовский был направлен на службу в Гдов, где встретился со своей будущей женой Юлией Петровной, доч-

кой лесника. Уже вместе с ней он уехал в Смоленск, куда был назначен заместителем начальника губчека.

В Смоленске Чеслав Антонович Путовский участвовал в операциях против правоэсеровских банд Савинкова. Борьба с ними была сложной и опасной.

Во многих населенных пунктах Смоленщины савинковцы имели агентуру из сельских богатеев и скрывающихся белогвардейцев. Те сообщали бандитам о движении отрядов Красной Армии и ЧК, снабжали продуктами питания и фуражом.

Чтобы ликвидировать вражеских агентов, нужно было создать свою контрразведку. За её организацию первым делом и взялся заместитель начальника Смоленского губчека Путовский.

На его письменном столе лежала карта-схема губернии. Над несколькими населенными пунктами появились флажки — значит сотрудники губчека создали здесь свой пост, наладили связь. Так удалось выявить, а затем и ликвидировать вражеские опорные базы, арестовать эсеровских лазутчиков.

На втором этапе операции были обнаружены и разгромлены бандитские шайки. Точные данные об их передвижении доставляли разведчики, подготовленные Путовским.

Операция по разгрому шаек началась по сигналу из Смоленска. К этому времени чекисты обеспечили военное командование сведениями о передвижениях шаек, их тактике, базах снабжения.

Смоленская губчека, где работало много опытных чекистов, стала для Путовского большой школой. Его работа была замечена в Москве.

При назначении в особый отдел Московского военного округа Путовского предупредили:

— Должность временная, вам предстоит поездка в Бухару. Готовьтесь тщательно, обстановка там слож-

ная. Действуют басмачи, подстрекаемые бывшим эмиром, англичанами.

Юлия Петровна уже ждала ребенка. Очень берег её Чеслав Антонович, старался не волновать, в доме все делал сам. Ему очень хотелось иметь сына.

Юлия тоже готовилась к поездке в Бухару. По поручению мужа она отыскивала в букинистических магазинах книги по Туркестану.

Внимательно были просмотрены Чеславом Антоновичем книги русских географов, геологов, ботаников. В них были интереснейшие сведения по истории и природе далекого экзотического края. Он обратил внимание на роль духовенства в эмирате. В одном из сообщений русского разведчика прочел такие строки:

«Духовенство объявило бухарскую действительность «идеальной, божественной»... и именем аллаха призывало население быть покорным перед эмирской властью, причем, личность эмира оно изображало «святой и неприкосновенной»... Высшее духовенство находится в особо привилегированном положении. В кишлаках же священнослужители стоят ближе к народу. Среди них встречаются и выходцы из простого люда».

Эта запись вызвала у Путовского мысль: ясно, что всех мулл на сторону Советов не привлечешь, но многие могут стать на сторону трудового народа, понять, что Советская власть несет избавление от эксплуатации и нищеты, объяснить это верующим. Ведь мечеть в населенных пунктах — место ежедневного сбора людей. Здесь не только молятся, но и узнают новости, обсуждают их.

Нашел он материалы и о бывшем ханстве. В них говорилось, что еще в 1910 году в «благородной» Бухаре не было двора, не было дома, в котором не было бы ружья или револьвера. В медресе и мечетях создавались настоящие склады оружия. Турецкие аген-

ты, иаходившиеся в эмирате, обучали своих сторонников умению пользоваться оружием в борьбе с противникамн, провоцировали столкновеиия.

Вот еще одна запись. С сарказмом писал путешественик, что в Бухаре против сараичи не велось иикакой борьбы, ибо фанатическое духовенство считало, что истребление ее «...противно мусульмаискому вероучению». А ведь совсем иедавно, замечал автор записок, в начале 80-х годов XIX века, саранча полностью истребила посевы в Балджуаиском и Кулябском бекствах. Десяткн тысяч людей были на грани голодной смерти.

Но все это было историей, чекиста больше интересовал день сегодияшиий. Вчитываясь в лаконичные строки разведсводок, он узнавал, что с помощью аигличан и эмирата построены довольно крупные мастерские по изготовлению оружия, снаряжения и боеприпасов. К военному производству прнвлечены австрнйские и германские солдаты — военнопленные. В эмирате активно и иагло действуют аиглийские разведчики. Летом 1919 года здесь появилось немало беглых русских белогвардейцев.

Обстаиовка в Бухаре была сложиа и потому, что проиикшие туда младотурки[1] вынашивали идею создания паитюркистского государства «Тураи» под эгидой Турцни. Они мечтали включить в иего Бухару, Туркестаи, Хиву, земли казахов, Татарию, Башкирию. Эту идею в свое время, стремясь привлечь на свою сторону Турцию, поддерживала и кайзеровская Германия.

Путовский вел записи по экономике, географии и этиографии, иачал изучать узбекский и таджикский языки, музыку. Обладая феномеиальиой памятью, он запомииал сразу целые фразы, особеиио имеющие ши-

[1] Младотурки — турецкие буржуазные националисты.

рокое распространение, старательно вникая в структуру языка.

Просмотрел Путовский материалы о революции в Ташкенте, Бухаре, оперативные сводки боевых действий Гиссарского экспедиционного отряда, преследовавщего Алимхана, обзор боев против Энвер-паши, материалы о работе особых отделов воинских частей в Восточной Бухаре.

До официального назначения руководителем группы московских чекистов, отправлявшихся в Новую Бухару,— Каган, где находился штаб Туркестанской группы войск, Чеслав Антонович познакомился с командирами, проходившими там службу раньше.

В конце октября 1922 года в Москву на Высшие академические курсы приехал бывший командующий Бухарской группой войск Павел Андреевич Павлов.

Договорившись о встрече, Путовский поехал к Павлову на курсы «Выстрел», которые тот возглавлял, совмещая работу с учебой.

— Я к вашим услугам,— сказал Павел Андреевич, приглашая гостя к столу, где стоял чайник с кипятком и в небольшой вазе сахар.

— Начнем по-восточному, с чая. Уважать обычаи народа, среди которого живешь,— дело обязательное, да и полезное.

Павлов моложав, строен, с резкими движениями. Крупная голова с высоким лбом, живой и теплый взгляд. В его речи звучали то проникновенность ученого, то прямолинейность солдата.

Путовский немало знал о видном красном командире, образованнейшем человеке, отличавшемся на редкость смелыми решениями в ходе боевых действий, которыми он руководил на западе и юге страны.

Павлов — сын царского генерала, в молодости — участник революционного движения. Окончив кадетское

училище в Тбилиси с отличными оценками, он хорошо изучил английский, французский, иемецкий, грузииский и украинский языки. В период учебы он прочел знамеиитое письмо Белииского к Гоголю, произведения Чернышевского и Добролюбова, на которых воспитывалнсь поколения русских революционеров.

В Петроградский политехнический институт Павлов поступил после окончания кадетского училища. Этот институт имел богатые революциоиные традиции. В его стенах учились М. В. Фрунзе, Н. Л. Скрыпник, Н. Г. Толмачев.

В институте П. А. Павлов выполиял поручения социал-демократической организации. Уже с 1913 года Павлов состоял на особом учете в царской охраике. В августе того же года Павлова арестовывают и отправляют в ссылку в Енисейскую область, а затем — возвращение в Петроград, революционная работа, учеба.

В январе 1915 года, после окончания курсов в Ораниенбауме, он, став прапорщиком военного времеии, попадает на Юго-Западный фронт. Солдаты его взвода видели в командире товарища, верили ему и любили. За подвиги иа фроите П. А. Павлов награждается офицерскими боевыми орденами.

В 1917 году Павлов — член армейских революционных комитетов, затем служба в Киеве, командир партизанского отряда, действовавшего на Украиие.

После освобождения Киева Павлов — губернский военный комиссар и командующий войсками укрепрайоиа. Благодаря хорошей разведке, Павлов знал о планах бандитских шаек, умело организовывал их разгром.

Павлов воевал с Деникиным и другими белыми геиералами, с бароном Врангелем и бандами Махно.

В апреле 1921 года по заданию РВС республики Павлов находился иа Тамбовском фроите, где действовали две «армии» атамана Аитоиова. По инициативе

и при непосредственном участии Павлова успешно проводится операция по вытеснению бандитов из лесов на равнину, где они и были разгромлены...

Павлов и Путовский разговорились о тактике басмачей.

— Наши вот-вот настигнут басмачей, а те, сменив уставших лошадей на свежих, удирают,— рассказывал Павлов.— А хороших лошадей у нас всегда недоставало. Наиболее опасен Ибрагимбек. Учтите, его сила в племенных связях, в помощи из-за рубежа. Это сильный и коварный враг. С ним будет главная борьба...

Павлов напомнил, что в борьбе с антоновщиной Красной Армии хорошо помогали отряды самообороны из населения.

— Это, кстати, результат наших экономических мер. Замена продразверстки продналогом,— заметил он,— уничтожила экономическую базу контрреволюции на Тамбовщине.

Путовский задумчиво произнес:

— Да, если бы мы повсюду могли крестьянам дать машины, семена, кредиты, повысить грамотность, то многие бы ушли из шаек. Я думаю, что и в Бухаре дело обстоит так же.

— Да, кое-что можно сделать в Бухаре и сейчас,— согласился Павлов.— Но местное правительство не все возможное делает... Эмир сбежал, но многое осталось по-старому. Население ждало крутых перемен. Однако между лозунгами некоторых руководителей бухарской революции и их делами большая дистанция. Но население надеется на лучшее, бедняки поддерживают новую власть, борются вместе с революционными войсками, помогают им.

— К сожалению, в Бухарском правительстве есть люди, для которых интересы народа пустой звук. Такой вывод можно сделать из сообщений в Москву некото-

рых чекистов,— заметил Путовский.— Что ж, разберемся на месте.

Анализ последних событий в Восточной Бухаре наводил Павлова и Путовского на мысль о предательской роли некоторых членов Бухарского правительства, среди которых не последнее место занимал военный назир-министр из турецких офицеров Арипов. Это он содействовал, в частности тайному переезду Энвер-паши в Восточную Бухару, назначению турецких офицеров на многие важные должности, проникновению их в ряды народной милиции.

— Хочу из первых рук узнать, как удалось быстро покончить с Энвер-пашой,— спросил Путовский.— У него ведь были немалые силы, а чего стоили его демагогические лозунги!

Павлов кивнул головой в знак согласия. Он говорил четко, конкретно, обрисовывая основные перипетии борьбы. Рассказ комкора дополнил сложившуюся у Путовского картину умелых, решительных действий наших войск, выполнявших ленинские указания о всемерной помощи народу, поднявшемуся на борьбу за новую жизнь.

...В начале 1922 года басмачи собрали большие силы. Антисоветское движение субсидировали оружием и деньгами англичане. Собственными силами правительство Бухарской Народной Республики не могло справиться с врагом. По его просьбе Советское правительство дало указание командованию Красной Армии сформировать Бухарскую группу войск. Командующим был назначен бывший полковник Генерального штаба, герой гражданской войны Н. Е. Какурин, а его помошником — П. А. Павлов. Павел Андреевич хорошо знал Какурина — начальника штаба у Тухачевского, руководившего в Тамбове операциями против банд Антонова.

По решению Политбюро РКП(б) в Бухару и Тур-

кестан прибыл Г. К. Орджоникидзе. Он сообщил в Москву: «Для спасения положения необходима немедленная ликвидация Энвера, что и подготавливается».

18 мая 1922 года Политбюро РКП(б) приняло развернутую программу политической работы среди трудящихся Средней Азии и подготовки наступления против басмачей.

Разобравшись в обстановке и используя свой богатый опыт борьбы с бандами Махно и Антонова, Павлов разработал план борьбы с басмачеством, который был принят к исполнению.

Вначале отряды Красной Армии разбили основные басмаческие силы курбаши Абдукахора, действовавшие вблизи Бухары, позднее та же участь постигла и Энвер-пашу.

В конце июля 1923 г. Н. Е. Какурин передал командование Бухарской группой войск П. А. Павлову.

— Мы несли и гарнизонную службу. Особенно бдительными были в базарные дни,— вспоминал комкор.— Басмачей очень привлекали базары, бойцы Красной Армии, можно сказать, содействовали торговле.

Уже выпиты были несколько чайников чая, закончен нехитрый обед. Беседу прерывали телефонные звонки. На один из вызовов Павлов ответил на безукоризненном английском.

Путовский задал хозяину кабинета вопрос о книгах Киплинга и прочитал на память несколько стихотворных строк английского оригинала.

— Английский вам пригодится. Придется иметь дело с «посланцами» Лоуренса,— сказал Павел Андреевич одобрительно.— Язык друга и язык врага надо знать. Кстати, у Редьярда Киплинга — есть прямо-таки поучения для английских инструкторов басмачества: — «Привычная будничная борьба. В ней побеждает боль-

шая хитрость, ловкость, изворотливость, изощренный обман. Сети для приманок противника».

— Ничего себе поэт, певец восточной экзотики,— воздохнул Путовский.

На прощанье Павлов посоветовал чекисту поговорить еще с несколькими красными командирами-туркестанцами.

— До скорой встречи!— многозначительно сказал он ему, провожая до двери кабинета.

Путовский переспросил:

— Не ошибаетесь?!

— Предчувствие не обманывает.

...Последние дни октября 1922 года. Путовский вновь и вновь перечитывал книгу И. Н. Гейера «Путеводитель по Туркестану». Подробные выписки сделал из двух её глав «Бухарское ханство» и «Самаркандская область».

Юлия Петровна принесла из библиотеки редкую книгу И. В. Мушкетова «Туркестан», том первый, издание 1886 года.

— На три дня дали,— сказала она мужу.— Торопись.

В воскресенье Путовский приводил личные дела в порядок, связывал книги, записные книжки, экипировал себя в далекий путь.

— Выходит, скоро ехать, а я не готова,— с тревогой произнесла за ужином Юлия и пристально посмотрела на мужа.

— Пока только знаю, что пошлют в Бухару, а когда — не знаю. Ехать туда долго, а там — малярия, пендинка и еще уйма болезней. Ведь нашему малышу только полгода...

— Нет, я поеду с тобой...

В дверь постучали.

— Товарища Путовского приглашает Феликс Эдмундович. Машина у подъезда.

— Иду.

В небольшом, хорошо освещенном кабинете от стены к стене прогуливался, дымя папиросой, Дзержинский. Он был задумчив и не сразу заметил, как открылась дверь и в кабинет вошел Путовский.

— По вашему приказу явился.

Дзержинский молча протянул руку и пригласил к столу.

Они сидели друг против друга за узким столом, приставленным к большому письменному.

— Заговоры империалистов,— сказал руководитель ВЧК,— координированы. Против нас единым фронтом выступают разведки всех империалистических держав. Хочу подчеркнуть, что почти все антисоветские акции в центре связаны с контрреволюцией в Туркестане и Бухаре. Там, как вы знаете, теперь сосредоточен центр южной контрреволюции. Местные чекисты мало осведомлены, да и не имеют серьезного опыта борьбы с явными и скрытыми врагами. Им надо помочь. Басмачество живуче, это злейшая, коварнейшая контрреволюция: наиболее зверская форма политического бандитизма. Вы в этом, наверное, убедились, читая сводки из Туркестана. А вот «Таймс» пишет: «Бухара — это бастион европейской цивилизации, направляющей дуло против большевизма». Каково?

Усмехнувшись, Феликс Эдмундович перешел к конкретным задачам.

— Обратите внимание на Кокташ — селение вблизи Душанбе, басмаческий центр и базу иностранного проникновения вглубь страны. Так называют его люди, побывавшие в Восточной Бухаре. Конечно, среди басмачей не все отъявленные разбойники, есть и немало обманутых бедняков. К сожалению, вожакам басмачества удалось затуманить религиозным и националистическим дурманом головы многих жителей этого края.

Ваша задача — помочь укреплению Советской власти, дать военным точные разведданные, пристально следить за тем, что делает эмигрантская контрреволюция в Афганистане. Возьмите на прицел Алимхана и его окружение, всех атаманов басмачества. Готовьте разведчиков из местных людей, преданных Советской власти. Подробную ориентировку получите в оперативном отделе.

Чеслав Антонович запоминал каждое слово Дзержинского.

— Теснее связь с бедняками, с трудящимися, они — главная наша опора. Смелее привлекайте к нашей работе женщин. Побольше творчества, решительности, инициативы.

— Будет сделано,— тихо сказал Путовский.— Выполним ваши указания.

Дзержинский сказал, что в ЦК довольны работой Путовского в особом отделе 7-й армии, в Смоленске и здесь, в Москве.

— Теперь вам предстоит самостоятельная работа в условиях, которые мы еще не совсем ясно представляем, одним словом, дело сложное, но мы надеемся на вашу стойкость и умение, на ваше ясное понимание политики партии в отношении отсталых окраин страны. Помогут вам работы Владимира Ильича, особенно «Очередные задачи Советской власти», другие статьи и речи, инструктивные документы ВЧК, директивы правительства. Но помните: решать вопросы надо трезво, не спеша, как советовали древние: прежде чем приказать, сосчитайте до ста... Обстановка будет быстро меняться, тактика врага тоже.

Когда в России боролись с разными «центрами», «союзами», «группами» и просто бандами, враги старались пролезть в советские учреждения, чтобы, находясь в наших рядах, саботировать работу. К сожале-

нию, и сейчас во многих организациях имеются враги, но мы не можем просто закрыть наши учреждения, мы должны найти нити и вывести контрреволюционеров на чистую воду. В Туркестане советские учреждения особенно сильно засорены недругами революции, классово чуждыми элементами.

От чекистских дел разговор перешел к родной для обоих Варшаве. Вспомнили Мархлевского и других руководителей революционного движения в Польше, годы эмиграции, тюрем и скитаний...

— Социализм стал нашим практическим делом. Побольше говорите с людьми, разъясняйте написанное Владимиром Ильичем Лениным Обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Там есть и такие слова, определяющие наши задачи: «Не от России и её революционного правительства ждет вас порабощение, а от хищников европейского империализма, от тех, которые ведут нынешнюю войну из-за дележа ваших стран, от тех, которые превратили вашу родину в расхищаемую и обижаемую свою «колонию».

— Обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» донесло до трудящихся масс угнетенных народов великую правду о сущности Октябрьской революции в России, о её значении для судеб всей планеты,— продолжал Дзержинский.—Напечатанное на языках мусульман России и Востока, оно предельно четко и ясно разъяснило, что Октябрьская революция означает конец кровавой войны, конец мировой империалистической системы кабалы и рабства, произвола и угнетения; что в Октябре родился новый мир, мир без эксплуатации и угнетения.

...И вот недолгие сборы, необходимая одежда, небольшой запас еды на дорогу. Связки книг, потрепанные чемоданы. Двадцать чекистов ехали в поезде в Новую Бухару — Каган вместе с Чеславом Путовским.

За два года перед этим там произошли бурные события, о которых уже знал во всех деталях Ч. А. Путовский. В пути он объявил новым сотрудникам:

— Будем изучать материалы о Туркестане и Бухаре.

Посторонних не было, вагон занимали только чекисты. Путовский выходил в коридор и громко рассказывал о прошлом и настоящем Туркестана. Чекисты слушали его, кто стоял рядом, кто сидел в купе с раскрытыми дверями.

— «Страной бесправия» называл Бухару в начале века русский путешественник Логофет,— начал Путовский первое занятие.— Вот послушайте: «...Нельзя не вспомнить, что уголок обширного азиатского материка является едва ли не самым бесправным на всем земном шаре, где именем России и под её высоким покровительством производятся возмутительные дела и чудовищное обирание населения, которое довело трехмиллионный народ до обнищания и постепенного вымирания».

На поборы с населения эмир содержал десятитысячную армию сарбазов. Но не было года, чтобы в каком-либо уголке ханства не вспыхивали бунты кишлачной бедноты. А в грозные годы первой русской революции вооруженные выступления обездоленных масс волной прокатились по всему ханству, поднимая широкие слои дехканства и вызывая жесточайшие репрессии. В выступлениях 1905 года впервые в истории Бухары приняли участие местные рабочие — узбеки и таджики. «Мировой капитализм и русское движение 1905 года,— писал В. И. Ленин,— окончательно разбудило Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое населения, проснулось к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию».

Путовский готовил чекистов к работе в новой обстановке, подчеркивая предстоящие трудности, подолгу бе-

седовал он с Маевским, с которым раньше работал в Смоленской губчека.

Занятия на колесах продолжались.

— ...В марте 1917 года прилетела в Бухару весть о свержении ненавистного царизма. Перепуганный эмир поспешил подготовить манифест, лицемерно провозглашающий буржуазные свободы. А уже на следующий день повелитель Бухары приказал жестоко расправиться со всеми, кто поверил в искренность его лживых обещаний. Масса легковерных людей была избита и арестована, многие умерли от побоев и невыносимых пыток.

Тысячи бухарцев во всех городах края вышли на улицы. Трудящихся ханства горячо поддержали русские рабочие. По требованию большевиков 15 апреля 1917 года Ново-Бухарский Совет рабочих и солдатских депутатов арестовал представителей Временного правительства и выслал их за пределы эмирата.

Вскоре в эмирской Бухаре возникли первые партийные большевистские ячейки. Окрепнув, они объединились в Компартию Бухары. В июне 1920 года подпольная коммунистическая организация в Старой Бухаре была раскрыта эмиром. Было схвачено более пятисот славных сынов трудового народа. Палачи предали мучительной казни руководителей бухарских коммунистов и в их числе бесстрашного революционера Абдуллу Ходжа Тураева.

Но с каждым днем росли ряды борцов, множилось число сторонников ленинской партии революционеров профессионалов, тысячи и тысячи обездоленных, доведенных до отчаяния дехкан с надеждой обращали свои взоры к революционной России.

День за днем, пока шел поезд, Путовский рассказывал чекистам о Туркестане и Бухаре.

В силу ряда причин революция в Бухаре, где правил эмир, произошла почти тремя годами позже, чем в Туркестане.

«Благородная» Бухара — язва на советском теле»,— напомнил Путовский слушателям меткие слова М. В. Фрунзе,— еще продолжала оставаться враждебным островом гнета, насилия, беззакония, произвола и жестокости.

Эмир и его окруженные встретили известие о победе Великой Октябрьской социалистической революции чрезвычайно враждебно и с первых же дней существования Советского Туркестана стали готовиться к борьбе против молодой республики. В столицу «страны бесправия» начинают съезжаться самые разношерстные контрреволюционные буржуазно-националистические элементы, белогвардейское отребье, иностранные шпионы и авантюристы.

Вот сообщение полномочного представителя ЦИК Туркестана при правительстве РСФСР, написанное весной 1918 года: «...начинает обнаруживаться работа англичан в Бухаре, у бухарского правительства уже оказалось кое-какое оружие, военное снаряжение и появились афганские отряды, организованные англичанами в Афганистане. Эта материальная и военная поддержка англичанами бухарского эмира укрепила ... реакцию, окрасившуюся тенденциями английской ориентации...».

Поезд шел медленно. Путовский много читал, продолжал беседы о Бухаре. Восстанавливал в памяти последовательный ход событий, которые привели к крушению власти эмира.

...Военная «помощь» стекалась в Бухару со всех сторон. В апреле 1919 года сюда прибыл из Афганистана караван в 600 верблюдов, доставивший эмиру 20 ты-

сяч винтовок, а несколько позже прибыли еще 13 тысяч винтовок и патроны к ним. Это были щедрые дары англичан.

В мае 1919 года полномочный представитель Советского Туркестана в Бухаре сообщил: «В Бухаре положение тревожное. По сведениям последних дней прибыло немало инструкторов, русских офицеров для обучения мобилизованных. Ежедневно подвозится всякое оружие со стороны Афганистана и Ашхабада».

К осени 1920 года эмир бухарский располагал уже значительной армией. Содержание такой армии требовало огромных расходов. В эмирате возросли налоги, резко подскочил уровень цен на продукты питания, усилились поборы. Реакция в Бухаре свирепела. Охранка эмира хватала каждого, на кого падала хотя бы тень подозрения в сочувствии большевикам. Бухарский эмир объявил «священную войну» против «кафиров», в результате её было зверски убито 1600 человек.

О действительном положении трудящихся Бухары и недовольстве самовластием эмира ярко свидетельствовало письмо населения Бухары, отправленное Центральному Комитету партии бухарских коммунистов, который в то время находился за пределами Бухары, в Ташкенте. Это обращение подписали более 1500 человек.

...Кому не известно, пусть знает, говорилось в нем, что тот деспотический режим, который в данное время царит в Бухаре, встречался на страницах мировой истории лишь в самые мрачные периоды варварских отдаленных времен. То, что эмир проделывает со своими беззащитными гражданами, никогда даже враги не смели делать с побежденными. Эмир отнимает у граждан не только имущество, но и жен, и невинных дочерей, он не щадит и мальчиков, которых ввергает в порок.

Для собирания налогов заставляет бедняков продавать жен и дочерей, чтобы расплатиться со сборщиками податей и пошлин. Эти репрессии принимают ужасный и массовый характер.

Переворот в России открыл перед нами новые горизонты. Мы увидели возможность борьбы с кровавым деспотизмом. Но наши угнетатели сумели быстро заменить ушедший бесповоротно деспотизм царей поддержкой английских империалистов, дающих ему в руки новые выигрышные козыри против бедноты...

Мы считаем, что Российская республика рабочих и крестьян не может оставаться равнодушной к судьбе бухарского народа... Советская Россия должна возвысить свой голос и показать, что она не на словах, а на деле является защитницей всех угнетенных народов...

Революционной борьбой народных масс эмирата руководила партия бухарских коммунистов, созданная после победы Великой Октябрьской социалистической революции и объявившая о своей солидарности с Программой РКП(б).

Бухарская революция началась в одном из наиболее крупных городов ханства — Чарджоу. Народ низложил местного бека, образовал революционный комитет для руководства восстанием против эмира и его правительства. Он выступил с обращением ко всем трудящимся Бухары.

Одновременно с Чарджоу восстали трудящиеся Кермине, Шахрисябза, Хатырчи, Карши и Старой Бухары. В этот критический момент братский русский народ протянул руку помощи трудящимся Бухары. 29 августа 1920 года М. В. Фрунзе отдал приказ по войскам Туркфронта, который гласил: «...В ряде местностей Бухары вспыхнуло революционное движение. Настал час решительной схватки подавленных и порабощенных трудя-

щихся масс Бухары с кровожадным правительством эмира и беков. Полки нарождающейся Бухарской Красной Армии двинулись на помощь родному народу. Красные полки рабоче-крестьянской России обязаны встать подле них.

Приказываю всей нашей вооруженной мощью прийти на помощь бухарскому народу в этот час решения.

Вперед за интересы трудящихся Бухары и России!

Да здравствует возрождающийся бухарский народ! Да здравствует нарождающаяся Бухарская Советская Республика!»

Совместная борьба частей Красной Армии, бухарских красных войск и восставшего народа завершилась блестящей победой.

1 сентября 1920 года М. В. Фрунзе из Самарканда отдал приказ нанести сокрушительный удар по Бухаре — последнему убежищу эмирских войск. А 2-го сентября 1920 года красный полководец послал приветственную телеграмму В. И. Ленину: «Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом соединенными усилиями красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победно развевается красное знамя мировой революции...

Командующий войсками Туркестанского фронта
М. Фрунзе».

..Ночью поезд с чекистами остановился у станции Новая Бухара—Каган.

Чекисты из воинских частей сердечно встретили посланцев Дзержинского. Представитель штаба Туркестанского фронта провел Путовского в небольшой домик из пяти комнат.

В одной, самой просторной, сопровождающий объявил:

— Ваш кабинет... А рядом — квартира, пока одна комната.

Познакомил с шифровальщиком Артуром Лейманом. Тот сразу же доложил:

— Готов к работе,— и показал на металлический сейф.— Вот ваши ключи к нему, а это мои. Ни вы, ни я друг без друга не откроем дверцу.

Путовский улыбнулся.

— Неплохо придумано.

Лейман подал ему недавно расшифрованную телеграмму: «В ближайшее время создается 13-й стрелковый корпус. Вы назначены начальником Особого отдела. Командир корпуса П. А. Павлов скоро прибудет в Каган. Разверните подготовку».

Утром следующего дня к Путовскому пришел начальник отдела по борьбе с басмачеством Александр Иванович Шишов. Он познакомил нового начальника с обстановкой в Бухаре.

Путовский слушал лаконичный доклад, порою уточняя отдельные места, касающиеся имен и должностей чекистов, организации их связи с отделом. Изредка делал пометки. Доклад ему понравился.

— Найдите мне хорошего учителя, буду изучать узбекский и таджикский,— попросил Путовский.— Я еще в Москве начал это дело.

Долго беседовал Путовский с заместителем Ариольдом Яковлевичем Дуккуром. Выслушав его доклад, Путовский сказал:

— Продолжим работу вместе...

— Я хотел бы уйти в дивизию, поближе к боевым действиям...

— Что ж, об этом стоит подумать,— ответил Путовский.

III

Знакомство с Бухарой. Возникновение басмачества. О чем говорят сводки. Поход экспедиционного отряда.

После короткого сна, как обычно, на рассвете Путовский был уже на ногах. Вышел во двор налегке, хотя моросил мелкий дождь. Сделав зарядку, подошел к умывальнику, стоявшему возле дома, сняв рубашку, он намылил лицо, шею, грудь. Тщательно умылся, вытерся жестким полотенцем. Вошел в дом, чувствуя бодрость и желание работать.

Александр Иванович Шишов появился в кабинете Путовского, когда слабый свет едва пробивался в окно. Он сообщил о донесениях разведчиков, работавших в Восточной Бухаре, особо отметив умелые действия Умаркула Саидова из Куляба.

— Передал данные о передвижениях Ибрагимбека, о его окружении, много сообщает о духовном наставнике Ибрагимбека — Мулло Зиё.

— Жаль, еще маловато у нас таких разведчиков,— с огорчением заключил Путовский.

— Какие будут поручения?— спросил Шишов.

— Подготовьте списки людей для разведывательной работы в шайках басмачей, для засылки к атаманам басмачества, к эмиру — за рубеж. Прошу пригласить Шахназара Сафарова и Мирали Мурадова — поедем знакомиться с Бухарой. Вернусь, займемся материалами о басмачестве в Фергане. Посмотрим всё, что есть у нас об Энвере и Ибрагимбеке.

Шишов имел специальное образование, знал Восток, изучил узбекский, таджикский и туркменский, историю Средней Азии. Он сразу же стал хорошим помощником Путовского.

После завтрака, надев чалму и халат, Путовский легко вскочил на лошадь. Но сразу же спешился.

— Замените военную кавалерийскую узду у лошади на местную, сельскую,— распорядился Путовский.— И в переметную суму положите фураж.

Вместе с Мирали Мурадовым и Шахназаром Сафаровым Путовский выехал в Бухару. Они были одеты в халаты, перевязанные поясными платками, на головах — пышные серые чалмы из шелковой ткани. На ногах — муки — типичная обувь горцев.

Шахназар Сафаров и Мирали Мурадов — бывшие рабочие железнодорожных мастерских в Ташкенте, участники революции, бойцы Красногвардейского отряда, громившего «Кокандскую автономию». Вступив в первые отряды Красной Армии, они приняли участие в боях с басмачами в Фергане, находились среди воинов, штурмовавших Бухару. Оба кроме родного — таджикского, знали русский и узбекский языки.

После падения Бухары они были представлены М. В. Фрунзе в числе красноармейцев, отличившихся в боях. Командующий Туркестанским фронтом приказал наградить каждого клинком с почетной дарственной надписью на эфесе, выделить им по хорошей лошади и новому комплекту одежды. А молодого, высокого богатырского сложения горца из Гарма Абдулло Ярмухамедова взял к себе коноводом.

Вскоре горцы стали сотрудниками особых отделов. Понравились они и Путовскому, особенно когда он узнал о смелых действиях этих разведчиков во время операций против Энвер-паши...

Путовский внешне не проявлял любопытства к городу. Он знал, что священная Бухара отгородилась от внешнего мира высокими стенами, что одиннадцать ворот: Каршинские, Мазарские, Самаркандские, Имамские, Угламские, Тальпачские, Тергамские, Таракуль-

ские, Шейджелякские, Наманганские, Салаханские давали выход в поле — степь, где колышется трава, где тенистые чинары, карагачи да еще кишлаки с глухими дувалами.

«Благородная Бухара — Бухорои Шариф — столица древнего мусульманского благочестия выстроена во имя бога милостивого, милосердного, чтобы приносить молитвы и возносить славу всевышнему»...— вспоминал Путовский строки из старинной рукописи.

В седой древности возникла Бухара — город воинов, служителей храмов, ремесленников и купцов. Много раз падали её стены и восстанавливались, много полегло здесь разноплеменных воинов.

В центре города вырос высокий холм. На нем стоял дворец эмира, наводивший страх на знатных и простых смертных. На фоне глинобитных построек, низеньких и высоких медресе и мечетей, как угроза всему, мрачно возвышался минарет смерти.

Оставив лошадей на попечение хозяина караван-сарая, чекисты отправились пешком по кривым и узким улочкам. Навстречу арба. Бьётся колесами в глинобитные стены, не разойтись с ней. Пришлось войти в калитку, переждать.

Выходцы из далеких от Бухары, Гарма и Куляба, Шахназар Сафаров и Мирали Мурадов одно время работали в усадьбах бухарских богатеев и мулл. А в августе 1920 года они были среди тех, кто штурмовал Бухару.

Каган — новая Бухара был городом, через который проходили пути в Восточную Бухару. Здесь собирались земляки из Дарваза и Каратегина, Гиссара и Кабадиена, те, кто был на тыловых работах в России, бунтовщики, отсидевшие в тюрьмах, прошедшие сибирскую каторгу.

Однажды вечером в чайхане Шахназар и Мирали

услышали песню о революции в Ташкенте. Её под аккомпанимент дутара вдохновенно пел пожилой горец. Его окружали коренастые, бородатые люди, одетые в полосатые халаты и цветные чалмы. Внимательные слушатели качали головами в такт пению и музыке. Сафаров и Мурадов сразу же узнали Юнуса из Косатроша. С ним они встречались до этого в Ташкенте и в Коканде. Они попросили Юнуса спеть им родные песни, а он исполнил поэму, где говорилось о том, что они недавно пережили в боях за новую жизнь. Под аккомпанимент дутара он запел:

К нам революция пришла,
спасла от рабства нас.
Я славлю Ленина дела.

И мы пошли к плечу плечом
Великим ленинским путем —
В бою, труде
Дерзать, творить.
И ни железом, ни огнем
Не мог нас враг остановить.
Сравним с грозою
Наш напор.
С рекой,
несущей камни с гор.
И впереди всех нас
в борьбе,—
чему я сердцем рад,—
идет рабочий класс.
Наш русский старший брат.

Сделав паузу, переведя дыхание, певец начал речитативом:

Советам я служил,
Товарищам-друзьям,
Таким же вот простым
Трудящимся, как я.
В руках у нас винтовки.

Мы шли в огонь и дым,
и был рабочий русский
товарищем моим.

Долго пел поэт, рисуя картину борьбы трудового народа с богатеями-угнетателями. Высокой нотой Юнус завершил сказание:

Мы — люди ущелий и гор—
Познали свободы простор.
Встает наша радость
До звезд —
нам Ленин победу принес!
Сражайся, врагов не щадя!
Друзья!
Для нас отдыха нет!
Острее держите свой глаз!
О нашей свободе весь свет
Ведет величавый рассказ.

До глубины души задела песня слушателей. И многие закричали:

«Разобьем врагов трудового народа! Смерть баям, чиновникам и басмачам!»

Призывом к борьбе за свободу, хвалой беззаветным героям революции закончил певец импровизированную поэму. Одобрительно шумели слушатели, горели глаза. Попросили: спой еще!

Зазвучали горькие слова четверостиший о чужбине. В них была тоска по горному краю, любимым родным местам.

Друзья разговорились с хафизом, сказителем, узнали, что он отправляется домой, поблагодарили за песни, пожелали успеха...

Рассказывая о своих скитаниях, молодые чекисты поведали Путовскому и о Бобо Юнусе.

— Такие люди — душа революции. Их песни о борьбе за Советы, за справедливость и свободу — сильнее пушек...

Чекисты задержались у соборной мечети Мирараб. Путовский сообщил спутникам:

— В Бухаре свыше 350 мечетей, 103 медресе, 13 кладбищ.

— Откуда Вы знаете?— спросил Мурадов.

— Читал,— ответил Путовский. А сам размышлял о том, как много здесь возможностей для скрытых врагов. Надо, очень надо знать, что делается за глухими стенами «святых» мест. Нужно будет привлечь к этому делу чекистов из местных людей.

Вернувшись в караван-сарай, путники отправились пообедать в ошхону.

Из чайханы доносились гнусавые поучения:

— Верующие, повинуйтесь богу, повинуйтесь посланнику его и тем из вас, которые имеют власть...

Мурадов, узнав муллу, шепнул Путовскому:

— Раньше этот сладкоголосый бай приближенным двора был, ну а теперь и новую власть хвалит, от сердца ли?

И вот уже громче бубнит мулла:

— Мы раздаем... жизненные потребности в этой долгой жизни, возвышаем одних над другими в степенях, так, что одни держат других подвластными себе подневольниками...

К вечеру, полный впечатлений, Путовский вернулся в Каган. Размышляя об увиденном, он думал, как прав В. И. Ленин, сказавший, что «киргизы, узбеки, таджики, туркменцы всецело в подчинении у своих мулл», и поэтому следует «добиваться развития данной нации, дифференциации пролетариев от буржуазных элементов». Такое размежевание шло сейчас повсюду в этом древнем крае.

После короткого отдыха Путовский принял Шишова. Тот было начал говорить о том, что сделано за день, но Чеслав Антонович перебил его:

— Надо снова срочно отправить Мирали Мурадова к Ибрагимбеку, а Шахназара — к Селиму-паше. Они уже имеют опыт разведывательной работы.

Шишов познакомил Путовского с перепиской Алимхана, которую добыл Мирзо Шариф Шакиров. Путовский легко запоминал самое важное — натренированная память удерживала почти весь лаконичный доклад.

— Нам придется срочно заняться шайками муллы Абдукахара — он рядом и тем опасней.

Передав Путовскому информацию, в которой сообщалось и о подготовке разведчиков, направляемых в логово врага — «внутренников», Шишов ушел к себе в кабинет.

Каган погрузился в сон. На улицах тихо. Тьма укрыла дома и деревья. Казалось, весь город вымер, и лишь слабый мерцающий свет во дворах говорил о том, что жизнь продолжается. Люди отдыхают, оставив позади еще один наполненный заботами день. Горожане укрылись за высокими дувалами, едят, пьют чай, с надеждой ожидают нового рассвета...

Тревога висела над городом... Недалеко орудовали басмачи муллы Абдукахара. Конные патрули изредка нарушали тишину:

— Стой! Кто идет?

Со двора в кабинет к Путовскому доносились слова любимой песни бойцов чекистского отряда охраны:

Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд.
Но день настанет неизбежный,
Неумолимый, грозный суд!

Путовский прервал работу, прислушиваясь к песне, стал тихонько подпевать. Он любил песни революции, музыку вообще. Взял висевшую на стене флейту и стал наигрывать любимую мелодию — полонез Огинского...

Утром Чеслав Антонович продолжил беседу с Шишовым, делясь своими впечатлениями о Бухаре.

— Нам сообщают о разговоре в народе: Ленин прислал своих людей уничтожить басмачей. Скоро большое войско придет и будет бить Абдукахора, Хуррамбека, Ибрагимбека, всех злодеев-курбашей.

...Так разносит вести узун-кулак от кишлака к кишлаку, от базара к базару. Словно ветер подхватывает весть, качает её, как лодку на гребнях, по людским губам.

Правда и ложь свиваются причудливым узором, вести катятся, обвиваются новыми фактами и вымыслом, приходят в дома и кишлаки, вести надежды, желанные, как свежая, замешанная на молоке лепешка, вести горькие, как слезы сироты...

Были вести большие и значимые: Ленин шлет народу Бухары подмогу...

— Еще наши разведчики не успели прислать к нам связных из Гузара, а уже за сто верст в Бухаре говорят, что несметная сила устремилась на Ибрагимбека,— продолжал Шишов.— И есть другая молва. Толкуют баи и муллы: на помощь басмачам идут англичане, американцы, французы, даже японцы...

Шишов перешел к докладу о работе вражеской агентуры:

— Почти все они действуют под прикрытием различных миссий, преимущественно торговых и научных, то изучают местные языки, то памятники старины. В здешних краях побывали консул США Роджер Тредуэлл, немало чинов английской разведки, сюда дотянулись руки Маллисона из Мешхеда, английского разведчика Лоуренса (Ишана Козн). На нелегальном положении скрывался в Бухаре Бейли, притащивший с собой потомка кокандских ханов шахзаде Абдуллу Рахимбека.

Англичане наладили контакт с Иргашем, басмаческим вожаком Ферганы.

Шишов вручил Путовскому папку с материалами и ушел в оперативную часть, углубился в изучение данных, подготовленных сотрудниками отдела. Вот справки о Фергане. Этот край с давних пор был «хлопковой плантацией» России. На каждую десятину приходилось по 8—12 человек крестьян. В Фергане действовало 147 мелких хлопковых заводов.

Кризис хлопководства, начавшийся вскоре после начала первой мировой войны, уже в 1918 году породил огромную массу безработных. Заводы закрылись, хлеб не поступал из России, хлопчатник заменялся зерновыми культурами. Голод того же года унес треть населения. Многие тысячи издольщиков, мелких землевладельцев и рабочих остались не у дел. Немало было и таких, что пошли в басмачи, кто обманутый лживыми призывами, а кто и за легкой наживой. Подогревали басмачество националисты-духовники из реакционной «Улемы», осколки сторонников «Кокандской автономии», провокаторы из-за границы.

Маевский пришел с новостью, сообщил, что задержанные его группой участники «Кокандской автономии» показали, что их еще до революции завербовали кого английская, кого немецкая и турецкая разведки. После революции они получили приказ действовать, стараться занимать важные посты, вредить.

— Это нам следует учесть,— заметил Путовский.— Проверьте каждого тщательно.

Маевский ушел. Путовский углубился в чтение материалов.

Для определенной части баев басмачество сделалось промыслом, источником наживы. Курбаши эксплуатировали дехкан, облагая поборами, заставляя работать на себя.

Бывшие прислужники царского режима, авантюристы и кулаки, втершиеся в Советы, обрушились с самыми дикими преследованиями на местное население. Все эти проявления шовинизма были замаскированной формой борьбы с Советской властью. Они отталкивали бедноту от революции, бросали её в объятия баев.

Среди басмачей нет единства. Они обычно создают шайки по племенному признаку, привязаны к своей местности. Зачастую их обучали офицеры царской и турецкой армий.

Боеприпасами шайки снабжались из зарубежных источников и нападая на мелкие гарнизоны, захватывая обозы. Небольшие партии патронов делали в своих мастерских.

Как правило, басмаческие отряды состояли тогда из 60—100 человек. Связь держали через конных связных. Басмаческие лазутчики шныряли повсюду, а баи и подкулачники из окрестных кишлаков передавали им сведения о передвижении красноармейских подразделений и доброотрядов.

— Они почти всё знают о нас,— думал Путовский,— ведут настоящую войсковую разведку. Мелкие басмаческие шайки бродят вблизи наших частей.

Главный прием басмачей — окружение небольших отрядов. Применяют и затопление водой местности, где идут наши части, отвод арыков от населенных пунктов или мест расквартирования. В доступных им местах разрушают железную дорогу, мосты и линии связи.

Стремясь получить передышку, некоторые курбаши завязывают мирные переговоры, временно переходят на сторону Советской власти, чтобы отдохнуть, перегруппироваться, укоренить своих агентов...

К концу 1920 года, когда назревала революция в Бухаре, ферганское басмачество начало разлагаться. Трудовое крестьянство покидало шайки. В силу этого

руководители басмачества поспешили использовать создавшуюся в Бухаре ситуацию, начали активно действовать в Бухарской Народной Советской Республике.

Правительство молодой республики не располагало ни опытом, ни кадрами для создания новых учреждений, нового аппарата управления. На первых порах использовали старый чиновничий аппарат. Не проводилось никаких серьезных социальных реформ. Народ, ожидавший коренных перемен, нередко отказывал бухарским властям в поддержке.

Путовский полистал тетрадь с конспектами. На одной из страниц он прочитал: «Речь В. И. Ленина 29 июля 1918 г. на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета фабрично-заводских комитетов и профсоюзов Москвы».

...Вчера получено сообщение, что часть городов Средней Азии охвачена контрреволюционными восстаниями при явном участии англичан, укрепившихся в Индии, которые, захватив в свое полное подчинение Афганистан, недавно создали себе опорный пункт для расширения своих колониальных владений, для удушения наций, для нападений на Советскую Россию...

Путовский закурил, походил по комнате.

— Итак, подведём итог,— проговорил вслух.— Ферганское басмачество почти разбито, но ясно, что растет не менее опасное — бухарское.

Документ за документом, сводка за сводкой раскрывали перед Путовским картину действий, умело направляемых врагами Советской власти.

Путовский прочитал справку о Хуррамбеке. Крупный басмаческий курбаши считает себя хозяином Сурхан-Дарьинской и Кашка-Дарьинской долин. Средних лет, сильный, дерзкий, действует самостоятельно, не хочет подчиниться Ибрагимбеку.

Вот особо секретное сообщение, где говорится о свя-

зях с Англией матчинских правителей, собиравшихся создать свое «государство», чтобы спастись от революции. Английское правительство, как и следовало ожидать, одобрило намерение кучки мелких феодалов, обещало поддержку... Затем началось вооружение местных жителей, главой их стал сын ишана Мулла Имон, с нетерпением ожидавший английской помощи с запада, через Каратегин.

Закрыв папку с делами о действиях басмачей, Путовский написал записку Шишову:

«А. И.! Работа проделана неплохо. Чем занят сейчас бывший эмир? Нам надо знать его замыслы. Прошу подыскать надежных людей и направить в окружение эмира».

Но вернемся к событиям, с которых начал сплетаться тугой узел яростных схваток и сложных ходов, противоречивых сведений и временных перемирий, беззаветного мужества красных отрядов, коварства и предательства скрытых врагов. Этот узел, связавший воедино судьбу целого края и судьбы многих тысяч людей, предстояло разрубить бойцам Красной Армии вместе с борцами за Советскую власть в Восточной Бухаре.

IV

На исходных позициях. Шахназар Сафаров встречает Юрия Соколова. Разведчик вернулся от Энвера. Приказ С. С. Каменева. Внезапный удар. Взятие Гиссара. Письма Алимхана Энвер-паше. Рассказы Шакирова. Встреча с хафизом Юнусом. Где Мирали Мурадов? Шахназар в Афганистане.

В Кагане Путовский познакомился с недавними событиями в этом крае. Вот что для него прояснилось.

15 апреля 1922 года красные части на басмаческом фронте объединяются в Бухарскую группу войск. В неё вошли 1-я отдельная Туркестанская кавалерийская бригада, 8-я кавалерийская бригада, 3-я Туркестанская стрелковая дивизия. В этих соединениях воевало много узбеков, таджиков, туркмен. Они составляли и основную часть отрядов отделов охраны Бухарской Народной Советской Республики.

...Сурхан-Дарьинская долина. Середина июня 1922 года. От зноя потрескалась земля. Ветер несет клубы пыли и сухие ветви верблюжьей колючки. Бойцы и командиры полков Бухарской группы войск скрыто выходили на исходные позиции, тщательно маскируясь, готовились к наступлению. Пулеметы, орудия укрыты ветками и сеном так, что их трудно заметить...

Сотрудник особого отдела Александр Иванович Шишов проверяет данные командиров войсковой разведки о противнике, о готовности частей к наступлению. О малейших просчетах в этом деле он докладывает командованию, ведь войскам Красной Армии предстоит бой с многочисленными и неплохо подготовленными частями Энвер-паши.

Круглые сутки действует разведка особых отделов красноармейских частей. Шишов, не зная отдыха, расспрашивает разведчиков, прибывающих из вражеского лагеря. Звучит в палатке узбекская и таджикская речь. Разведчики сообщают: у Энвер-паши слабая дисциплина, многие сарбозы ненавидят чужеземца, говорят, ради чего мы должны помирать?

В ходе боев за Байсун части Красной Армии нанесли армии Энвер-паши существенный урон. Басмачи откатились к Кофрюну, дух воителей «великого Турана» был основательно подорван.

Как только Энвер-паша стал отходить, Шишов направляет в его войско под видом перебежчика Шахна-

зара Сафарова, который становится коноводом в окружении Энвер-паши. Ему он доставил двух «уведенных» у красных отличных коней. Это вызвало у Энвер-паши доверие к ловкому джигиту.

Вскоре разведчик стал возить письма Энвер-паши к Ибрагимбеку и обратно. И тогда-то он узнал о настроении локайцев, стремившихся уйти от Энвер-паши.

К Ибрагимбеку был заслан Мирали Мурадов, прикинувшийся беженцем из Байсуна, пострадавшим от красных.

Части Красной Армии, Бухарской красной армии, отряды добровольцев и народной милиции готовились наступать. Разведчики дали командованию необходимые сведения для планирования операции.

Обходя подразделения, беседовал с красноармейцами Шишов. Молодые и уже в годах бойцы, кто в стираных-перестираных гимнастерках — ветераны боев с Колчаком и Дутовым, кто в новой, еще топорщившейся форме, готовились к бою. Приглушенно звучали голоса. Шишов различал волжский окающий говорок, переливчатые перекаты гортанных узбекских и туркменских слов, распевную, словно стихи, таджикскую речь.

— Вот он — интернационал, пролетарское братство, рожденное в боях за свободу,— с трепетным чувством подумал Шишов.— Все они разные, из разных мест, но идут рядом, готовы отдать свои жизни за великую цель.

Он внимательно всматривался в лица бойцов, видел раненых, оставшихся в строю, видел и усталых, изнуренных малярией. В часы жесточайших приступов друзья заботливо укрывали их шинелями, делились последним глотком воды.

— Много, много больных,— озабоченно говорил Шишов усатому фельдшеру, на что тот, почему-то виновато разводя руками, отвечал словами из медицинской книги:

— Малярия — проклятие этих мест.

И все же настроение в частях было боевым. Успешный бой у Байсуна, когда потерпев поражение в своих попытках захватить город, энверовцы откатились, потеряв сотни убитых, раненых, вселил в бойцов уверенность в скором разгроме врага.

В штабе Энвер-паши с соблюдением строжайшей тайны готовилась операция по захвату и разгрому штаба бухарской группы войск, находившегося в Кагане. Её разрабатывал сам главнокомандующий. Он хорошо знал, что войска красных малочисленны и удерживают лишь основные, ключевые позиции, фронт не сомкнут, сохранилось много свободных проходов между частями. По замыслу Энвер-паши небольшая, хорошо подготовленная группа должна была пройти в Каган ночью. Лазутчики — басмачи уже проникали через неохраняемые участки фронта, добирались и до Кагана. Они довольно точно установили месторасположение и состояние охраны штаба.

Отряд в 200—300 всадников, в основном, из бывших турецких солдат и офицеров, рассчитывал Энвер-паша, сможет незамеченным пройти и уничтожить штаб красных.

План дерзкого налета был разработан тщательно и подробно. Скрыто обучались диверсанты, подбирались оружие, лошади.

Когда Шахназару Сафарову, коноводу энверовского офицера, было поручено доставить письмо к Ибрагимбеку с просьбой выделить сотню локайских лошадей, он понял, что затевается что-то опасное. Из обрывков разговоров, в которых все чаще звучало слово Каган, таинственной суеты с оружием, разведчик сделал вывод, что готовится нападение на Каган.

Ставка Ибрагимбека находилась на значительном расстоянии от штаба Энвер-паши. Сафаров размышлял:

для чего идет подготовка к походу на Каган, если Энвер-паша не решается напасть на красноармейские войска, стоящие рядом?!

Не доезжая до ставки Ибрагимбека, как это было заранее условлено, Сафаров, как обычно, встретился с Мурадовым. Поздоровавшись, Сафаров тут же, не давая беседе затянуться, сказал другу:

— Слетай, как ветер, к Шишову и скажи: Энвер-паша готовит джигитов для налета на Каган.

Мурадов отправился немедля к начальнику охраны главнокомандующего. Униженно склонившись и приложив руку к сердцу, сказал:

— Хочу побывать дома, в Байсуне молодая жена...

Заодно пообещал разведать расположение красных. И вот разрешение получено. Где пастушьей тропой, где напрямую несет резвый конь молодого разведчика.

Тем временем Сафаров, получив ответное письмо Ибрагимбека, не спешил возвращаться к Энвер-паше, внимательно слушал разговоры, запоминал. Локайцы высмеивали Энвер-пашу и явно недружелюбны были к чужеземцу — самозванному, как они считали, главнокомандующему.

— Он не наш, чужак, пришедший невесть откуда. Не верим мы ему.

Тем временем Шишов, получив сообщение Мурадова о замыслах врага, вместе с командиром первой Туркестанской отдельной кавалерийской бригады Яковом Аркадьевичем Мелькумовым определил возможные пути движения энверовского отряда. О предстоящем налете поставили в известность Главкома С. С. Каменева, находившегося в Кагане, который одобрил намеченные контрмеры.

Через трое суток, ночью, разведчики сообщили, что басмачи скрытно продвигаются по горным тропам, явно в сторону Кагана. Тотчас заранее подготовленные

три эскадрона под командованием Андрея Яковлевича Панкеева, вышли на перехват. Это были лучшие бойцы кавбригады Мелькумова.

На рассвете отборный отряд басмачей был неожиданно окружен в горном ущельи и уничтожен.

Готовясь к разгрому Энвера, чекисты направили разведчиков в крупные населенные пункты Восточной Бухары.

11 июня 1922 г. Особый отдел Бухарской группы войск поручает Шишову назначить председателем ЧК в Душанбе Мирзо Саида Абдуллаева. Заканчивая уже заполночь долгую беседу, Шишов напомнил:

— Первым делом найдите Мирзо Шарифа Шакирова и поинтересуйтесь как работают связные на линии Мазари Шариф — Душанбе. Если есть перебои — надо восстановить, или же создать новую. Это весьма и весьма важно.

Кроме разведчиков, доставляющих сведения о басмачах из Восточной Бухары, к командованию Красной Армии шли ходоки с просьбой разгромить скорее Энвера и Ибрагимбека, рассказывали о притеснениях и грабежах, сообщали о расположении врага, о друзьях новой власти.

Особенно много посланцев из таджикских кишлаков шло к командиру Первой Туркестанской кавбригады Якову Аркадьевичу Мелькумову. Он — участник похода Гиссарского экспедиционного отряда в начале 1921 г., хорошо знал местные языки, был популярным человеком в Восточной Бухаре. Его обояние, душевность снискали ему уважение и любовь. Якуб Тюра — так звал его народ. К нему запросто приходили поделиться радостями и бедами. О нем через многие годы хафиз Бобо Юнус скажет просто:

— Большой, добрый человек... Понимает душу народа, знает наш язык.

Ходоки рассказывали Мелькумову:

— У Энвер-паши служит много взятых насильно наших людей. Все его ненавидят. Он хочет создать тюркское государство, стать султаном, нас, горцев, сделать рабами...

Немало энверовских шпионов, попав в руки чекистов или сдавшись добровольно, давали слово помогать новой народной власти. Не подозревал «главнокомандующий», что среди его джигитов, самых «правоверных мусульман» — сотрудники ЧК.

Устав от совещаний, докладов и дурных вестей, Энвер-паша с нетерпением ждал вечера, чтобы отправиться на вторую половину своего огромного шатра, к молодой жене. А пока решил полюбоваться подарком Шахназара, который привел красавцев-коней. Ладные, черным блеском лоснятся, шеи крутые, огнем полыхают глаза. Любовно гладил их по лоснящимся шеям паша, поочередно садился то на одну, то на другую, приятно скрипела под ним новая кожа седел.

Видя, как сходит с лица турка угрюмость, Сафаров отпросился в шайку Ибрагимбека, якобы повидать друга среди локайцев. На самом деле этим же вечером отправился он к Шишову. Сплошного фронта не было, знал разведчик скрытые тропы, свободно проехал в Байсун. Встретив Шишова и Мелькумова, разведчик доложил об увиденном и услышанном, показал на карте, где расположен штаб Энвера у Кафрюна.

— Там разбиты богатые, просторные палатки. Их охраняют турки и афганцы. Они играют в кости, часто спорят из-за проигранных денег, враждуют, курят анашу, а ночью спят, хоть бери голыми руками, засыпают не думая ни о чем. Вот достать бы анаши, я её им «проиграл» бы. И денег дайте. Тоже проиграю для знакомства.

Мелькумов согласно кивнул головой Шишову.

— Сможете ли скрытно провести к штабу Энвер-паши человек двадцать-тридцать? — поинтересовался Шишов.

— Смогу. Охрана накурится анаши и будет крепко спать... Да и остальные днем копают окопы, маршируют, устают, с вечера засыпают...

Прошло несколько дней. Возвратившись из поездки, Шахназар Сафаров подружился с охраной еще крепче, азартно играл с джигитами в кости, сокрушаясь, проигрывал серебро, тайком угощал анашой. Бедовый парень поспевал повсюду, все успевал увидеть.

Командование Бухарской группы войск ждало точных сообщений войсковых разведок о делах в стане врага. Нужно было принять решение о наиболее выгодном времени нанесения удара. А численное соотношение сил было не в нашу пользу: один наш боец — против двадцати пяти противника. Армия Энвер-паши занимала выгодные рубежи, была неплохо вооружена, ждала приказа наступать против слабого, как думалось, противника.

Уверенный в своих силах авантюрист выступил с наглыми требованиями к Советскому правительству, составленными при участии английских разведчиков. Текст его ультиматума, ставший известным в Бухаре, гласил:

«Господин народный комиссар Нариманов! Прошу вас передать Совету комиссаров и Центральному Исполнительному Комитету России настоящую резолюцию, изложенную Высшим советом народов, составляющих часть Российской Федеративной Советской республики.

По моему настоянию Совет воздержался от объявления войны Российской советской республике до получения ответа от Центрального исполнительного комитета и Совета комиссаров России...

...Совет предлагает правительству Российской Советской республики отозвать в Россию в течение двух недель иностранную армию (Красную Армию), которая находится в настоящее время в пределах территории Хивы, Бухары и Туркестана.

Для того, чтобы избегнуть кровопролития между отрядами мусульманской народной армии и Красной Армией, необходимо немедленно эвакуировать эту последнюю в Россию...

В случае, если Советское правительство России не сочтет необходимым уважать волю мусульманского населения (народа), сгибающегося под гнетущим игом лжекомиссаров и взявших оружие для освобождения их территории от чуждой власти Москвы, я должен вас предупредить, господин комиссар, что по истечении двух недель после вручения вам настоящей декларации Высшего Совета я возьму обратно свободу действий».

Прочитав ультиматум, Главком С. С. Каменев сказал:

— В Наполеоны метит «зять халифа». Конечно, это попытка, как говорят, взять на испуг. Но борьба предстоит тяжелая, силы он собрал немалые. Надо так ответить Энверу, чтобы крепко аукнулось Алимхану в Кабуле.

К этому времени участилась переписка Энвер-паши и Алимхана, которая не была секретом для чекистов. Копии писем исправно снимал для них «энверовский котиб» Шакиров. Эмир торопил Энвер-пашу, заверял, «помощь близка»...

Что ж, бывший повелитель Бухары писал правду. Вслед за посланиями эмира из Афганистана шли караваны с оружием, прибывали обученные иностранными инструкторами пулеметчики. Войска Энвера без перебоев получали жалованье, обмундирование. К его ус-

лугам были английские советники и разведчики, белогвардейцы.

Красные войска настойчиво готовились к внезапному удару по всему басмаческому фронту. 10 июня 1922 г. Энвер-паша выступил с высокопарной проповедью на совещании командного состава о справедливости «священной войны» и важности соблюдения шариата для успеха в бою.

— О, если бы вы знали, какое это высокое, прекрасное и всеобъемлющее учение — шариат. Оно так подробно предусматривает всю жизнь человека, что нам не нужно никаких новых законов и преобразований, даже тех, каких хотели джадиды. Бухара потому так несчастлива, что её народ не исполнял правил шариата. Если бы законы пророка соблюдались, то Бухара была бы также счастлива и могущественна, как при великом Тимуре, подчинившем весь мир.

Славное царствование Тимура должно было быть идеалом для всех тюрков, которых мы решили объединить. Народы этого края будут счастливы и благополучны только тогда, когда будут следовать предписаниям священного учения ислама и заживут в границах великого Турана. Вы увидите, какое счастье ожидает вас после победы. Вы будете хозяевами земли от Анатолии до Казани...

— Через трое суток на рассвете начнем наступление,— заключил долгую речь Энвер-паша.— С нами аллах!

Секретарь задержал Энвер-пашу.

— Подпишите письмо его величеству Алимхану. Залежалось...

— Прочти, что там...

— ...Дорогой брат,— проникновенно читал котиб.— Сражения с русскими войсками продолжаются успешио для иас. Локайские дела к востоку от Вахша, по

справедливости, очень хороши. Локайцы, которые были атакованы в Кулябе, отбились и, соединившись с войсками таджиков-каратегинцев, киргизов и туркмен под командой Давлятманбия-датхо, очистили все округа провинции. Я получил письмо от Ибрагимбека, в котором он говорит, что желает прибыть ко мне на помощь, но я уверен, что Ибрагимбек никогда не придет ко мне. Поэтому я прошу вас прислать ко мне не менее 500 человек с некоторым количеством пулеметов. Таким образом, я покончу с врагами ислама.

Вы должны мне это прислать быстро, мой дорогой брат, и тогда я сумею победить недругов. Пришлите мне, пожалуйста, патроны и винтовки «джермен». Я думаю, что русские не будут мне большой помехой.

Ваш *Энвер*».

Подписав письмо и поставив печать, главнокомандующий отправился в свой шатер.

В ту же ночь и Мирали Мурадов пробрался в расположение третьего батальона Пятого стрелкового полка и попросил:

— Ведите к командиру.

Каковы были его удивление и радость, когда он увидел Юрия Соколова, с которым служили не так давно в Ташкентском караульном батальоне, одном из первых подразделений Красной Армии в Туркестане. Под командованием Соколова Мурадов два месяца воевал в составе славного пятого полка, сформированного из Ташкентского караульного полка.

Когда шло формирование Бухарской группы войск, Пятый стрелковый полк был включен в его состав. Командиром третьего батальона стал Юрий Соколов. Это он подобрал для Шишова смельчаков-горцев для отправки в тыл к Энвер-паше.

— А где сейчас Шахназар?— вспомнил Соколов.

— У паши... Пойдет с ним.

Попив из фляги Соколова тепловатой воды, Мурадов сказал:

— Теперь надо побыстрей попасть в особый...

В сопровождении Соколова разведчик нашел Шишова.

— Энверовцы начнут атаку через три дня. Ибрагимбековские басмачи недовольны турками, афганцами, белогвардейцами. Скоро Ибрагим уйдет в Локай... Среди джигитов ходит слух: Ибрагимбек сказал Энверпаше:

— Локаец сам себе хозяин, локаец — сам себе господин. Им все равно, кто к ним приехал. С вами мы еще хорошо в Кокташе поступили — выпустили. А ваших турок в навоз бросили. Забыли, как валялись трупы бухарцев на дорогах Локая? Вы — союзник бухарских блюдолизов — наших врагов...

Ибрагимбек был зол на Алимхана. До побега за границу тот на словах признавал Ибрагимбека главнокомандующим. Однако потом не подтвердил обещание, фирмана из Кабула не прислал. Поездка Мулло Зиё оказалась ненужной. Главнокомандующим стал Энверпаша. Готовясь стать руководителем басмаческого движения, Ибрагимбек поучал курбашей:

— На врага надо налетать скопом, как наши предки. Стаей, подобно волкам на добычу. Племя — сила наших предков, воевать надо скопом, всем племенем.

Наша разведка знала о соперничестве между Энвер-пашой и Ибрагимбеком за власть и титулы. Каждый из них претендовал на пост главнокомандующего. Алимхан отдавал предпочтение, хоть и битому, но все же генералу, как никак, бывшему военному министру. Мулло Зиё, ненавидевший Энвер-пашу, сказал тогда своему ученику:

— Я же вам говорил... Вы для них лишь простой исполнитель предначертанного эмиром и его главными сановниками.

Ибрагимбек, сверля глазами муллу, многозначительно протянул:

— Он еще помянет меня.— Засмеялся коротко, утробно. Было это перед бесславным походом Энвер-паши на Байсун. Позднее, после захвата чекистами переписки Энвер-паши с англичанами, стало известно его намерение отдать Бухару, Хиву и Туркестан под их «мудрое покровительство». Взамен англичане, не скупясь на обещания, признавали Энвер-пашу «главой Туранского великого государства».

Энвер-паша проснулся поздно. Ему сразу же подали кофе. Лежа в постели, он стал читать доставленные недавним караваном газеты. Среди них была и «Таймс» со статьей о событиях в Средней Азии. Читая её, он понимал: похвалы в его адрес — лицемерие. «Воюйте за нас...» На лице бывшего министра появилось некоторое подобие улыбки, кривились тонкие злые губы, подергивались коротко стриженые усики.

Подбадривал Энвер-пашу в канун наступления и его высочество Алимхан. Он писал: «Слава Вам, великому полководцу, опоре благочестия и защитнику верующих, вершине храбрости. Вы блюститель высокого, знаете, что развращение нравов состоит в том, что у народа исчезло уважение к установлениям ислама. Вы, вместилище превосходства и совершенства, добьетесь правоверия.

Слава аллаху, властителю небесных сфер, позволившему мне узнать о том, что вы здоровы и благополучны».

Письмо все же заканчивалось упреком, показывающим нетерпение беглого эмира:

— Почему шлете мало известий, мы ждем от вас

подробного описания всех обстоятельств и изложения ваших превосходных планов.

Энвер-паша бросил письмо на ковер. Метнулся тенью слуга, подобрал бумагу, бережно положил в ящик. Вызвав секретаря, Энвер-паша продиктовал ответ, начинавшийся с призыва к аллаху и словословия «Великому повелителю Бухары». Не меняя витиеватого стиля, перешел к делу:

«О, господин мудрости, неужели вам нужно вынимать меч упреков: чтобы вы нас поняли и побыстрее прислали побольше денег, оружия, людей? Обстановка принуждает нас принимать быстрые решения. Воины наши не впали в растерянность и малодушие, а столь нужные деньги помогут зажечь в их груди огонь ярости».

Шли к Энвер-паше и послания ярых националистов из партии «Милли иттихад». Они благословляли басмачей на «битву за веру», выражали полную поддержку его далеко идущих планов.

Шпионские сведения исправно передавали из разных мест те, кто в свое время, по приказу Энвера, был заслан в Среднюю Азию под видом торговцев каракулем, шашлычников, бывших муллобачи стамбульских и каирских духовных училищ, ставших настоятелями мечетей, муфтиями и казиями. Помыслы этих людей были отравлены ядом пантюркизма.

Проанализировав оперативную обстановку, главком С. С. Каменев решил:

— Надо упредить врага, внезапный удар имеет двойную силу.

В ночь на 14 июня 1922 года в Особый отдел прискакал связной от Шахназара Сафарова.

— Охрана спит — накурились... Я буду проводником, покажу дорогу.

С проводником пошли бойцы, чтобы неслышно снять

посты. Отряд был одет в халаты, на голове у каждого чалма, да и вооружение подобрано соответствующее.

Ранним утром 15 июня 1922 г. войска левой колонны неожиданно для Энвер-паши перешли в наступление. Батальоны 5-го полка скрытно вышли на главное направление для удара на Кафрюн — ставку Энвер-паши.

Подобравшийся почти вплотную к штабным палаткам отряд обстрелял охрану, вызвав панику. В предрассветных сумерках афганцы и турки стреляли друг в друга. К штабу рвались бойцы 3-го батальона 5-го стрелкового полка.

Когда рассеялась дымка и стали отчетливо видны окопы врага, конно-горная батарея Дьяконова развернулась и открыла беглый огонь по противнику, а бойцы 5-го полка перешли в атаку. Встреченные свинцовым ливнем, батальоны залегли. В этот момент в бой вступила конница бригады Я. А. Мелькумова. Особенно стремителен был в атаке полк лихого кавалериста Андрея Панкеева.

Стрелки, используя благоприятную обстановку, ворвались в окопы противника. Началась рукопашная. Торжествующее «Ура!», лязг металла, глухие всхлипы клинков, рассекающих человеческие тела, верещание раненых лошадей носились над полем жестокого боя. Клятва сарбазов «Коран и маузер. За великий Туран!» — была забыта. Войска Энвер-паши в панике бежали, не выдержав натиска красных бойцов.

Басмачи, захваченные в плен, рассказывали потом, что их главнокомандующий считал свои позиции неприступными и, услышав первые выстрелы, продолжал нежиться с молодой женой. Пришлось ему бежать в одном белье, оставив в палатке важные документы и целый мешок серебряных таньга.

Красноармейцы показали Юрию Соколову трофеи:

зеленое знамя, одежду Энвера, кучу монет и письмо Алимхана к Энверу:

— Великий полководец! Тебя знают в нашем Туркестане. Имя твое гремит,— читали, покатываясь со смеха, бойцы.— Твоим именем называют своих детей. Мечи народа обнажены, ружья заряжены. Большевики трепещут от страха. От имени бухарского народа приглашаю Вас в Бухару, обещаю высокое звание и в честь вашей несравненной доблести наше сердечное гостеприимство...

К месту сбора трофеев прибыл уполномоченный Особого отдела Шишов.

— Все ценности учтите и отправьте в Каган,— распорядился он.— Теперь это достояние республики.

...Бои и походы продолжались. Впереди 5-го стрелкового полка ускоренным маршем шел поредевший третий батальон. Особенно ожесточенные бои с басмачами развернулись при форсировании Сурхан-Дарьи.

Батальон, неся потери, все же выбил противника из кишлака Аргамчи и с высот южнее и восточнее его, а затем, отражая отчаянные контратаки басмачей, обеспечил переправу наступавших подразделений полка.

В скупых строках донесения об этом бое Соколов писал: «Наши войска имели упорный бой с противником у переправы Аргамчи, которая защищалась отборными силами Энвер-паши. В результате противник, оставив на поле боя до 160 человек, начал отступление в двух направлениях: часть шаек — на восток, к Душанбе и далее, а Энвер-паша—на юго-восток, на Акмечеть».

Короткий привал — и снова пехота на марше. Преследуя Энвер-пашу, 3-й батальон не давал врагам передышки.

Стояла изнуряющая жара, тонкая лёссовая пыль поднималась до неба. Кончалась вода во флягах, а напиться негде. Устали бойцы, но идет впереди комбат

Соколов, твердо ступает по ухабистой петляющей дороге, и подтягиваются ряды, четче становится шаг. Командир полка Баринов отправил командованию пакет:

«Мы передвигаемся полуголодные, много больных, выручает население освобожденных кишлаков. Дехкане делятся с нами продуктами, дают фураж для лошадей, показывают источники с хорошей водой. Неоценима помощь населения проводниками. Обычно это крестьяне, видящие в Красной Армии освободителей от гнета баев. Они идут с нашими разведчиками, впереди частей».

Прикомандированный к третьему батальону, Шахназар Сафаров, в молодости ходил из Гарма на заработки по этим дорогам. Часто он выручал бойцов, подсказывая, как быстрее догнать Энвер-пашу, который, отступая, сжигал кишлаки, посевы, разрушал мосты. Горе и разорение оставляли враги на политой слезами бедняков земле.

В оперативных документах лаконично отмечалось, что 5-й Туркестанский полк отличился в июне—июле 1922 года в операциях против басмачей в районах Рабат-Байсун и Кофрюн-Пулисангин, где несмотря на превосходящие силы противника, выполнил возложенные на него задания и своими решительными действиями оказал значительное содействие общему успеху Красной Армии. За этот коллективный подвиг полк был награжден Революционным Красным Знаменем.

За бои на переправе Аргамчи Ю. И. Соколову торжественно вручили бухарский орден «Красная Звезда» 1-й степени.

...С боями шел вперед 3-й стрелковый батальон. Быстро развернувшись в цепь, отбили еще один налет крупной банды. Когда их атака захлебнулась, басмачи подожгли сухую траву, высоко поднявшееся пламя, подгоняемое ветром, окружало бойцов. Командиры ли-

хорадочно искали выход. И тогда комбат приказал выжечь сухую траву в тылу батальона, перевести за гарь роты, подготовить круговую оборону. Приказ был немедленно выполнен. Когда огонь, зажженный басмачами, подошел к выжженному полю, наступавшие за ним бандиты оказались как на ладони. Залпом встретил их батальон, ударили «Максимы»... Не выдержав огня, враг бежал, оставив много трупов.

На подходе к Гиссару Шахназар Сафаров, посланный разведать обстановку в Гиссарской крепости, сообщил Шишову:

— Ибрагимбек гостит у своего учителя Мулло Зиё. Взять бы его?

Шишов выделил Сафарову группу чекистов, чтобы ночью проникнуть в Гиссар и захватить Ибрагимбека.

К рассвету со всеми предосторожностями, в полной тишине был окружен дом Мулло Зиё.

Когда чекисты вошли во двор, то кроме сторожа, в нем никого не оказалось. Перепуганный старик прошептал Сафарову:

— Кто-то, похоже из ваших, ночью приехал и сказал, что красные идут сюда...

Шахназар ломал голову:

— Кто же этот предатель?..

Сообщив об этом Шишову, Сафаров сокрушенно заметил:

— Видно, среди нас действует враг. Надо найти его.

Штурмом взяв Гиссарскую крепость, пятый полк на следующий день освободил и Душанбе. Над холмами, крутой стеной подошедших к берегу реки, взвилось красное знамя.

Ибрагимбековские шайки, обосновавшиеся в Локае, продолжали налеты на небольшие красноармейские гарнизоны. Оперативные сводки пестрели сообщениями

о мелких стычках, о расстрелянных активистах, сожженных кишлаках, угнанном скоте.

В Душанбе третьему стрелковому батальону дали два дня отдыха. Бойцы чинили обувь, одежду, перевязывали раны. Многих с ног свалила малярия, появилась ришта.

Александра Ивановича Шишова не оставляла мысль о предателе, сообщившем Ибрагимбеку о готовящемся налете на дом Мулло Зиё. Опросил потихоньку всех бойцов, проверил каждого, кто был посвящен в операцию.

— Видимо, в пути наших кавалеристов «засекли» вражеские лазутчики — решил он. И был близок к истине. Как выяснилось позднее, сорвал операцию чекистов один из заметивших отряд соглядаев, которых немало оставил в кишлаках Ибрагимбек.

Упорно действовала, набираясь опыта, наша контрразведка, возглавляемая Шишовым. В Душанбе её сотрудник Мирзошариф Шакиров обнаружил связного, тайно доставлявшего из далекого афганского города Мазари-Шерифа послания Алимхана к Ибрагимбеку и Энвер-паше. Этой «почтой» заведовал некий Ахмадбек-токсабо — душанбинский богач, в свое время сопровождавший эмира в Кабул. А связным был Мухамед Садыкбай — хозяин Душанбинского караван-сарая. Будучи задержанным, он без долгих колебаний вытащил письмо Энвер-паши, датированное 19 июня 1922 года.

— Вы — убежище щедрости,— начиналось оно,— господин, покровитель мой. Долгой Вам жизни, здоровья и благополучия...

Далее шла жалоба на Ибрагимбека:

«Он ввел новые способы для того, чтобы Вас обмануть. Желает собрать всех главных вождей около себя и таким образом отстранить меня от командования. С одной стороны, он шлет Вам письмо о своей преданно-

сти, а с другой — организует восстание в свою пользу в Кулябе, что является доказательством, что ои действительно человек неиадежный...

По сему прошу Вас избавить меня от иедоразумений с Ибрагимбеком и душой желаю Вам здоровья. Как и раньше подтверждаем, что Ахмадбек-токсабо действительно является честным человеком и везде и всюду готов жертвовать своими интересами для Вашего величества.

С великим почтеиием Энвер-паша».

У хитрого Садыкбая было хорошее прикрытие — ведь ои хозяин караваи-сарая. Везде у иего зиакомые. Кто удивится, что зачастил ои в поездки то для «покупки» лошадей, то за фуражом. Никто и ие догадывался, что он — письмоносец самого Алимхаиа.

Когда по совету Шакирова чекисты провели аресты крупных баев, снабжавших басмачей продуктами и фуражом, в доме одиого из них — Алтынбая Ишаидотхо был поймаи Мухамад Садыкбай.

Шишов приказал Сафарову скрыто отправить Мухамеда Садыкбая в особый отдел.

— Вожу письма, а что там в иих, ие зиаю,— заглядывая в глаза, сказал иа первом допросе Шишову владелец караван-сарая.

Сделав вид, что поверил, чекист сообщил «письмоносцу эмира», что ои может торговать, расширять свое предприятие, его иикто не троиет.

Садыкбай удивился:

— Но ведь я был против вас...

Шишов прервал его:

— Стаиете честио служить иароду — получите полиое прощеиие.

— Что скажете, буду делать, только ие отбирайте караван-сарай.

— Вот этому человеку,— Шишов показал на Мир-

зошарифа Шакирова,— будете сначала передавать все письма, а лишь потом отвозить тем, кому они адресованы... Он теперь ваша опора и защита. Но помните: секреты надо беречь. И у друзей — баев собирайте полезные сведения. Их мы тоже выпустим, скажем, что сделали это по вашей просьбе...

Допрос арестованных баев — Каландара Мирахура, Судура Ходжи Мирзо, Ходжи Исмаила Токсабо, Алтыбая Ишандотхо показал, что они не знают о тайной почте хитроумного Садыкбая.

Коренной житель Душанбе, Мирзошариф Шакиров был из бедных дехкан. С трудом овладел грамотой. Был он начитан, любил народную поэзию, особенно песни хафиза Бобо Юнуса Худойдодзода. Они познакомились когда тот после революции возвращался из Кагана домой в Бальджуан.

Их встреча состоялась в караван-сарае Садыкбая, где хафиз спел свои первые песни о революции, о Ленине. Находившиеся в караван-сарае баи и чиновники собрались устроить самосуд дерзкому певцу. Почувствовав надвигающуюся беду, Шакиров прервал пение, сказав:

— Брат, вас там спрашивают земляки...

Хафиз понял: дело неладное, отложил дутар.

— Сделаем перерыв, попьем чаю...

Бобо Юнус вслед за Шакировым вышел из чайханы во двор. У ворот караван-сарая стояла оседланная серая лошадь. В переметной суме ячмень для коня и лепешки его хозяину.

— Скачи в свой Бальджуан...

Когда Душанбинский гарнизон находился в осаде и к Ибрагимбеку в Кокташ приехал Энвер-паша, уполномоченные ЧК Саид Абдуллаев и Кори Садритдинов поручили Шакирову выяснить, каковы взаимоотношения Ибрагимбека и Энвер-паши, эмирских ставлен-

ников, претендующих на место «главнокомандующего армией ислама».

К этому времени войск Красной Армии, за исключением отдельных небольших гарнизонов, в Восточной Бухаре не было. Нелегкой была задача — сохранить молодую Советскую власть. Командирам красноармейских подразделений надо было знать о силах и взаимоотношениях главарей басмачества, найти и перекрыть каналы, по которым идет их переписка. На службу в ЧК в числе добровольцев пришел Мирзошараф Шакиров. Вместе с первыми милиционерами молодые чекисты повели полную опасностей борьбу со скрытыми врагами республики.

Саид Абдуллаев и Кори Садритдинов были убиты турецкими офицерами, временно захватившими власть в Душанбе. Но Шакиров чудом спасся.

По отчетам уполномоченного Душанбинского ЦК Саида Абдуллаева, Шишов много знал о работе Шакирова, а теперь познакомился лично.

...Это было в конце ноября 1921 года,— рассказывал о былом Мирзошариф.— Саид Абдуллаев зашил мне в халат кусочек шелка с печатью войсковой части. Это на случай, если красноармейцы задержат.

Для поездки в Кокташ и обратно мне даны были три дня. Взял я с собой Нажмутдина Максума — батрака из кишлака Канды. На крупах лошадей встреченных нами всадников мы переправились через Кафирниган возле кишлака Сабзикор и пешком прибыли в Кокташ. Нам встретился домулло Донахон — главный вероучитель локайского племени, долго расспрашивал, откуда мы и зачем пришли. Мы пожаловались, что нас притесняет староста кишлака Канды Арбоб Саид. Он требует большой налог,— говорим,— а у нас и хлеба не хватает.

Домулло Донахон поверил нам и повел в канцелярию Ибрагимбека, его старшим котибом сидел Мирза Мавляви из Файзабада. С ним находился локаец Мирза Кукан. Они писали указы о присвоении чинов, которые тут же ожидали курбаши.

Домулло Донахон сказал писарям, что эти пришельцы — бедные люди, никакого имущества не имеют, а кишлачный аксакал требует большой налог.

Мирзо Мавляви спросил у нас имя старосты нашего кишлака, написал ему письмо, скрепил печатью Ибрагимбека и подал ему домулло Донахону, а тот нам. Мы кланялись, благодарили Донахона, попросили его помочь нам увидеть великого Энвер-пашу. Он сказал, что Энвер-паша пока находится под охраной в доме Мулло Алибая-токсабо. Мы пошли к этой кибитке, возле неё стояли вооруженные локайцы. С нами пришли два местных человека и тоже попросили разрешения посмотреть на Энвер-пашу. Мы зашли во двор, поклонились паше. Угостили нас лепешками, которые были завернуты в ткань. Слуга Энвера Хасан положил на дастархан также банку с сахаром. Я, разломив лепешку, не спеша ел и пил чай, наблюдая за Энвер-пашой. Он был рябоватый, с черными усами, на голове серая папаха, одет в желтый камзол. Он к нам обратился на турецком и потом на арабском языке. Мы молчим, а локайцы отвечали ему словами:

«Якши, якши».

Локайцы унесли с собой весь сахар, назвав его благословенным. Мы тоже поднялись и пошли.

Теперь меня беспокоила мысль, как увидеть Ибрагимбека и его джигитов. Мы шли с оглядкой, недалеко от канцелярии стояли три белые юрты, из одной вышел домулло Донахон. Он подозвал нас:

— Увидели ли Энвер-пашу?

Я ответил:

— Да, однако господина Ибрагимбека не видели, хотелось бы посмотреть и на него.

— Мы сейчас идем встречать Ибрагимбека. Он напал на отряд джадидов, возглавляемый Усманходжой и Даниярбеком, захватил много трофеев.

Вскоре Ибрагимбек во главе большого отряда появился на дороге. Он был одет в парчевый камзол. На нескольких лошадях были погружены язданы — кожаные сундуки. Один из локайцев громко пел, прославляя песней подвиги Ибрагимбека.

Домулло Донахон подозвал к себе двух джигитов и расспросил об обстоятельствах боя.

— Усманходжа и Даниярбек,— рассказывали они,— находились в кишлаке Куштепе, вели там переговоры о приобретении лошадей. Взамен обещали, что в течение одной недели отдадут басмачам все склады и уговорят русских, находящихся в Душанбе, сдаться в плен. А пока, говорят, дайте нам продовольствие и лошадей.

Ибрагимбеку сразу же сообщили, что Усманходжа с награбленным добром хочет удрать в Афганистан. Он бросился в погоню, разбил этот отряд и захватил всё, что бросили в панике Усманходжа и его приспешники...

Разведав обстановку в Кокташе, мы вернулись к Кафирнигану и ночью прибыли в кишлак Бешкапа. Здесь переночевали на крыше мечети. Утром по дороге в Душанбе нас задержали красноармейцы, я был доставлен к начальнику гарнизона. Вскоре здесь собрались командиры, затем пришел Саид Абдуллаев—это меня очень обрадовало.

Рассказал я, какие дела творятся в Кокташе и о том, как удалось увидеть Энвер-пашу и Ибрагимбека.

А один из командиров сказал:

— Непохоже на правду, может, дальше Шахмансура и Мавляно ты никуда не ходил, а это всего час ходьбы.

Я вынул из кармана письмо с печатью Ибрагимбека и передал Абдуллаеву. Тут уже все поверили моему рассказу. За хорошую разведку подарили мне часы и халат, а я распорол свой халат, вынул из него «секретную записку» и отдал её Абдуллаеву.

Письмо Ибрагимбека оставили мне, сказав, что, мол, я часто бываю в кишлаках, оно мне пригодится.

Через трое суток бойцы Душанбинского гарнизона совершили внезапный налет на Кокташ. Басмачи потерпели урон, но успели уйти, а Энвер-паши в Кокташе уже не было...

Шишов попросил Шакирова подробней рассказать об Энвер-паше и Ибрагимбеке. Разведчик начал припоминать: у Энвер-паши смугловатое лицо, глаза с раскосинкой, закрученные черные усики. Одевается, обычно, в коричневую военную форму, лакированные сапоги. Довольно высок, строен, говорит резко, отрывисто, словно лает.

Облик, нарисованный Шакировым, совпадал с фотографиями паши, имеющимися у Шишова. Фотографии Ибрагимбека у нашей разведки не было, имелось только словесное описание.

— Это крепкий, выше среднего роста человек,— стараясь не упустить деталей, начал разведчик.— Большая черная борода, усы. Он не стар, а борода и усы делают его старше своих лет. Руки — как лапы медведя, грудь волосатая. Она всегда открыта, даже зимой, хотя любит одевать сразу по несколько халатов. Видно, суеверен, весь обвешен талисманами, ладанками, ну и оружием, конечно. Какой-то у него странный, тяжелый взгляд, неживой, но горящий... два уголька в очаге...

Шишов объяснил Шакирову, что он может торговать, служить в мечети, работать где угодно, но главное — заниматься Садыкбеком-караван-баши, следить за его поведением. Для этого надо подобрать двух-трех надежных людей. Их задача — не спускать глаз с отпущенных из-под ареста баев. Они считают, что мы о них ничего не знаем. Пускай так думают, но об их поведении и особенно о переписке, все надо знать.

Неся с собой свободу и избавление от басмаческих грабежей и произвола, Красная Армия и отряды добровольцев шли вперед по древней земле таджиков. Шишов, не зная сна, налаживал со своими помощниками службу чекистской информации. Отлично помогал ему в этом важном деле Шахназар Сафаров. Одновременно велось выявление басмаческих пособников. Разветвленная служба разведки Ибрагимбека держалась на баях, бывших чиновниках, были среди них и запуганные басмачами дехкане.

...Конец лета 1922 года. Закаленные в жарких боях пехотинцы 3-го батальона выступили к перевалу Фахрабад в горах Бабатага. За этим перевалом открывались дороги в Вахшскую долину. Здесь, по сообщению Шахназара, можно ожидать встречи с басмачами.

Сумерки наступили быстро, как это обычно бывает в горах. Небо на западе еще удерживало на себе заревые краски полыхающего заката, постепенно наливаясь темной синевой и зажигая яркие звезды. Пришла желанная прохлада. Споро, стараясь не звякнуть оружием, двигались бойцы, чтобы к утру быть на месте.

Одну из рот батальона во главе с Сафаровым комбат направил в покрытое выгоревшей травой ущелье. Обнаружив себя и вызвав басмачей на атаку, рота должна была, отстреливаясь, отступать между круты-

ми откосами, вовлекая врага в преследованне. На рассвете шайка обнаружила красноармейцев н устремилась за ротой в ущелье, надеясь иа свое численное превосходство н крепкнх лошадей. Лава орущих всадииков рннулась иа успевшнх залечь пехотинцев. Бойцы открылн прнцельный огонь. Басмачн, усилнвая натиск, не смотря на потери, стремилнсь смять роту. И тогда с тыла по врагу ударилн закрывавшне выход из ущелья, остальные две роты батальона. Спасаясь, басмачи по косогору сталн выбнраться из ущелья, и здесь их встретнлн подоспевшие кавалеристы полка Панкеева.

Батальон Соколова взял стратегически важный мост Пулнсаигин у Нурека н получил прнказ идтн на Гарм.

...В сжатой высокими горами теснине душно. Лишь ночью тяиуло со дна ущелья чнстым, прохладиым воздухом, напоениым влагой бурного Вахша. Шаркая стоптанными подошвами сапог и ботннок, без прнвычных песен, долгимн часами ндет батальон Соколова по молчаливым горам, только в самую жару остаиовка, привал. А там сиова в поход.

Ох, нелегка доля пехотинца! Тяжелеют иогн от усталостн, жжет подошвы, смыкаются векн, все тело становнтся непослушным, расслаблениым.

Впереди полка шагает батальон Соколова, рядом с комбатом Сафаров. Горец рассказывает о местиости, где они проходят, ои знает здесь каждый поворот тропиики.

— Скоро опасное место,— предупреждает он Соколова.— С горы почти всегда сыплются камни и снний песок. Надо разведать, ие начался ли обвал.

Сафаров вызывается пройти первым. Через час связной передает от него:

— Можно...

Дорога местами сужается так, что бойцы ндут гусь-

ком, на каждом шагу можно сорваться. Отряд из 300 человек растягивается на полтора километра.

Пришлось придумать носилки для орудий. Две жерди крепились к лошадям и на них клали части орудия и пулемета, в особо опасных местах груз переносился на руках. В час проходили один-два километра. В этом трудном марше половина бойцов покалечила ноги — старая обувь вконец разбилась о камни. Горцы выручали, они отдавали бойцам сыромятные башмаки, удобные для передвижения в горах.

В помощь бойцам по призыву Сафарова местные жители разведывали путь, сообщали в полк, годна ли дорога, местами ремонтировали её, облегчая передвижение подразделений.

С боем полк взял Гарм. С красными флагами встречали его жители селения Флаг нес Максуд Иброн — член Гармского ревкома.

Шахназар Сафаров познакомил Соколова с Максудом Иброном, который неплохо говорил по-русски.

— Я восемь лет работал в Коканде на хлопкозаводах, жил рядом с русскими рабочими,— сообщил новый знакомый.

Максуд Иброн пригласил бойцов в бекский сад. К удивлению красноармейцев, там в огромных котлах варилось шурпо, большими стопками лежали на дастарханах лепешки.

— Сколько вас? — простодушно спросил Максуд Иброн.— Хватит ли еды?

Сафаров ответил:

— О, друг, много ли, мало ли, все едоки отличные. Вот и думай...

— Мы приготовили пятьсот лепешек, варим целого быка, десять овец.— Хватит?

— Вполне,— вмешался Соколов и добавил с улыбкой.— На целых два дня хватит!

Третий батальон остался в Гарме, остальные подразделения полка, по указаниям нового начальника штаба, им стал Соколов, разместились гарнизонами в соседних кишлаках.

Вечером, когда бойцы уже крепко спали и бодрствовала лишь охрана, в кибитке, ставшей штабом полка, собрались командиры поздравить Соколова, поговорить. Гости попросили Максуда Иброна рассказать о гармских делах. С горечью и гневом поведал он о страшных зверствах, грабежах, которым подвергали трудовое население банды Фузайля Максума.

— Не родня вам Фузайль? — поинтересовался у Максуда Соколов.

Сафаров замахал руками:

— Тот бай, торговец, а этот — рабочий, безземельный дехканин.

Сафаров рассказал, как бек Каратегина разыскивал Максуда Иброна, чтобы расправиться с ним за помощь Красной Армии, части которой год тому назад уже проходили здесь. Тогда Максуд был членом Гармского ревкома, организовывал снабжение бойцов продовольствием. Гармцы, по призыву Максуда, делились последним, отказываясь от оплаты. Бойцы помогали дехканам ремонтировать их немудреный сельхозинвентарь, даже проложили небольшой канал, вспахали земли бедняцких семей, построили несколько новых домов для тех, чьи жилища были разрушены басмачами. По приказу командования Красная Армия ушла из Гарма, и тогда Фузайль Максум, собрав сотни басмачей, занял селение. Так появился новый бек Каратегина и Дарваза. Он истреблял всех, кто выступал за Советскую власть. Максуд Иброн и другие активисты пробрались в Каган.

В тот же период басмачи осадили Куляб, Курган-Тюбе, блокировали Душанбе. В декабре 1921 г. в ок-

рестностях Душанбе находилось до 10 тысяч басмачей. Изменники из отряда бухарской милиции во главе с бывшим турецким полковником Али Ризо, председателем Бухарского ЦИКа Усманом Пулатходжаевым и командиром бухарской воинской части Даниярбеком предательски напали на Душанбинский гарнизон. Но благодаря находчивости начальника гарнизона Гриневича захватить с налета казармы им не удалось. Гарнизон героически отбил нападение предателей и 14 февраля 1922 года по приказу командования начал с боями отход к Байсуну.

Энвер-паша с группой турецких офицеров, задержанный Ибрагимбеком в Кокташе, в конце 1921 г. вырезал охрану из локайцев, вырвался на свободу. Связавшись с Кабулом, он получает фирман Алимхана о назначении его «главнокомандующим войсками ислама». Реакционные круги Афганистана по просьбе Алимхана прислали Энверу помощь.

Своим фирманом Алимхан подчинил Энвер-паше все басмаческие шайки Восточной Бухары, в том числе курбашей Тугайсары, Фузайля Максума, Хуррамбека, Ибрагимбека и других.

Проникнув в стан Энвер-паши у Байсуна весной 1922 г., Сафаров проявил себя одним из лучших разведчиков Красной Армии, расчетливым, осторожным и бесстрашным. Он умел расспрашивать басмачей так, что они выкладывали ему всё, что он хотел знать.

...И вот части Красной Армии снова в Каратегине. Дехкане старались доказать бойцам, что по части гостеприимства и радушия их селение первое в горном крае.

Максуд Иброн делал многое, чтобы горцы крепче сдружились с красноармейцами, среди которых были не только русские, украинцы и белорусы, но и таджики, узбеки, татары, башкиры. Всех их сюда привели благородные, высокие цели. В бою они проявляли железную

выдержку, а терпение переносить все невзгоды не знало предела. Пощады и снисхождения они не просили, но и сами врага не щадили. Вдохновленные идеями революции, они шли в бой, твердо веря в победу, не жалели своей жизни ради свободы и счастья таджикских дехкан.

Позднее лето — чудное время в горах. Ласкают глаз густые шапки деревьев, пестрые от оранжевых и розовых плодов. Ветер серебрит высокие тополя и чинары. Жара спала, воздух сух, напоен ароматами долгожданного урожая. Спокойствие, наступившее после разгрома басмачей, наполнило радостью каждый дом.

В один из таких дней в Гарм приехал Шишов. Расспросил Соколова и Сафарова о составе ревкома.

— Состав энергичный, боевой,— ответили они.— Народ сам выдвигал.

— Подождите, надо разобраться. Ведь предревкома здесь был крупный чиновник ишан Султан, назначенный бухарским правительством?

Для беседы пригласили Максуда Иброиа. Шишову понравился этот живой, разговорчивый горец.

— Скажите откровенно, есть ли в ревкоме баи и бывшие чиновники?

— Конечно,— не задумываясь, ответил Максуд.— Они — влиятельные люди. Без них пока не обойтись. Пускай не мешают—и хорошо.

Шишов улыбнулся:

— Они будут делать то, что и при беке, ишане, Алимхане?!

Максуд задумался:

— Вы, пожалуй, правы. Вот недавно одного мы послали в Қаланак за продуктами. Так он потребовал от населения вместо положенных пяти овец в счет налога вдвое больше. Дехкане ему говорят: «Нам в ревкоме

сказали сдать пять овец». Он раскричался, выхватил камчу и стал бить старшину кишлака.

— Да ведь это злейший враг, а не «активист». От таких надо избавляться, пускай влиятельными, самыми авторитетными станут батраки и бедняки.

— Как это сделать? — задумался Максуд Иброн. Лучистые морщины-памятки нелегких раздумий, забот и переживаний, побежали от уголков глаз к вискам.

Помолчав, твердо сказал:

— Постепенно разберемся, выгоним двурушников. Будет у нас настоящая народная Советская власть.

— Надо, надо разобраться. Только помните, бывший бывшему рознь,— сказал Шишов.

Раздумывая над беседой, Максуд Иброн пошел к себе в небольшую кибитку, в которой он уже сорокалетним обосновался в Гарме, оставив родной кишлак Чашма-куди.

За плечами этого человека были восемь лет работы в Коканде, участие в народном движении в 1905 г., бои с Энвер-пашой и Ибрагимбеком.

Он любил читать, уединялся в свободные минуты с книгами, особенно по истории, хорошо знал родной и узбекский язык. Главным его учителем была сама жизнь, общение с пролетариями русскими и узбекскими, вместе с которыми работал на заводах, бастовал, добивался прибавки к заработку, протестовал против несправедливостей.

Из-за неполадок в устаревшем оборудовании один за другим произошли на заводе, где работал Максуд, несчастные случаи, погибли два рабочих — русский прессовщик и отходник-таджик из Куляба, у обоих остались дети-сироты.

Тогда Максуд Иброн собрал рабочих и пошел с ними

в контору завода. Переговоры были трудными. Рабочие объявили:

— Не заплатите семьям погибших, остановим завод.

Это был 1905 год. Завод митинговал. Рабочие потребовали у хозяина новых порядков, отмены штрафов, установления 8-часового рабочего дня.

— Будет время — и хозяевами всего станут сами рабочие,— говорил Максуд.— Подождите, еще не то будет.

— Подождем, это верно, надо подождать,— юлил хозяин завода.— Нам надо свое мусульманское управление,— поговаривал он.— Мы ведь братья — что хозяин, что рабочий. Все наши дела в воле аллаха, он один милостивый и милосердный.

— Нам с русскими делить нечего,— решили Максуд и его друзья рабочие.— Когда машина искалечила сразу русского и таджика, все вступились: и русские, и мусульмане. Мы — пролетарии, настоящие братья, и враг у нас один — капиталисты, царь да эмир.

Это было в разгар сезона переработки хлопка. Хозяин вынужден был согласиться с требованиями рабочих. Максуд Иброн организовал сбор денег в помощь семьям погибших, среди которых был Сидоров, товарищ по работе и земляк, с которым рядом трудился четыре года.

К зиме хозяин завода под благовидным предлогом уволил Максуда. В городе больше не принимали его на работу, и он отправился в родной кишлак, занялся крестьянским трудом, пахал, сеял.

Весть о революции в Петрограде и Ташкенте принесли в Гарм такие же отходники как и Максуд...

Каждое утро, наскоро попив чаю, Максуд Иброн спешил в ревком, как бывало — в поле. Занятый мыслями о предстоящих делах, он не мог все же не любоваться

открывающейся ему в пути красотой милого его сердцу края. В первых лучах восходящего солнца светлели горы, причудливые кроны деревьев, кустарников, светло-зеленым пламенем вспыхивали сады. Прохладный ветерок, тянувший из темной низины ущелья, бодрил, сгонял остатки неспокойного сна.

В ревкоме с утра уже ждут посетители. Нужд у крестьян много. Нет волов, омачей, кетменей, семян для озимого сева.

— Қак быть?

— Возьмите у бежавших баев, басмачей,—советовал Сафаров.

— Дехкане не возьмут... Покорность баям и чиновникам вколочена в их души и камчой бека, и словом Қорана, да и басмачи ушли недалеко. Боятся — а вдруг вернутся,— объяснил старик-горец.

— Но ведь люди отлично понимают, что басмачи нарушили их труд, покой, что они пожирают их счастье, лишают жизни невинных, хотят, чтобы как прежде бедняк гнул спину на бая. Нет, не будет возврата к старому,—ответил Максуд.—Но ты прав, мусафед, еще сильна сила привычки и трудно её преодолевать...

Неугомонный Максуд организует общественный склад семян, есть в распоряжении ревкома несколько рабочих волов, даже отара овец. По решению ревкома из этих запасов выдается помощь беднейшим горцам, чорьяккорам и мардикорам.

— Берите, ведь это добро ваше, оно оплачено вашим потом,— говорит робким Иброн.

Несколько дней пробыл в Гарме Шишов, наладил разведку с помощью бывших рабочих-отходников и бедняков, руководил которой Максуд Иброн.

В глухих кишлаках скрывались басмачи, ждали своего часа. С помощью добровольцев-разведчиков началось их выявление. С каждым разбирались отдельно.

Поведение задержанных из обманутых, запуганных дехкан обсуждали на заседании ревкома. Взяв подписку, что в басмачи больше не пойдут, их отпускали. Беднейшим ревком выделял корову или рабочего вола, семена, одежду. А тех, кто запятнал свою совесть убийством и грабежом, ждала суровая расплата.

Комбат Соколов наладил боевую подготовку группы самообороны. Добровольцы учились стрелять, вести разведку. Отряды самообороны круглые сутки несли охрану крупных кишлаков.

Шишов уехал в войска, преследовавшие Энвер-пашу в районе Бальджуана. Его сопровождал Шахназар Сафаров.

— Вот бы снова попасть к паше, посмотреть, как там и что,— завел разговор разведчик.

— Да уж это не помешает, надо поискать возможности...

Из Гарма Шишов направил в Новую Бухару сообщение: «Взаимоотношения частей с населением очень хорошие. Таджики и узбеки с радостью встречают красноармейцев. Жители, бежавшие в горы от басмачей, без боязни относятся к бойцам. Особенно общительны бывшие рабочие-отходники. Многие из них знают порусски, хотят вступить в Красную Армию, помогают в перевозке пулеметов, орудий, когда надо доставляют продовольствие и фураж.

Среди горцев много отличных проводников и разведчиков. Очень активен ревкомовец из Гарма Максуд Иброн. Совершенно незаменим Шахназар Сафаров. Беру его с собою в Куляб».

Перед отъездом Шишов встретился с Максудом Иброном и поблагодарил за хорошую работу, расспросил, как лучше проехать. Сафаров, присутствовавший при разговоре, успокоил Шишова:

— Мне все дороги здесь известны.

Максуд Иброн возразил: Сафаров пусть другими делами занимается, я дам наших людей, оии проведут...

С охраной из десяти человек чекисты иаправились в район боевых действий.

Ехали по узким тропкам с опаской. После трудиого перехода делали иедолгие остаиовки, пускали лошадей на горных поляиах пастись. Проводники собирали яблоки, орехи, ловили куропаток силками, жарили на костре, угощали чекистов.

Максуд Иброи позаботился о еде на дорогу. Проводники иа привалах выкладывали слоеиые лепешки, курут — комочки сухого, подсолениого кислого молока.

Три дня пути, ночевки в кишлачных мехмоихоиах, встречи с дехкаиами, беседы о иовой власти. Вблизи Бальджуаиа чекистам повстречался хафиз Бобо Юиус. Шахназар спрыгнул с лошади и обиял старого друга. Разошлись и сиова обиялись, пожимая руки, радуясь встрече, воии и певец. Шахиазар был выше иизкого кореиастого хафиза, а лицом оии были схожи — типичиые горцы. У обоих были темные, добрые глаза, белозубая, не без лукавиики, улыбка.

Бобо Юиус пригласил путииков к себе в Қосатрош, сказав:

— От нас до Қаигурта рукой подать. А затем, как говорят, два шага до Қзыл-Мазара. Переедете две реки — Яхсу и Қзылсу — и в Қулябе. А сегодия вы мои гости.

Глаза поэта смотрели испытующе: «Согласится ли?» Хотя до вечера было еще далеко, чекисты прииялн предложеиие переиочевать у Бобо Юнуса.

— Я вас сам проведу, куда пожелаете, отпустим гармцев домой...

Во дворе мечети собрался почти весь кишлак. Заканчивалась вечерияя молитва, горцы завели разговор о жизии, революции, о борьбе с басмачами.

— Я покажу вам Ленина,— сказал поэт и бережно достал потертый на сгибах газетный портрет вождя революции. Портрет стал переходить из рук в руки.

Бобо Юнусу принесли дутар. Только он взял инструмент в руки, как вокруг наступила полная тишина. Хафиз откашлялся, провел рукой по струнам и тут же рожденными стихами приветствовал гостей. А затем исполнил поэму «Революция», которую помнил Шахназар еще по Ташкенту и Кагану.

Пел хафиз и о своей жизни, о скитаниях, о горькой доле бедняков, приветствовал Великий Октябрь. Он воспевал мощь народного восстания, его несокрушимую силу, скрепленный кровью союз рабочих и крестьян всех национальностей. Пел поэт и о прошлом, о тяжелой доле дехканина.

Дехканам нравилось, что Шишов понимает песню, вступает в разговор по-таджикски, ведет себя, как добрый гость.

За беседой и угощением незаметно пролетела ночь. На рассвете чекисты тронулись в путь, делясь впечатлениями о славной встрече с косатрошцами.

По дороге Шишов заглянул в хурджин. Он до отказа был набит припасами... Впереди отряда на лошади ехал Бобо Юнус.

В Кулябе чекистов встретили Умаркул Саидов, Саид Назаров и другие активисты — участники революционных событий в Ташкенте и штурма Бухары, группы войск, недавно освободившей от басмачей юго-восточный Таджикистан. Теперь они работали в ревкомах, строили новую жизнь, помогали красноармейским гарнизонам. Со многими Шишов был знаком. Сейчас, при встречах, они вспоминали, как в августе 1921 года Куляб осадил Ибрагимбек. Тогда менее ста человек отразили натиск 600 басмачей. Положение стало критиче-

ским, нужно было срочное подкрепление. Бесстрашный Умаркул Саидов ночью пробрался через окружение врага, сумел сообщить Чубекскому гарнизону об осаде Кулябской крепости. Помощь пришла вовремя.

Умаркул Саидов еще в Кагане получил задание найти способ поссорить басмаческих атаманов Давлятмандбия и Тугайсары. И он сумел это сделать, сообщив через задержанного басмача, что караван с оружием Давлятмандбию захватил Тугайсары. Они начали враждовать, произошли кровавые схватки. Немало времени утекло, пока курбаши поняли, что их раздоры вызваны, как они решили, недоразумением. В это время части Красной Армии били шайки поодиночке.

Выполняя поручение штаба, Умаркул из-под Куляба направился с Ибрагимбеком в его новую ставку — кишлак Мавлоно, вблизи Душанбе.

В сентябре 1921 года басмачи начали осаду Душанбе. Но все попытки захватить город разбивались о стойкость защитников, хотя находившийся в нем представитель Бухарского правительства турецкий офицер Сурея Эфенди сообщил Ибрагимбеку данные о вооружении и дислокации частей.

Когда Умаркул Саидов, ночью покинув шайку, направился в Файзабад, где находился сильный гарнизон, поднятые им по тревоге бойцы скрытно подошли к Мавлоно и внезапно нанесли удар с тыла. Ибрагимбеку не только пришлось снять осаду, но и поспешно бежать, бросив оружие и награбленное добро. Умаркул Саидов возвратился в Куляб.

— Вы — настоящий герой,— не удержался Шишов, выслушав рассказ разведчика.— Правильно действовали, по обстановке.

Шишов вспоминал, как ему в 1917—1918 годах приходилось вести борьбу в Ташкенте с контрреволюцион-

ной организацией «Иттихад ва тараки», созданной уполномоченным Энвера. И тогда ему помогал Умаркул разоблачать вражескую агентуру. Беседа снова вернулась к событиям прошлых лет. Стойко держался осенью 1922 года осажденный Душанбинский гарнизон. И только после получения приказа оставил город, с боями пробился в Байсун. Войска Энвер-паши и Ибрагимбека заняли Душанбе. В те дни турецкий генерал получает от эмира Алимхана второй фирман, подтверждающий первый, о назначении его главнокомандующим, Ибрагимбек потрясен. Это означало недоверие и понижение его в должности.

В Кокташе Энвер-паша провел совещание атаманов басмачества. Он объявил им:

— Идем на Байсун, а потом возьмем Бухару.

Так в армии Энвер-паши оказалось 20 тысяч басмаческого сброда и много турецких офицеров. Когда Энвер-паша подошел к Байсуну, руководитель западнобухарского басмачества Мулла Абдукахор, по заданию эмира, захватил почти весь Бухарский оазис и стоял у ворот города. Ему тайно помогал оружием и патронами военный визирь БНСР Арифов, который ранее переправил Энвер-пашу в Восточную Бухару.

Поток английского военного снаряжения из Афганистана шел к Энвер-паше и Ибрагимбеку разными путями. Один из них проходил через Чубек. Умаркул Саидов со своими помощниками вели здесь за тайными караванами наблюдение и через душанбинскую конспиративную квартиру Шакирова отправляли информацию в штаб красных войск.

В мае 1922 года по намеченному плану Красная Армия наносит удар по Абдукахору, его шайки разгромлены. Наступила очередь Энвер-паши, который, как уже известно читателю, получил свое. Ибрагимбек, видя безнадежное положение Энвер-паши, питая ненависть

к чужеземцу, занявшему его пост, ушел из-под Байсуна в Локай, возомннл себя хозянном Восточной Бухары.

Вестн о раздорах Энвер-паши н Ибрагнмбека вскоре дошли до эмнра Алимхаиа. Он стремнлся наладнть их отношення. Копнн его дышавшнх лнцемерием посланий Шакиров нсправно присылал Шишову. Чекнсты решнлн помешать примнрению атамаиов басмачества, усилнть вражду между ннмн, не дать объедннnться. Шншов поручает Шакнрову найтн возможиость ознакомнть Ибрагимбека с «пнсьмом» Энвер-паши Алнмхану.

Шакнров, имевший опыт хождення в басмаческую ставку, отправился в Кокташ, где в то время находнлся Ибрагимбек. Здесь он снова встретнлся с советнником Ибрагимбека муллой Донахоном, который вызволнл его осенью 1921 года.

— Я перед вамн в большом долгу,— сказал, кланяясь благообразиому мулле, разведчнк.— Вы меня освободилн и помоглн устроить дела. Теперь иаш староста меня уже не обижает. Вот посмотрнте, что у меня для вас есть!

Оглядываясь, он вручнл своему благодетелю «пнсьмо» Энвера к Алимхаиу, в котором тот жаловался на Ибрагнмбека, называя его предателем, иевежественным кочевнником.

«Ибрагнмбек хочет завоевать Бухару н обойтись без вас,— сказаио было в этом «собствеиноручио подпнсанном» пнсьме Энвера.— Наши неудачи под Кофрюном — внна локайца».

— Где взялн?— усомннвшись в достоверностн послання, спросил мулло Донахон у Шакирова.

— Мне его дал однн человек, хозянн караван-сарая в Душанбе,— помявшнсь, ответил Шакнров.— Дал вот эту лошадь, деиег н сказал: «Скачи в Ханабад, отдай это дяде эмира Тугайбеку, но не дай бог, чтобы пнсь-

мо попало к людям Ибрагимбека». Я тогда подумал, в нем, наверное, есть что-то важное для вас, для нашего покровителя Ибрагимбека. Вот серебро за эту услугу.

Донахон, допросив Шакирова с пристрастием, пришел к выводу, что так и было, что его рассказ правдив. К письму была приложена печать Энвер-паши, копию которой имели особисты. На ней арабской вязью написано: «Верховный главнокомандующий всеми войсками ислама, зять Халифа и наместник Магомета».

Донахон тотчас доложил Ибрагимбеку, находившемуся в юрте за обедом. Груда обглоданных костей лежала на дастархане.

Ибрагимбек кивнул склонившемуся к нему Донахону:

— Что ж, читай...

Нервно выслушав письмо и оттолкнув от себя деревянные блюда с мясом, вскочил с мягкого одеяла, криво усмехнулся.

— Пускай турка добивают красные... Я и без него завоюю весь этот край. Наши предки всех врагов покоряли. Мы повторим их дела. Мы — локайцы — великая сила. Каждый мой воин станет беком.

Когда 15-й, 16-й кавполки Первой Туркестанской кавбригады в июле 1922 г. громили Энвер-пашу и Давлятмандбия у Сангтудинской переправы, Ибрагимбек только ухмылялся.

— Пускай бьют заносчивого турка.

Ничуть не думая о помощи «воителям ислама», он отправился в верховья Кафирнигана в надежде передохнуть, пополнить шайки. Умаркул Саидов через связного вскоре сообщил Шакирову о местонахождении Ибрагимбека.

...Энвер-паша отступал к Бальджуану. Здесь к Богданову — командиру 16-го полка, преследовавшего Энвер-пашу, пробрался Бобо Юнус. Он показал дорогу в

тыл войскам Энвер-паши, занявшего выгодные высоты у кишлака Абдары.

Полк неожиданно появился в тылу басмаческих орд, открыв кинжальный пулеметный огонь. Басмачи стали разбегаться. Энвер-паша с группой телохранителей-джигитов пытался вырваться из окружения. Бобо Юнус, увидев среди басмачей Энвер-пашу, показал Богданову:

— Вон скачет самый главный...

Так 4 августа 1922 года нашла бесславный конец авантюра Энвер-паши и его подручного Давлятманд-бия. Басмачи были перебиты, многие сдались в плен.

Бойцы, приводя в порядок себя и лошадей, отдыхали в садах Бальджуана. К ним пришел Бобо Юнус с неразлучным дутаром, окруженный многочисленными слушателями, спел две новые песни о недавних событиях, о победе и разгроме врага, «Против эмира» и «Сдача басмачей» назвал их хафиз.

Бойцы-таджики тут же переводили своим товарищам горячие слова песни. В сказе «Сдача басмачей» поэт славил разведчика Махмадали, который сообщал Красной Армии о басмачах. Они его схватили и отрубили голову. Но вместо него в разведчики пришли другие, смелые сыны таджикского народа. Вспоминая недавнюю битву, Бобо Юнус пел:

Басмачи эти за три года
Душу вымотали из народа.
Потом из Стамбула прилезла вша
С именем грозным — Энвер-паша.
Он эмиру служил—палачу,
Помощь он оказал басмачу.
И тяжкое время увидели горы,
В каждый кишлак проникали воры...
Советов войско силою своей
Преследовали банды басмачей.
Был их осиный улей потревожен.
Сначала пулю получил Энвер,
Потом и Давлятманд был уничтожен.

Была их вся разгромлена орда.
Все в горы разбежались — кто куда.
Спеша после потери главарей,
Попрятались остатки басмачей.
Поодиночке думали спастись.
Но в наши руки все они сдались.

— Продолжай, пой!— просили бойцы.

И он пел.

...Вечером, как обычно, басмачи Ибрагимбека пировали, варили, жарили угнанных баранов, рыскали по соседним кишлакам в поисках добычи и женщин. Тем временем отдельная кавбригада Мелкумова скрытно шла к селению Чиноро в верховье Кафирнигана, названному по растущему в его окрестностях могучему чинару — платану, которому, по преданию, было более пятисот лет.

Под раскидистой кроной чинара устроился с курбашами Ибрагимбек, готовясь ударить по гарнизону Янгибазара. Недалеко от него сидел Мулло Зиё. Речь шла о боях под Бальджуаном. Гибель Энвер-паши достопочтенный мулла объяснял тем, что тот нарушил требования Корана и был посему оставлен всемогущим аллахом.

— Этого допускать нельзя,— назидательно говорил Мулло Зиё.

Ибрагимбек со злорадством произнес:

— Шакалу смерть шакала...

Когда наступило время последнего пятого намаза, он встал на коврик, призвал вознести молитвы с просьбой даровать победу над неверными.

— Бейте кафиров!— призывал Мулло Зиё.— Попадете в рай.

Наблюдая за происходившим, молился и Умаркул Саидов, но мысли его были заняты одним: «Где, где же они?» — торопил он бойцов.

Закончив намаз, Мулло Зиё произнес уснащенную ссылками на Коран проповедь, призывающую уничтожить Красную Армию. Довольный речами наставника, Ибрагимбек вручил ему подарок-халат...

Под утро на басмаческий стан посыпались пули и загремело «ура!» Кавалеристы бригады внезапно атаковали басмачей.

Удар ошеломил бандитов. С испугу многие пытались переплыть бурный Кафирниган и нашли там конец. Другие, вскочив на лошадей, искали убежища в соседних кишлаках, сея панику среди басмаческих приспешников.

К рассвету на пятьсот басмачей уменьшилось войско Ибрагимбека, успевшего вырваться с основными силами на Каратегинский хребет к перевалу Зардолю. Но в обход басмачам двинулся еще один полк. Потеряв в новой ожесточенной схватке 1300 басмачей, Ибрагимбек ушел в Яванскую долину, а затем укрылся в ущельях Вахшского хребта, обосновав свою ставку в Сарсаряке.

В сентябре Шишов провел в Кулябе совещание с сотрудниками особых отделов стоявших там частей. Чекисты собрались в кибитке, находившейся в укромном, неприметном месте Кулябской крепости. Было жарко. Собрание проходило в помещении с плотно закрытыми дверями и окнами. В углу комнаты стояло ведро с холодной водой и металлическая кружка. Кто желал, подходил к ведру, черпал воду из него и пил.

Смысл всех установок Шишова сводился к одному: надо быть готовыми к тому, что вместо Энвера-паши появятся, безусловно, новые организаторы басмаческого движения.

— Эмир жив,— говорил Шишов.— Империалисты не оставили замыслов захвата Туркестана и Восточной Бухары. Нам надо знать, что намечают наши враги за

рубежом, парализовать работу вражеской агентуры и здесь, у нас. А она сильна, имеет достаточно опыта, у нее налажена бесперебойная связь с Ханабадом, Мазари-Шарифом, да и в Кабул тянутся нити.

По нашим данным, у эмира ожидается вскоре совещание с целью выработки нового плана военных действий против Советской власти. Вместо Энвера будет кто-то другой... Предположительно Селим-паша...

Возвратившись из Куляба, Шишов задержался в Душанбе, вместе с Шакировым изучал копии писем Алимхана Энвер-паше и Ибрагимбеку. Читая их, Шишов подумал, что настойчивые требования эмира прислать ему письма с изъявлением преданности и покорности вызваны не только тщеславием. Видимо, с их помощью он пускает дым в глаза своим друзьям-англичанам, мол, Бухара меня ждет, помогайте!

По поручению эмира его личный секретарь Мирзобай писал Ибрагимбеку, когда тот после разгрома у Кафирниганa прятался в Сарсаряке:

«Храбрый вождь, все в Кабуле при дворе его высочества, равно как все его семейство и придворные от мала до велика здоровы. Все при дворе его высочества молят о ниспослании вам богом победы! Усильте борьбу с кафирами, к вам идет помощь!»

Просмотрел Шишов и старые письма из Кабула.

В декабре 1921 г. после того, как Ибрагимбек вошел в Душанбе, Мирзабай написал ему под диктовку Алимхана:

«Его милости уважаемому беку, баю, додхо, священному военачальнику! Заслушанные его высочеством ваши донесения о победе, одержанной в Душанбе, получили высокое одобрение. Его высочество весьма были обрадованы вашим преуспеванием на пути защиты ислама.

Его высочество, выражая вам свою радость, посылают вам грамоту с тем же Мухамед Садыкбоем, ка-

раваи-баши, жалуют вам чин «додхо», посылают вам ружье, одно покрывало, один шаровары, одну пару сапог, пару белья из английской матернн. Его величество выражает иадежду, что иа дороге подвнгов ваше нмя будет велнкнм».

Шишов улыбнулся, подумав: «Не оправдалнсь иадежды эмира!»

Шакнров посмотрел иа Шишова и предложнл ему еще одно иедавнее письмо Алимхаиа. Оио начиналось словами:

«С помощью аллаха к близкой победе!

Ваше превосходительство, велнкнй и храбрый вождь, опора страны, мулла Ибрагимбек, диванбеги, топчибошн гази!

Всемилостивейше уведомляю вас о ннжеследующем. Всеподданнейшее доиесение ваше мною получено. Сегодня миою был принят его превосходнтельство мулла Мухаммад Нияз бн Инак калои, две лошади и десять тысяч таиьга, отправленные всеподданнейшнми в внде тартука, мною получеиы. Из вашего донесення я увидел вашу богоугодиую службу вере, нсполнение заветов пророка. Хочу отметить вашу постоянную стойкость, храбрость и мужество. Вашей стойкости я отдаю дань своего уднвлення и благодарности...

Я верю и надеюсь, что скоро уже недалек тот момент, когда мы достигнем своих осиовных целей н пожеланнй. Я верю и надеюсь, что иедалек тот момеит, когда я возвращусь иа прародительский престол...»

Шишов расхохотался...

— Алимхан нанвен. Одержн Ибрагимбек победу, ои никогда не пустил бы его в Бухару.

Шакиров взял в рукн копии, сиятые с переписки последннх недель:

— Из этого можно сделать вывод — эмир с помощью своих агентов следнт за Ибрагимбеком...

— Я в Бухаре их проаналнзрую,— сказал Шишов и распорядился, чтобы все письма иа нмя Доиахоиа также присылались ему. Затем расспросил Шакирова, как он жнл после ухода бойцов Гиссарской экспедицни.

— Меия оберегал Садыкбай-караваичн. У него я скрывался до прихода иаших.

Мирзошарнф Шакиров описал картниу трагической гибели 26 советских активнстов в Душаибе. Их растерзалн и повесили, иесколько дией родным ие разрешали хороиить убнтых. Живымн закопалн плениых красноармейцев и милиционера.

Вспомиили утраты. Горько сожалели о гнбели славиого чекнста Садрнддниа Бахретдннова — иачальиика отдела охраны. Это он с другимн чекнстамн установнл, что Сурея-эфеиди — турецкий офицер, исполиявшнй обязаниости чрезвычайиого уполномочеиного правительства БНСР, снабжал басмачей оружнем и боепрнпасами. Сурею арестовалн, но его освободил предатель Усманходжа Пулатходжаев. Оказавшись иа свободе, Сурея-эфеиди объявил Бахретдииова врагом и расстрелял вместе с группой оклеветаиных чекистов.

Шишов встретнлся и с Сандом Абдуллаевым—председателем душаибиискoй Чека.

— Ибрагимбек основательио побит, ио еще силен,— рассказал ои Шишову.— Где только ему удается, насаждает свою агентуру. Задержалн одного из таких лазутчиков. Под предлогом передачн важных сообщеиий ои проннк в штаб Мелькумова.

— Думаю, что важнейшее дело выявлять пособииков, басмаческую агентуру. Держать под контролем вражескую переписку и другие связи. Берегите такнх разведчиков, как Шакнров...

Определнв оперативные задачи душаибннской Чека, Шншов с охраиой верхом поехал в Шурчн.

Шайки Хуррамбека — крупнейшего богатея в прилегающей к афганской границе долине Сурхандарьи, были особенно опасны.

Как только красноармейские части настигали шайку Хуррамбека, он укрывался за границей или же прятался в глухих ущельях Бабатага.

Убегая из Бухары, Алимхан осенью 1920 г. воспользовался помощью и охраной Хуррамбека. Его шайки шли вместе с войсками эмира по Сурхандарье до Денау.

После побега эмира совет вождей кунградских племен решил создать свои отряды, якобы для защиты скота и имущества. Эти отряды под водительством Хуррамбека стали настоящими басмаческими бандами, они нещадно грабили окрестные кишлаки, жгли и убивали, прикрываясь именем «защитников ислама».

Владелец тысячных отар Хуррамбек жил в глухом кишлаке в горах Бабатага — Теряксе, где батраки-мардикоры выжигали для него уголь из фисташковых деревьев, который очень ценился на базарах. Без такого угля не могли работать кузницы, пекарни, шашлычные. Круглый год тысячи овец Хуррамбек продавал на рынках Бухары и Афганистана. Жадный бек, на которого гнули спину сотни нищих бедняков, любил хвастать:

— Мы — кунградцы живем богаче всех в Бухаре...

В Шурчи уполномоченный особого отдела части Рашид Усманов рассказал Шишову о захваченном караване верблюдов с коврами, посудой, дорогими вещами и отарах овец, которых басмачи вели в Афганистан.

В ходе допроса задержанных выяснилось, что часть этого награбленного имущества, прежде всего деньги и ковры, предназначались эмиру, а остальное направлялось в афганские кишлаки, где обосновались родственники Хуррамбека.

— Неуверенно чувствует Хуррамбек себя, если прячет добро за границей.

— Мы уже третий его караван перехватываем,— похвалился Усманов.— Это работа нашего разведчика.

И Усманов, и Шишов знали, что и у Хуррамбека в каждом кишлаке имеются по два-три соглядатая. Они поставляют племенному вождю нужные сведения.

— Недавно разбили шайку у Карши, где находился Хуррамбек,— сообщил Усманов.— Только несколько басмачей укрылось в непроходимых болотах. Думали — конец бандиту. Через неделю узнаем, что Хуррамбек чудом выполз из топи, пробился в родной кишлак. Его укрыли, дали одежду, лошадь и охрану. Говорят, он находится вблизи Ак-мечети. Сейчас мы с командиром полка составляем новый план окружения и разгрома Хуррамбека.

В начале ноября 1922 года Шишов вернулся в Бухару. Вскоре войска Бухарской группы были реорганизованы в 13-й стрелковый корпус РККА. Шишов получил назначение в особый отдел нового корпуса на должность начальника службы по борьбе с басмачами.

В Кагане Шишов взялся за разбор перехваченной вражеской переписки, систематизируя данные о планах врага, его моральном состоянии и методах работы. Читая доставленные с риском для жизни материалы, он проникался глубоким уважением к Мирзошарифу Шакирову.

«Бисмилля! Здоровья вам, достопочтеннейший — почтеннейший и достойнейший мулла, топчибоши Ибрагимбек,— писали Ибрагимбеку по поручению эмира.— Его высочество эмир Сеид Алимхан соизволили выслушать вашего представителя, доблестного истребителя языческого неверия, и остались довольны вами и тем, что верные, твердые и несокрушимые в своей вере ваши джигиты-мусульмане твердо противостоят злобе, изливаемой неверными.

Таким и надлежит быть всегда и везде вам, невзи-

рая на несчастья и бедствия, обрушившиеся на наших воинов в силу несчастной и неблагоприятной судьбы.

Мужайтесь, друзья и братья, время торжества для мусульман недалеко, и будет достигнуто с помощью наших верных друзей-англичан, американцев, японцев. И нет сомнения, все ненавидящие и презирающие комиссаров-большевиков, будут благосклонны и внимательны к нам, просим помощи и содействия для продолжения нашего дела. Был у нас разумный и благочестивый совет, решили на нем собрать и объединить все силы исламского воинства, дабы не ослаблял он себя резнею и спорами, а руководство всеми силами будет в ваших руках. Посылаем верных людей с оружием и припасами. Не падайте духом. Продолжайте в мечетях, в медресе, в караван-сараях на «гапах» свои беседы и поучения, но обязательно так, чтобы неверные ничего не понимали, даже если бы присутствовали тут и слышали».

После разгрома Энвера эмир уповает теперь на Ибрагимбека,— сделал вывод Шишов, разбирая вражескую переписку за осень 1922 года.

И еще подбадривающее Ибрагимбека письмо:

«Надеемся, что великий император Британии окажет нам помощь, и с этой стороны есть твердое обещание.

Мы договорились с английским правительством, что в начале весны 1923 года оно пришлёт войска с пушками и аэропланами через Шугнан, Читрал и Дарваз...»

Шишов читал и улыбался:

— До чего дошел эмир...

Позднее о содержании этой переписки будет проинформирован Путовский.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Беседа чекистов. Что общего и в чем отличия борьбы с контрреволюцией в России и Туркестане. Сафаров и Мурадов в тылу врага. Книги поведали.

Всегда подтянутый, точный в своих докладах Шишов все больше нравился Путовскому. О чем бы ни спросил у него начальник Особого отдела корпуса, тот со знанием дела давал ответ. Лишь изредка Шишов говорил:

— Уточню и доложу.

Путовский вызывал Шишова к полуночи. К этому времени шифровальщик Артур Лейман запирал металлический сейф огромным ключом. Затем брал второй ключ у Путовского, закрывал второй замок и, возвращая начальнику, лаконично говорил, уходя:

— До утра.

Путовский заказывал крепкий чай и не спеша беседовал с Шишовым. К беседе присоединялся и Маевский. Они вспоминали службу в смоленской губчека, прикидывая, что можно использовать из накопленного опыта борьбы с контрреволюцией.

Смоленщина была тогда ближайшим тылом Западного фронта. В отдаленных Бельском и Порчеенском уездах эсерам даже удалось в середине 1918 года начать мятеж. В других районах эта попытка благодаря

протнводействию Чека провалилась. Но террором эсеры заннмались постоянно. Оии покушалнсь на жнзнь партнйных н советских работинков, совершали грабежи и поджоги.

— И здесь,— заметнл Путовский,— басмачи и вся контрреволюция главиый удар иаправляют против партийцев, советских работнннков, активистов.

— Точио так и было,— согласился Маевский.— Баидитам на Смоленщиие тогда помогало духовеиство. Это приходнтся иметь в виду и здесь.

— Много чекнстов отдали жизнь в борьбе за Советскую власть,— с болью в голосе пронзиес Маевский.

— И здесь уже немало утрат,— вставил Шишов.— В Душанбе националисты убилн несколько чекистов, обвнннв их в нзмене. Я не совсем полагаюсь иа председателя ЧК Бухарской Народной Республнкн Максума.

— Разобраться надо,— словно сигнал тревоги воспрнннял эту фразу Путовский.— По-моему, он разыгрывает роль вельможного паиа, ио только ли?

— Не можем пока определнть, в чем здесь суть,— сказал Шишов.— Но разберемся.

Шишов сообщнл Путовскому, что представитель Бухарской Народной Республнки Усманходжа Пулатходжаев ставнл во главе ревкомов неиавнстных народу людей — Давлятмандбия, крупного эмнрского чнновиика, Ишана Султана — дарвазского богача н, подумать только, гнссарского бека Авлнекула. Подобных людей от именн бухарской революцин даже награждали орденамн н цениымн подаркамн. А когда подлинное лицо и черные дела десяти подобиых актнвнстов раскрыли чекнсты, то их по приказу Усманходжи Пулатходжаева не замедлили освободить.

В это же время особнсты 10-го Уманского полка конфисковали и отправили в Душаибе 4500 голов круп-

ного рогатого скота, взятого у так называемых «влиятельных лиц», почти открыто помогавших басмачам. Все это им вернули.

Усманходжа Пулатходжаев, будучи чрезвычайным уполномоченным Бухарского ЦИКа, освободил в Кулябе из тюрьмы эмирского чиновника Чайхура Аталыка и крупного скотовода, тестя Ибрагимбека, Каюма Парванчи.

— Сердце мое чувствует,— заметил Путовский,— что не обошлось и без представителя бухарской Чека Максума. Он ведь сын крупного торговца. Не будем заранее обвинять, впадать в подозрительность. Но проверить факты надо.

У поляков говорят: «Видно птицу по полету, а зверя — по шерсти», «Какое семя, такой и колосок», «Какой отец, такой и сын». Но здесь напрямую судить нельзя. Ты сам знаешь, сколько преданных революции бойцов пришло в неё, порвав со своим классом, несмотря на происхождение.

И снова разговор пошел о том, с чего начался. Что общего и в чем отличие российской и туркестанской контрреволюции. Собеседники сошлись на том, что контрреволюционеры всюду используют тяжелое материальное положение рабочих и недовольство крестьян продразверсткой. Поэтому им удается провоцировать мятежи...

— Контрреволюционеры на Смоленщине,— напомнил Чеслав Антонович,— по прямому указанию иностранных разведок уже с осени 1920 года начали организацию политических выступлений в деревне, которые в ряде случаев перерастали в серьезные мятежи, заговоры, кончавшиеся чаще всего бандитизмом. Бандиты избегали открытых столкновений с частями Красной Армии. Действовали по ночам. Поджигали, грабили, убивали, а затем рассеивались.

— Почти так же басмачи действуют и здесь,— задумчиво произнес Шишов.

— И все это они делают по указанию зарубежных разведок, как и те, в России,— заметил Путовский.

— Совершенно точно,— согласился Шишов и продолжал.— Но здесь, по-моему, картина пестрее. Посмотрите, что получается. Свергнутый эмир ясен — он стремится возвратить себе трон, вернуть старые порядки. А националисты разных мастей — те мечтают о создании «великого тюркского государства» или даже говорят об освобождении всех мусульман от Африки до Китая. Придумана «теория» несуществующей тюркской нации, толкуют о мусульманском социализме. Мелкие буржуа выдают себя за выразителей интересов народа, а фактически их волнует только свой карман.

— Сложный переплет интересов,— протянул Маевский.

— Интересно, как было на Смоленщине?— спросил Путовского Шишов.

Дымя трубкой, Путовский поднялся с места, прошелся по комнате:

— Формы борьбы схожи и типичны. Весной и летом 1920 года губчека ликвидировала многие банды. «Зеленая армия» в открытый бой с Красной Армией не вступала. Хорошо зная местность, эсеровские бандиты укрывались в лесах, среди озер и болот, при встрече с красноармейскими отрядами открывали огонь из укрытий, а затем рассеивались по хуторам.

Для ликвидации банд посылались рейдовые отряды войск внутренней охраны и ВЧК. Не принимая боя, бандиты скрывались в лесах. Пришлось применить более гибкую тактику: сочетание военных мер с политическими. Шло установление тесных связей с трудовым народом. Велась широкая разъяснительная работа в массах.

— Кстати, здесь спросишь человека, где твой сосед, родственник, земляк? Следует ответ: не знаю. Документов не проверишь. Их нет ни у кого. Саид назовет себя Раджабом, попробуй докажи, что не так.

...Путовский радовался, что у него такой толковый и знающий помощник, как Шишов. Тем более, что его заместитель Арнольд Дуккур перешел в 3-ю стрелковую дивизию. Многое тот знал о басмачестве, но и Шишов не уступал ему ни опытом, ни знаниями.

— Сафаров сообщает,— докладывал Шишов,— Энвер-пашу по приказу эмира заменил Селим-паша. Но сроки и маршруты передвижения его войска наш разведчик пока не знает. По всему видно — пойдет через Куляб. Там граница слабо прикрыта. К Алимхану мы отправили бывшего младобухарца Карима Бердыева.

— Того, с кем я говорил?

— Да...

Маевский и Шишов ушли. Путовский углубился в оперативные сводки. В них скупым языком излагались итоги боев с басмачами.

— Двурушничества, да и прямого предательства здесь немало,— подумал Путовский.

Путовский просмотрел недавно доставленную подшивку английских газет, задержал свое внимание на «Таймс», которая 15 января 1920 г. писала в статье «Мировые замыслы Ленина»:

«Угроза большевизма висит над Азией и Европой! Он стремится к мировой революции и особенно старается против Англии, которую считает своим главным врагом. Путь в Англию лежит через Индию. Большевики, проникшие в Каспийскую республику, угрожают нашим сношениям с Персией и стоят почти у ворот Индии».

— Какая злобная и неумная провокация! — не удержавшись, произнес вслух Путовский.

— Империалисты в своих корыстных интересах,— размышлял Путовский,— рядятся сейчас в друзей мусульман, стремятся разжечь фанатизм, направив его острие против революционных преобразований. Свергнутые эксплуататоры, чьим богом всегда был золотой телец, желая сохранить свою власть, стали вдруг рьяными «защитниками веры». Известно, что в исламе есть черты, привлекающие народные массы. Коран запрещает крупную земельную собственность, есть в священной книге мусульман и декларация социальной справедливости, и осуждение эксплуатации, и призыв к воздержанию от всяческих излишеств, и предостережение против коррупции.

Важно помнить, что ислам это не только вера в загробный мир, но и свод норм повседневной жизни, собрание определенных нравственно-философских ценностей.

Оставив на время героев нашего повествования, автор хотел бы напомнить читателю несколько основных моментов, связанных с возникновением и историческими судьбами ислама.

Возникший в VII веке нашей эры на Аравийском полуострове, ислам отразил тяжелое положение масс, стремившихся обрести утешение и надежду в вере во всемогущего и справедливого бога, главным велением которого была покорность.

Фридрих Энгельс подчеркивал, что ислам на Ближнем Востоке был идеологией перехода к феодализму, и в тех исторических условиях он действительно выполнял прогрессивную роль.

Необходимо иметь в виду особенности современного ислама. Это консерватизм, сопротивление новым веяниям, общественному прогрессу на протяжении длительных периодов истории. Религию мусульман всегда умело использовали и феодалы, и колонизаторы, чтобы

противостоять с помощью ислама социальным переменам. Это и форма выражения протеста трудящихся против системы, обрекающей их на нищету и невежество, форма борьбы против чужеземного порабощения, против империализма.

Как не раз подчеркивал В. И. Ленин, коммунисты— последовательные сторонники материалистической философии. Однако они никогда не ставили перед собой задачу ведения войны против какой бы то ни было религии. Ни в своей партийной программе, ни в каких-либо других документах. Но вернемся к событиям давних лет.

...Путовский взял небольшую книгу Н. Ханыкова «Описание Бухарского ханства», изданную в 1843 году.

— Нет точных границ, много пустующих земель,— читал он.— А вот данные о природе.— Обратил внимание на местные болезни— лихорадка (все русские болеют), ришта болезнь кожи, махау — проказа и другие заболевания.

Задержался на главе «Племена и народонаселение», пометил: «Коренные жители — таджики, узбеки, они — основное население Бухары». Затем решил просмотреть этнографический очерк Н. А. Фридриха «Бухара», написанный в 1910 году. Он содержал очень много интересных сведений о природе края, о быте и нравах его жителей.

— Да, здесь все есть для хорошей жизни людей,— хорошая земля и много воды. А в нищете прозябает трудовой народ,— с горечью подумал Путовский.

Не спеша, с карандашом в руке, вдумчиво и долго читал он вторую главу очерка, где был описан домашний быт.

«Таджики», в переводе «увенчанные» — коренные жители ханства,— писал автор.— Язык их сходен с персидским. Таджики в свое время были главными строи-

телями тех оросительных каналов, которые теперь дают жизнь всем крупным центрам не только Бухары, но и всего Туркестана. Все таджики живут оседло...».

Дальше шло описание жилья, особенностей питания, распространенных болезней, обычаев.

Горечь и возмущение вызвали страницы книги, повествующие о затворническом образе жизни женщин, купле и продаже невест и многоженстве.

«Положение рабочего класса довольно тяжелое,— читал он далее.— Продолжительность рабочего дня зависит от произвола и усмотрения хозяина и колеблется между 14—18 часами.

Колесных дорог очень мало, и все они сосредоточены и ведут в столицу ханства — Бухару. В городе 103 медресе, в которых обучаются более 10 тысяч студентов. Одна из них — медресе Ир-Казар — построена на средства Екатерины II, которая этим хотела завербовать к себе в союзники эмира.

Глава «Религия и народное образование» привлекла особое внимание Путовского.

«В этом древнем «Риме ислама»,— излагал известный ученый этнограф,— в настоящее время под строгостью религиозной набожности скрывается масса обмана, насилия, произвола и угнетения. Предрассудки и суеверия царят здесь: колдуны, предсказатели будущего и гадатели пользуются особыми привилегиями и поддержкой всего духовенства, в прямых расчетах подольше продержать в темноте и невежестве свою дойную паству».

...От лампы в комнате чадило, пахло дымом и керосином. Путовский распахнул окно во двор — и сразу же в кабинете посвежело. Чистый зимний воздух ворвался в комнату.

Сбросив верхнюю одежду, Путовский походил без гимнастерки по комнате, наслаждаясь прохладой.

Вспомнил, что не прочитал перевод письма Шакирова, врученного ему Шишовым. Начало послания, датированного декабрем 1922 года, дышало лестью и взывало к неукротимой жадности адресата:

«Его превосходительство, светлейшего мужа, благороднейшего Ибрагимбека, главнокомандующего нашими войсками в священной Бухаре награждаем особо рукописным кораном с нашей подписью и печатью, маузером с рукоятью, украшенной драгоценными камнями, чалмой индусского шелка и штанами английского сукна».

Эмир писал далее:

«До наших ушей донесся ветер слухов, что многие мусульмане покачнулись и перешли на сторону кафиров. Одних убедите, что так делать не надо. Упорствующих накажите. Неужели у вас нет камчи и сабли?!»

Шакиров сообщал, что вскоре после получения этого послания Ибрагимбек распространил воззвание к населению, написанное духовным наставником, «главнокомандующего» — Мулло Зиё. Листок с текстом воззвания был приложен к записке разведчика.

«Вот образчик хитроумного обмана,— думал чекист,— вчитываясь в наполненные ненавистью к Советской власти строки.— Хотят снова сесть на шею народу, превратить его в покорных и безропотных рабов, но прячут истинные цели за высокопарными словами о закате ислама. Не пренебрегают посулами и угрозами.— Он еще раз прочел заключительные слова басмаческого воззвания: «Смерть каждому, кто откажется идти на газават! Смерть за ислам — лучшая награда. Раны борцов за веру будут в раю сиять блеском бриллиантов и алмазов, и займут они место рядом с пророками.

Пусть каждый из вас поклянется на священном

писании, что он до конца будет стоять за ислам и только по стопам его пойдет к вратам рая.

Великий творец восемнадцати тысяч миров поможет нам успешно закончить святое дело защиты ислама».

— Мулло Зиё — опаснейший враг,— подумал Путовский.— Его пытались схватить, но не получилось. А встретиться с ним чекистам надо, посмотреть, что у него за душою.

Начало щемить больное сердце, ныли ноги. Тяжелый труд на металлургическом заводе во Франции, бессонные ночи, напряжение и усталость последних лет не прошли даром. Путовский отогнал прочь мысли о нездоровье. Утром его ждали неотложные дела.

II

Возвращение из Самарканда. Шишов докладывает о сводках разведчиков. Письма Касыма Бердыева — шпиона муллы Абдукахара. Прибытие частей Блиновской дивизии. Встреча Павлова с Путовским.

Наступила весна 1923 года. В тот год необычайно быстро сошел снег с полей. Дехкане немедля взялись за полевые работы. Панорама мирной жизни раскрывалась перед Путовским из окна вагона поезда, шедшего из Самарканда в Каган. Он радовался, видя, как идет пахота и сев.

— Люди берутся за работу, значит, уверены, что урожай будет и собрать никто не помешает. Новая народная власть не даст в обиду.

Но тревожило его то, что сеют в основном зерно,

а не хлопчатник, как раньше. Он знал, как нужен стране хлопок.

С дороги Путовский отправился во двор умыться холодной водой. Раздевшись до пояса, он попросил ординарца лить и лить. Шишов нетерпеливо ходил вблизи, наблюдая, как по мускулистой спине начособкора стекает вода.

— Что-то срочное? — спросил Путовский, смывая с лица мыло.

— Неотложное... Донесение Шахназара. Принес связной от Шакирова.

Уже в кабинете Шишов прочитал вслух расшифрованное сообщение разведчика:

«После совещания у Алимхана, где присутствовали Фузайль Максум, Джунаидхан, Утамбек, представители Ибрагимбека и Хуррамбека, решено нанести главный удар через Куляб.

Подготовка закончена. Селим-паша находится в Бальджуане. Пойдет через Локай в Западную Бухару. Прошу обеспечить надежную связь...»

Шишов доложил о сообщении Мирали Мурадова: «Ибрагимбек накапливает силы. Как видно, не желает подчиняться Селиму-паше. Курбашам говорит: «Ушел один паша, другой пришел. Мы ему не помощники. Им надо всех нас сделать турками, а мы сами свое государство создадим». Его спросили: «С эмиром во главе?» Промолчал, будто не слышал».

После обзорного доклада Шишова за весну 1923 года Путовский спросил:

— Наши ответные меры?

— Активнее ссорить Селим-пашу с Ибрагимбеком и последнего с Хуррамбеком. Следить за передвижением басмачей...

— Атаманы басмачества пускай враждуют. Это разобщит их силы. А вот как оторвать от них запуганных,

обманутых людей? — размышлял вслух Путовский. И сам ответил:

— Надо на конкретных примерах разъяснять сущность Советской власти, показать дехканам, что это их родная власть. И, конечно, крайне необходимо быстрее налаживать хозяйство, помогать всемерно росткам новой жизни.

Путовский прочитал подготовленные чекистами тексты «писем» к эмиру от имени Ибрагимбека. В них Ибрагим обвинял Селим-пашу и Хуррамбека в неподчинении.

Затем доставленные по назначению эти подделки вызвали бурную реакцию беглого повелителя Бухары. На головы непокорных слуг трона сыпались упреки и проклятья. И грызня между басмаческими главарями разгоралась еще сильней.

— Поправьте, сделайте поцветистее, как принято на Востоке, иносказательней... Да, есть у меня мысль захватить духовного наставника Ибрагимбека — Мулло Зиё и попробовать через него воздействовать на этого главнокомандующего. Может быть, удастся склонить его к сдаче.

— Мне из третьей стрелковой дивизии сообщил Дуккур, что этим он занимается. Пытались его взять в феврале, не получилось. В марте снова неудача. Его кто-то предупреждает. Дом Мулло Зиё в Гиссаре, куда он изредка приезжает, под нашим наблюдением... Мулло Зиё сейчас с Ибрагимом. В мечетях объявляют его призывы к борьбе с Советами.

Шишов сообщил, что каганский чекист Александр Ушаров выполнил оба его поручения. В Қагане задержан торговец кожей Бобо Аллаёров. Он оказался узбеком, получившим образование в Турции. У него найдены схемы расположения войск в Қагане, распорядок

жизни комендантской части, даииые о движеиии воиских поездов.

— Где шпиои?

— Ведем допрос... Раскрыл связи с зарубежиой разведкой и иационалистами из правительства Бухарской народной республики. Он — друг военного иазира. Поведал любопытиую деталь о своем участии в операции по спасению эмира. Ему было поручено провести в те дни крупиый караваи в стороиу Чарджоу. Это был отвлекающий маневр. Наши авиаторы сообщили командованию о караване, решив, что это и есть караваи эмира. А тот ушел в Восточную Бухару. Эмир иаградил «торговца кожей» тысячей царских червонцев.

— Узнайте у иего всё, что может рассказать... Нельзя ли его перевербовать и отправить к эмиру?

— На каких условиях?

— Сохраиение жизни ему и спокойствие и иадежное обеспечеиие семье... Кстати, узиали где семья?

— В Термезе.

— Срочио перевезите в Қаган...

— В Бухаре задержали связиого муллы Абдукахара. При нем найдено сообщеиие заговорщиков, которые хотели открыть басмачам ворота Бухары с целью уничтожения советского актива и члеиов правительства республики.

Путовский подиялся со стула:

— Все выясиить, и дело в суд...

Шифровка, получеииая в тот же день, гласила, что войска корпуса усиливаются некоторыми частями Блиновской кавалерийской дивизии. Путовский знал об этом удариом соединении в Первой конной армии Будеииого.

...На Қавказе в месте расквартирования дивизии шла подготовка к походу. Перед отправкой в Бухару бойцы получили памятку. В ией говорилось:

«Тебя посылают в Бухару не завоевывать край, а помочь местному населению в борьбе с басмачами... Они стремятся восстановить в крае власть свергнутых трудовым крестьянством царей и князей (эмира и беков), беспощадно угнетавших бедноту. Басмачи — наймиты эмиров и беков, а также английского капитала, стремящегося через последних установить свое господство на Востоке. Английский капитал боится соседства своих индийских колоний с Советским Туркестаном и поэтому всемерно поддерживает всякое движение, враждебное трудящимся. Боязнь потерять индийские колонии связывает Англию по рукам и ногам в отношениях с Россией, поэтому она готова оказывать помощь деньгами и оружием эмирам, бекам и русским белогвардейским офицерам, проникшим в Среднюю Азию для организации борьбы с нами».

Подробно говорилось в памятке и о том, как относиться к мирному населению.

«...Постарайся своим поведением доказать, что ты не завоеватель, а освободитель и друг трудящихся!

Помни, что твое хорошее отношение к мирным жителям — это лучшее оружие в борьбе с басмачеством!

Не насмехайся и не оскорбляй нарушением их обычаев, относись к ним как брат и товарищ!».

Подкрепление еще было в пути, когда навестить Путовского из Самарканда в Бухару приехал новый командир корпуса П. А. Павлов. К дому, где разместился особый отдел, подъехала коляска в сопровождении четырех кавалеристов. С сиденья легко поднялся молодцеватый, в начищенных до блеска сапогах, в тщательно выглаженной гимнастерке комкор.

Путовскому сразу же сообщили о приезде Павлова. Он вышел во двор, улыбнулся, обрадованный встречей.

— А я к вам собирался...

— У меня сегодня день знакомства со службами...

Пропустив Павлова в кабииет, Путовский предложил свое кресло. Но комкор осмотрел комиату, обратил виимаиие иа висевшую в футляре флейту, спросил:

— Ваша?

— Редко, ио играю, чтобы ие забыть.

После традициоииых расспросов о том, как разместился Особый отдел и сопровождающая его из Москвы группа, Павлов перешел к делу.

Путовский рассказал о главиых иаправлеииях работы, подчеркиул, кстати, что в депо и иа самой железиой дороге трудятся свыше ста горцев из Гарма, Куляба, Памира. Почти все оии иеплохо говорят по-русски и узбекски.

— Мы их возьмем проводииками,— предложил Павлов.

— Для иас оии иадежиые разведчики. Оии участвовали в штурме эмирской цитадели. Часть уже работает в разведке.

Путовский передал Павлову список горцев, которых можио взять в проводиики.

Собеседиики иевольио разговорились о боевых действиях с баидитами в России. Павлов вспомиил о боях с Махио, говорил, как частям, действовавшим против этого дерзкого баидита, приходилось гоияться за посажеииым иа тачаики войском. Помогла иеплохо иалажеииая разведка, иу и, коиечио, иаселеиие. К людям обмаиутым отиосились осторожио, старались ие смешивать отпетых баидитов и случайиых стороииков махиовщины.

— Наши разведдаииые показывают, что иечто подобиое иаблюдается и здесь. К этому следует добавить религиозиый фаиатизм, темиоту и запугаииость иаселеиия... Думаю, что политорганам, всем иам следует лучше разъясиять иаселеиию: ликвидация басмачества лишит коитрреволюцию её воеииой силы, будет положеи

конец насилию и грабежам. Но, самое главное, укрепится Советская власть, наступит время свободного и мирного труда.

Народ станет хозяином этой земли.

— Нам придется учитывать, что басмаческие банды, как и махновские, очень подвижны,— затягиваясь папиросой, продолжал Павлов.— Помню Махно делал переходы до 130 километров в сутки. В пути он где по доброй воле, где силой получал свежих коней...

— И здесь имеет место подобное,— согласился Путовский.— Банду мулло Қахора, действующую вокруг Бухары, пока полностью не можем ликвидировать. Били, разгоняли, но, видно, не до конца...

Разговор перешел к театру боевых действий. Начособкор показал гостю большую стопку книг о Туркестане.

Павлов брал книгу за книгой, листал:

— Читал... Интересная... А эту не держал в руках. Придется воспользоваться вашей библиотекой. Не возражаете?

— Пожалуйста!

Отобрав несколько книг, Павлов сказал:

— Читаю быстро... Не задержу.

— Қ нам поступили сведения, что Селим-паша хочет проникнуть в наши тылы и разгромить штаб,— вынимая из ящика стола сообщения разведчика, сказал Путовский.— Перевод с таджикского, работа нашего молодого сотрудника. Доставил связной из Душанбе.

Павлов улыбнулся.

— Скоро побежит, как и его предшественник Энвер-паша.

— Уверен в успехе,— твердо произнес Путовский.— Бойцы ждут приказа, довольны, говорят... с Павловым будет победа.

Қомкор расстелил на столе топографическую карту.

На ней были обозначены стрелками возможные удары по Селим-паше.

— Думаю, что с ним быстро покончим,— заявил твердо.— Опыта набрались. Но маловато еще достоверных разведданных. Что у вас имеется?

Путовский коротко передал суть доклада Шишова и от себя добавил:

— Мало хороших разведчиков, опыта еще никакого. Часто гибнут при попытке наладить с нами связь. Не доходит много ценных сведений.

Путовский сообщил Павлову, что эмир прислал Ибрагимбеку фирман: теперь он «главнокомандующий войсками ислама».

— За Ибрагимбеком гоняемся, но это лишь щипки,— сказал Чеслав Антонович.— Надо бить по основным силам, повсеместно, а не по отдельным шайкам, надо лишить его возможности маневра.

Павлов согласно кивал головой, затем поделился своими планами.

— Вначале наведем порядок здесь. Прежде всего следует разбить бухарских, а затем матчинских басмачей. Бригаду Мелькумова отправим в Восточную Бухару. Ему дадим два кавалерийских полка. Думаю: он сломит шею Ибрагимбеку и другим курбаши. Ну, а там придет очередь и Селим-паши. Не забудем и Хуррамбека, никого не забудем.

— Да, это удачное решение,— одобрительно заметил Путовский.— Не дадим врагам маневрировать, помогать друг другу...

— Такова общая идея плана, подробнее о нем я сообщу на совещании командиров. Хочу подчеркнуть, что многое зависит от умения и мужества ваших людей.

— Наше уязвимое место — связь, сводки опаздывают, теряются.

— Какие у вас взаимоотношения с правительством БНСР? — поинтересовался Павлов.

— Получаем необходимую поддержку. Но некоторые лебезят, как мне кажется, неискренни, чересчур суетятся. Разные там люди, а, в общем, контакт есть. Я обращаюсь по разным делам, езжу согласовывать мероприятия. Некоторые весьма интересуются списками наших людей, особенно курсантов... Я объясняю — пока еще только уточняем списки. Поражают меня взгляды некоторых членов правительства на басмачество. Говорят, например: «Все локайцы — басмачи. Их надо уничтожать!».

Что ж, спрашиваю, разве все там богатеи, заинтересованные в старом?! Нет среди них бедняков, просто темных, несознательных людей? А они твердят одно — бандиты локайцы... Им все равно, кого убивать. Иначе бы не пошли за Ибрагимбеком.

После паузы Путовский продолжал:

— До революции Ибрагимбек не очень ладил с эмирскими властями. Вот и прослыл героем. Ведь народ ненавидел правителя Бухары. Так Ибрагимбек стал популярен. А теперь мне некоторые говорят: хватайте всех локайцев без разбора... хотят восстановить народ против нас.

— Два похода мы совершили в Восточную Бухару,— высказал свой взгляд Павлов на события последних лет.— Два похода, но все как-то обходили Локай, по сути дела, не трогали Ибрагимбека в его гнезде, а могли бы с ним покончить. Теперь начинаем операции с четкой первоочередной задачей — ликвидировать Ибрагимбека.

Решили пообедать вместе. За немудреной едой Чеслав Антонович рассказывал:

— Я с молодости выбрал дорогу революции, разные люди встречались в пути. Нам говорили, поляки, объе-

диняйтесь против москалей, а мы, польские революционеры, отвечали: только в общей борьбе можно завоевать победу.

> ...Бестужев, который как друг мне протягивал руку,
> Тот воин, которому жребий поэта дарован,
> В сибирский рудник, обреченный на долгую муку,
> С поляками вместе он сослан и к тачке прикован...

Эти стихи Мицкевича я помню всегда.

Чекист рассказал, как совсем зеленым он примкнул к «Союзу польских рабочих», которым руководили Юлиан Мархлевский, Ян Ледер, Генрих Вилькошевский. Главной задачей Союза была подготовка польских рабочих к социалистической революции. Вскоре Союз был разгромлен. И в марте 1893 года из уцелевших кружков возникла новая марксистская партия, в июле 1893 года в Париже стала издаваться газета этой партии «Рабочее дело».

Вспомнил, как в 1896 году в Варшаву, где он жил тогда, приезжал Ф. Э. Дзержинский, который начал восстанавливать партийную организацию, разгромленную полицией. Пришлось ему в качестве члена боевой дружины охранять на митингах революционных ораторов.

— Вы знаете,— продолжал Путовский,— что реакции тогда удалось силой оружия подавить революционные выступления пролетариата. После разгрома революции многие уехали за границу. В их числе был и я. Год жил в Австрии, а в 1907 году оказался в Париже, где работал на механическом заводе, входил в заводскую партийную организацию объединенных социалистов Франции.

Захваченный воспоминаниями, Путовский извинился:

— Заговорил я вас. Прошлое ожило...

— И о вашей службе в царской армии, и о борьбе с савннковскими бандами знаю, вы сталн совсем военным человеком.

— То были эпизоды, а вот здесь предстонт сложиейшее дело. Справлюсь ли?

— Вместе будем решать задачи, а помощннки у вас неплохие. Давайте сначала покоичим с Мулло Қахаром. Ои рядом, как камень на дороге, а там всех по очередн уберем... Еслн, коиечио, они не поднимут самн рукн...

Прощаясь, Павлов обнял Путовского н сказал:

— Помиишь, в Москве я говорил: «до встречн». Так и получнлось.

III

Разговор с Бобо Аллоёровым. Павлов и Путовский едут в боевые части. Упустили Селим-пашу. Боевой план в действии. Путовский встречается с Мирзошарифом Шакировым.

Бобо Аллоёрова привелн к Шишову. Перед этим позвоиил Путовскнй:

— Думаю, что после необходимой подготовки Аллаёрова можно будет отправить по известному вам адресу.

На пороге комиаты появился высокий мужчнна. Правнльиые черты краснвого лица, коротко стрнженные усы и бородка. В глазах Аллоёрова Шишов уловил затаеиный страх. Это удивнло чекнста. Қазалось, такой должен был держаться стойко. Учился в Стамбуле. Уехал в Турцию иа учебу за знаинямн, а вернулся... шпионом. С 1915 года отправлял в Турцню информацию о делах в Туркестане. Хорошее прикрытие — закупка, обработка шкур н торговля кожей.

Шншов, хорошо владевшнй узбекским, старался говорнть складно, не без внтневатостн. Бобо Аллоёров, хоть это был не первый допрос, не удержался от удивлення:

— Где учнлнсь нашему языку?

— Жнву средн народа, у него научнлся... Вот вы объясните, почему ндете против своих? — напоролся Аллоёров на вопрос чекнста.

Аллоёров опешнл:

— Я не протнв. Служу правоверному делу...

— Вашн хозяева хотят народы Туркестана сделать рабамн турецкнх капнталнстов н нх друзей, богатеев в Ташкенте, Фергане, Бухаре... Онн мечтают о жнрных кусках, надеются запрячь в капнталнстнческое ярмо мнллноны узбеков, таджнков, туркмен... Вас же, случайно получившего образование, сына бедняка, используют протнв тех, кто не хочет оставаться рабом. Мы знаем, что вы нз бедной семьн. Послав вас на учебу, богачи надеялнсь заполучить верного слугу, так оно и случилось. Теперь прншло время хорошенько подумать о своем месте в жестокой схватке, подумать о будущем.

Шишов говорнл так, словно заглядывал в душу Аллоёрова. Тот вспомннал бедных, рано умершнх родителей, всю жнзнь проработавшнх на бая. Дальновндный хозянн послал подросшего снроту на учебу в Турцню, решнв сделать его служащнм в своей конторе. Вернувшнсь с учебы, Аллоёров сказал баю:

— Такснр, я решнл открыть свое дело, а деньгн отдам, покрою все ваши расходы на обучение...

Новонспеченному турецкому агенту былн даны деньгн на «обзаведенне».

Сегодня на допросе Шншов решнл объявнть задержанному, что он может нскупить вину н получнть свободу только прн условнн сотруднмчества с разведкой корпуса.

Услышав предложение, Аллоёров усмехнулся:
— Не боитесь, что сбегу?
— Не боимся. Мы об этом подумали. Кстати, ваша семья будет жить там, где и жила или в Кагане. Постараемся обеспечить ее всем необходимым. Вы будете продолжать заниматься торговлей, но содержание всех заданий, получаемых вами от «старых друзей», передавать нам. Найдите предлог для поездок к эмирскому двору в Афганистане. Хочу подчеркнуть, что о вашем пребывании у нас никто не знает...
Поднявшись с места, Аллоёров подошел к столу:
— Дайте бумагу, напишу о своем согласии служить вам...
— Не надо, хватит вашего слова.
— Какое задание? — спросил Аллоёров.
— Подыщите возможность поехать в Кабул и поставьте нас в известность.
Шишов пожал Аллоёрову руку и сказал по-узбекски:
— Светлой дороги,— и добавил по-русски,— Доброго пути!
Аллоёров пошел в дальний угол двора и, скользнув в калитку, быстро зашагал домой по глухой темной улице.
Шишов позвонил начальнику по телефону:
— Аллоёров будет нашим связным. Сегодня я уже дал ему первое поручение...
— А как с Абдукахаром?
— Все материалы передал в штаб.
— Хорошо. Значит, начинаем операцию.
— У нас всё готово.
Поднятые по тревоге части выступили к обнаруженным чекистами местам расположения шаек мулло Абдукахара. Другой отряд, сопровождаемый разведчиками-проводниками, направился в горные ущелья Матчи.
Прошло чуть более месяца, наполненного коротки-

ми схватками, погонями, ночными рейдами и засадами. Горела земля под ногами отщепенцев. Оба очага басмачества перестали существовать.

— Итак, теперь наш путь — в Восточную Бухару,— начал Павлов беседу с Путовским о завершении боев в Бухарском оазисе и Матче.

— Я принес вам,— сказал начальник Особкора,— сводку из Кабула.

Имея в виду Аллоёрова, Путовский сообщил, что, наконец, найден надежный канал связи с нашим разведчиком, проникшим в окружение эмира.

— Посланец за две недели обернулся. Стало известно, что после недавнего совещания у Алимхана в сторону Куляба, Душанбе, Регара отправляются из разных мест из-за рубежа люди и оружие. Это подтверждено донесениями из пограничной зоны, в том числе и от известного вам Умаркула Саидова.

Кабинет Павлова — воплощение неприхотливости. Два стола и табуретки. На стене — портрет Ленина. В стакане на столе несколько цветных карандашей, рядом линейка, истертый ластик, листы топографических карт, схемы.

Комкор познакомил Путовского с планом боевых действий в Восточной Бухаре, показал на карте маршруты, места размещения гарнизонов.

— Было бы весьма полезным,— заметил Павлов,— не дать шайкам соединиться. Тут нужна помощь ваших работников. Следует нацелить на это побольше отрядов добровольцев, им под силу перехватывать караваны, бить мелкие шайки.

— В Душанбе, непосредственно на месте, займемся этим делом,— ответил Путовский.

— Теперь надо навестить наше новое пополнение — славных блиновцев.

Поездке Павлова и Путовского на фронт предшест-

вовали успешиые боевые действия частей 2-ой кавалерийской Ставропольской Блиновской дивизии. После разгрома основиых шаек басмачей в Западной Бухаре 12-й Саратовский кавполк этой дивизии выступил в Восточиую Бухару. Ои шел в аваигарде соединеиия.

— На пути следования,— гласят строки оперативиых сводок тех дией,— встречались малые и большие шайки басмачей, которые вступали в бой с полком, задерживая его продвижеиие. Полк ие избегал встреч и двигался по местам иаибольшего скопления басмачей.

Басмачи закрепились иа всех удобиых переправах через реку Сурхаи. Здесь оии иадеялись дать решительиый бой. Первый эскадрои получил задаиие заиять рубежи севернее Термеза и разгромить противиика в райоие переправы. Ему предстояло иочью совершить рейд по иеудобиым и незиакомым дорогам и тропинкам — более семидесяти километров, чтобы достичь переправы к рассвету.

Из-за Бабатагского хребта красиым шаром выплывало солице. Вглубь иеба ушли побледиевшие звезды. В сером тумаие вырисовывались купола термезской церкви, иевысокий мииарет мечети. Сквозь заросли камыша завидиелись красиоватые воды буриой Сурхаидарьи. К берегу реки жался тихий кишлак. Стараясь ие шуметь, эскадрои, словно растворился в лабиринте узеиьких кривых улочек.

Главиая переправа через Сурхаидарью находилась в километре от этого кишлака, дорога к ией петляла в зарослях густого и высокого камыша.

Разведчики взвода коиииков с ручиым пулеметом системы «Льюис», скрытио добрались до переправы, где никого не было. Но отчетливые следы лошадей, вытоптанная трава вокруг говорилн о том, что совсем недавно здесь побывали всаднники.

Вдруг в кишлаке открылась стрельба. Раздались крики: «Урус, сдавайся!».

Басмачи окружили эскадрон в кишлаке. Посланный к переправе взвод, оказавшись в тылу врага, бросился на выручку. Напав на коноводов противника и захватив более двух десятков лошадей, взвод спешился и открыл огонь по басмачам, окружившим эскадрон. Пошли в ход гранаты; несколько раз схватка переходила в рукопашную. Храбро дрались бойцы эскадрона, но и противник не хотел упустить случая превосходящими силами одержать победу. Красные конники винтовочными выстрелами встречали нестройные ряды лезших напролом басмачей. Наконец, бандиты не выдержали и оставили поле боя, бросив убитых, тяжелораненых и лошадей. Переправа была взята. Раненых лошадей красноармейцы раздали жителям, выставили боевое охранение, решив заночевать в кишлаке.

Время клонилось к вечеру. В мехмонхону, где разместились командиры пришло несколько местных жителей. Пили не спеша зеленый чай и закладывали под язык «нас» — зеленый тертый табак. Настроение и хозяев и бойцов хорошее. Тусклый огонек слабо освещал фигуры в разноцветных халатах, в повидавших виды гимнастерках.

Командир эскадрона спросил у дехкан:

— Почему, когда я проезжал здесь с разъездом, вы даже не хотели разговаривать со мной, не отвечали на вопросы, а теперь всё рассказываете?

— Мы считали вас врагами,— сказал на ломаном русском языке почтенный муйсафед.— Вчера басмачи забрали в кишлаке много скота, сняли с меня лучший халат, увезли из кишлака двух женщин. Когда мы стали сопротивляться грабежу, начали нас избивать. Пришлось бежать в Термез. Теперь мы вернулись домой и поможем вам перейти реку.

Утром через Сурхандарью прошли красные войска.

13 марта 1923 г. Селим-паша с тысячью джигитами остановился в кишлаке Кухитанг. Здесь, в долине одноименной реки, он хотел поднять восстание, увеличить свои силы с помощью насильственной мобилизации большинства населения. Во исполнение приказа 11-й кавполк выбил басмачей из Кухитанга, и они отошли, понеся большие потери и бросив второпях полтора пуда серебра.

12-й полк настиг другую банду на ночлеге в кишлаке Ходжамаломет. Атака была неожиданной, и басмачи бежали, оставив ужин. Остатки банды ушли в Ак-Мечеть.

Разведчики Особого отдела 13-го стрелкового корпуса доставили сведения о том, что Селим-паша намеревается прорваться в Гузарский и Каршинский районы, взять на тайных базах винтовки, патроны и двигаться на Бухару. Чтобы не допустить этого, 18 марта 12-й полк атакует врага на марше и разбивает основные силы Селим-паши. Группами по 100—150 человек уходят басмачи, не разбирая дороги. 12-й полк преследует самую большую шайку с Селим-пашой во главе. Стремясь избежать окончательного разгрома, враг уходил, путая следы. Забыв начисто параграфы военной науки, преподанной когда-то кайзеровскими инструкторами, Селим-паша бежал от погони как волк, попавший в облаву. Путь его был отмечен дымом пожарищ опустошенных кишлаков, слезами сирот и проклятиями ограбленных дехкан.

Через двое суток после первого боя разведчики особого отдела сообщили командованию, что остатки банды собрались вместе и заночевали в селении Ходжа-Малокай, помышляя об одном — спастись, уйти от расплаты, найти убежище, место, где можно зализать раны. Главари, охваченные ненавистью, мечтают соединиться

с действующими у афганской границы бандитами и продолжить борьбу.

В ходе боев Павлов и Путовский провели совещание командиров подразделений, определили ближайшую задачу:

— Преследовать, не давать передышку врагу.

21 марта красные кавалеристы настигли и лихой атакой сокрушили противника. Войско Селим-паши разбито окончательно. В руки бойцов попали пленные, оружие и лошади.

— Селим-паша с 150 джигитами ушел к Сурхану южнее Юрчи,— докладывают Павлову.

— Не давайте ускользнуть, пошлите вдогонку лучший эскадрон,— приказывает командир корпуса.

И снова погоня, погоня...

В приказе по Туркфронту от 27 марта 1923 года командующий Корк писал: «С осени прошлого года в Восточной Бухаре происходила в басмаческих рядах усиленная организационная работа под общим руководством Селим-паши, и к началу февраля с. г. Селим-паша достиг окончательного объединения под своим руководством всех басмаческих отрядов.

Селим-паша приступил к активным действиям. В феврале он достиг в Восточной Бухаре достаточных успехов, своими действиями против наших частей сумел привлечь на свою сторону локайцев и начал расширять свое влияние к западу. В первой половине марта Селим-паша действует уже в Западной Бухаре... Однако в середине марта в районы действия Селима-паши направляется 6-я отдельная кавалерийская бригада. Действуя по-буденновски, части бригады с молниеносной быстротой нанесли по Селим-паше два таких крепких удара, что в его отрядах произошло полное разложение...

...Полки 6-й кавбригады доказали трудящимся Бухары, что никакие наемники бывшего эмира Бухары и

капитала Англии не страшны для Советской власти в Бухарской республике.

Перед славными бойцами 6-й кавбригады стоит задача окончательно уничтожить рассеявшиеся шайки Селим-паши...».

Выполняя приказ комкора, эскадроны преследовали Селим-пашу, который форсировал Сурхандарью и скрылся в ущельях Бабатагского хребта, где у него сохранились заранее подготовленные базы.

Продолжая наступление, части 1-й туркестанской кавбригады объединили свои усилия с бойцами 6-й кавбригады и вышли в Яванскую долину.

4 мая 1923 года в Пайзаву, селение в Сурхандарьинской долине, прибыл комкор П. М. Павлов и начальник особого отдела корпуса Ч. А. Путовский. Они провели смотр подразделений 11-го и 12-го полков, благодарили бойцов за разгром басмачей.

Выглядели красноармейцы не ахти как: в изношенной, а то и просто порванной обуви, в побелевших от соли гимнастерках. Но держались лихо, гордились победой...

Павлов приказал интенданту:

— Выдайте всё, что есть в НЗ, хотя знаю, что надо бы беречь.

В Пайзаву прибыла и группа сотрудников Особого отдела во главе с Шишовым.

Комкор Павлов, хмурясь, спросил его:

— Почему выпустили Селим-пашу? Ведь уйдет в Афганистан...

— Мы это дело расследовали,— виновато ответил Шишов.— Плохо работала связь. Полки с опозданием получили приказ о перехвате Селим-паши. Промедлили и разведчики.

В начале мая 1923 года части 13-го стрелкового корпуса начали новый этап боевых действий против бас-

мачей. Замысел командования оказался для врага неожиданным. Планы басмаческих главарей — получить передышку, объединить силы для совместного общего выступления рушились как карточный домик.

В Душанбе прибыл с полевым штабом П. А. Павлов и группа работников Особого отдела корпуса во главе с Ч. А. Путовским. 7-й, 8-й и 9-й стрелковые полки 3-й Туркестанской стрелковой дивизии, заняв Гиссарскую долину, продвинулись в горы, а 6-я отдельная Алайская кавбригада выступила в Кулябский боевой район.

Здесь уже действовали ревкомы, помогавшие войскам. В Кулябе, Туткауле, Кули Суфиене и Кангурте находились обычные гарнизоны пехоты.

Огромная территория левобережья Вахша контролировалась басмачами. Немало населения, обманутого муллами, находилось в шайках или, поверив вражеской агитации, скрывалось в горах. Муллы им твердили: «Кафиры отправят вас в Сибирь...» Разноплеменные шайки грабили население.

Басмачи имели базы снабжения, поддержку местных баев, прятавшихся до поры до времени эмирских чиновников, хорошо знали пути передвижения красноармейских частей. После налета или встречи с крупным отрядом шайки словно растворялись среди населения, чтобы затем, когда минует опасность, собраться вновь. Из Афганистана от эмира к Ибрагимбеку, Рахманудодхо, Хуррамбеку поступило вооружение и боеприпасы.

Узкой горной дорогой продвигались отряды Красной Армии к Кзылсу. Разбив несколько мелких банд, 12-й полк с боем форсировал реку и продолжал преследование ускользавшего противника. Ночевку устроили в урочище Гульходжа. Кончалось продовольствие, не было хорошей воды, нечем стало кормить лошадей.

К утру тревожной ночи 2 июня 1923 г. басмачи пытаются окружить полк. На помощь приходят соседи из 11-го полка. Недолго длится кровопролитный бой. Видя, что окружить красноармейцев не удается, басмачи, верные своей тактике, покидают поле боя, уходят от преследования, оставив лошадей и большую отару овец.

В районе боев население, захватив кое-какие пожитки, уходило в горы. Красноармейцы ничего не трогали, поили истомленных жаждой лошадей, подбрасывали им корм. Ждали, когда вернутся хозяева.

Командование бригады отправило в горы разъезды с переводчиками. Их задача — убедить дехкан вернуться. Из уст в уста передавалась молва:

— Красные аскеры — наши друзья.

IV

Возвращение в Душанбе. План разгрома шаек. Главный удар — по Ибрагимбеку. Встреча с разведчиками. Шакиров сообщает о планах Хуррамбека.

Душанбе встретил Павлова и Путовского душной, знойной тишиной. Полевой штаб корпуса расположился в нескольких прижавшихся друг к другу кибитках, находившихся под сенью могучего чинара. Вблизи росло несколько фруктовых деревьев, густой слой серой пыли лежал на застывших неподвижно листьях.

Недалеко, в большом саду, в таких же кибитках, разместились чекисты. Не теряя времени, приступили к работе. Вскоре на столе, сколоченном из грубых досок, появился телефон, и тут же раздался звонок. Звонил комкор:

— Если устроились, действуйте, срочно присылайте

обзор разведдаииых. Вместе соберемся завтра к вечеру... Поговорим о плаиах.

Ночью к Путовскому пришли Шишов и Мирзошариф Шакиров. Чекистский разведчик выложил копии писем Алимхана к Селим-паше, Ибрагимбеку, Хуррамбеку и другим главарям басмачества, были здесь и копии их ответов, другая переписка. Взгляиув иа массу бумаг, Путовский воскликиул:

— Когда же это вы успели?

— Переписывал дием и иочью.

Шишов, прочитавший письма зараиее, коротко изложил их содержание.

Эмир иастоятельио требует вовлечь в движение племеиа марка, катагаи, джиликульских туркмеи и киргизов, таджиков Бальджуаиа.

— Бальджуаицев ие удастся,— прокомментировал Шишов.— Здесь уже довольио крепка иародиая власть, да и любимый иародом хафиз Юиус хорошо агитирует за Советы.

— Это тот, который помогал иам в дни ликвидации Эивера?

— Да, это ои. Удивительиый человек, о таком говорят — иастоящий самородок.

Шишов продолжал:

— Переписка характериа тем, что эмиру отсюда пишет чиииовиичья мелкота, а отвечают, по его поручеиию, высшие саиовники двора. Почти все бывшие чиновиики и миогие из духовеиства в Восточиой Бухаре связывают свое будущее с победой басмачества и восстаиовлеиием старых порядков.

— Что говорится в письмах о делах воеииых? — спросил Путовский.

— Оии касаются тактики воеииых действий против иас, мобилизации иаселеиия в шайки, иасаждеиия дисциплииы среди басмачей, взаимоотиошеиий главарей.

Кстати, иаши «подлиниые» письма от имеии Алимхаиа и курбаши, иацелеииые иа разжигание взаимиой иеприязии и вражды, сделали своё дело. Эмир старается выступить в роли высшего судьи и повелителя.

— Теперь иастало время от таких писем отказаться,— заметил Путовский.— Эивера иет. Ибрагимбек и Хуррамбек все время в коитрах... Используйте иаших людей для разложеиия баид, убеждеиия колеблющихся в иеобходимости возврата к мириой жизии, выявлеиия скрытых пособников басмачества.

— Будет сделаио.

Шишов продолжал рассказ о доставлеииых Шакировым документах.

— В приказе Ибрагимбека курбаши даются указаиия о тактике борьбы с Красиой Армией и доброотрядами. Послушайте, что ои советует:

«Получеио миого доиесеиий, что русские выступают из Гиссара, в сторону Арала... Поддерживайте по своей лииии бдительиость, берегитесь выдать себя. После прохода иевериых иемедлеиио соберите свои силы, всех своих борцов за веру и отправьте в безопасиое место, ждите приказа.

Обиаружив иебольшой отряд красиых аскеров, объедиияйтесь и иалетайте смелей. Убивать следует всех до едииого.

Аскеров-мусульмаи иадо сажать иа кол в кишлаках, чтобы все видели, как мы поступаем с отступииками».

— А вот,— продолжал Шишов,— любопытиая жалоба Темура-токсабо из Каратага Ибрагимбеку:

«...Когда иа иас бросились кафиры, то у иас оказалось мало сил. А жители попрятались и иам ие помогали...».

Путовский поднялся с грубо сколочениой табуретки:

— Вот это главиое...

— Враг признает, что народ отходит от басмачей... Послушайте, как Ибрагимбек подталкивает курбаши к активным действиям: «Вы слишком засиделись на одном месте в горах, в прохладе. Сидеть на одном месте — непохвально, это дело женское, а не мужское».

— Бьёт, как говорится, на мужское самолюбие,— так оценил эти строки Шишов.

— Нет ли чего-нибудь в письмах о составе шаек?— поинтересовался Путовский.

— Из переписки можно сделать вывод, что среди басмачей есть, так сказать, добровольцы, самые надежные,— ответил Шишов.— Они называют себя «борцами за веру, муджтехидами». Кстати, также именуют и тех, кто тайно помогает шайкам, а насильно мобилизованных дехкан, стараясь создать видимость военного порядка, зовут аскерами. Они часто разбегаются. Ибрагимбек приказывает вылавливать беглецов и жестоко наказывать.

Путовский внимательно слушал обстоятельный доклад.

— Надо будет найти время подробно изучить эти весьма ценные материалы,— сказал он.

Воспользовавшись наступившей паузой, Шакиров вставил:

— Басмачи стараются не задерживаться долго на одном месте, удачно избегают встреч с нашими отрядами. Из бесед с жителями Кокташа, где полно сторонников Ибрагимбека, я узнал, что у того много осведомителей в кишлаках, особенно там, где оставлены гарнизоны. В этом его сила, в этом секрет неуловимости шаек. Пока не обезвредим басмаческую агентуру, будет немало потерь и безуспешных погонь.

Напомнив об ожидаемой встрече с разведчиком из шайки Хуррамбека, Шакиров ушел на конспиративную

квартиру. Путовский продолжал обсуждение дел с Шишовым.

Из содержавшихся в перехваченной переписке пестрой мозаики фактов складывалась довольно подробная информация о положеиии дел в шайках, о сборе продуктов и денег для закупки оружия. Миого было в письмах указаиий о необходимости выпячивать иа первый плаи лозунги борьбы за ислам и сохранение законов шариата.

Анализ вражеской переписки закончили за полночь.

Шишов обратил внимание на побледневшее лицо начальника Особого отдела корпуса. Тот прилег, прижал руку к сердцу и потяиулся за флакончиком с сердечными каплями. Шишов повернулся, взял в руки пузырек со светлой жидкостью и спросил:

— Сколько капель?

— Тридцать...

Налив в стакан холодной воды из ведра, Шишов торопливо считал, наблюдая, как мутнеет вода в стакане.

Путовский, торопясь, залпом выпил лекарство и притих, словно прислушиваясь.

Шишов спросил:

— Может, доктора?

— Что вы?! Скоро пройдет...

— Когда занемогли?

— С Франции идет,— ответил чекист.— На металлическом заводе работал. Жара, шум, изнурительный труд. Плохо с питанием. Видио, иадорвал сердце.

На лице Путовского вновь заиграл румянец. Сердце забилось ровнее.

Дежурный принес в тарелке вареные яйца, хлеб и чайник чая.

— Спасибо, мы тут уже проголодались... Александр Иванович, будьте за хозяииа...

Перекусив, Шишов собрался уходить. В кабинет торопливо вошел Шакиров:

— Только что прислана сводка. Ибрагимбек собирается в Бабатаг на встречу с Хуррамбеком.

Шишов по почерку догадался, кто автор.

— Сводка Мирали Мурадова...

— Кто доставил?

— Не знаю. Оставлена в условленном месте.

Шакиров ушел. Шишов сказал:

— Не вызывает сомнения то, что наш разведчик сообщил правильно — Хуррамбек идет к Бабатагу.

Путовский оживился:

— Нужны немедленные ответные меры. Предупредите штаб, пусть усилят войсковую разведку.

V

Совещание в штабе. Предстоит бой с Хуррамбеком. Не давать маневрировать. Готовить удар по всем шайкам.

По кривым улицам Душанбе к быстротечной Душанбинке повзводно спускаются кавалерийские части. На лоснящихся золотистым блеском конях навстречу поднимаются уже побывавшие у реки подразделения. Войска на коротком отдыхе, готовятся к новым боям...

На узком совещании штаба обсуждались задачи корпуса. Совещанием руководил Павлов.

Путовский, завершив обзор чекистских разведывательных данных, обратил внимание командиров на то, что Хуррамбек сосредоточил свои силы в горах Актау.

— В то же время,— подчеркнул он,— наш разведчик сообщает, что Ибрагимбек готовится к походу. Басмачам приказано иметь запасы еды и фуража на три дня.

Путовский показал на карте хребта Каратау место, где находился Ибрагимбек.

— Для встречи шайкам потребуется менее двух дней... Надо считать, что атаманы хотят, объединив силы, ударить по нашим гарнизонам в Оби-Киикской, Яванской долинах и в других местах.

После короткого обмена мнениями комкор Павлов принял решение: организовать одновременное наступление на все крупные шайки, не дать им возможности объединиться.

Путовский добавил:

— Придется учесть, что в Локае действуют мелкие шайки, своего рода басмаческая жандармерия. Их задача — уничтожить всех сочувствующих Советской власти. Такие шайки палачей следует громить беспощадно, уничтожать как бешеных собак.

Командир 1-ой отдельной Туркестанской кавалерийской бригады Мелькумов, хитровато блеснув угольками глаз, заверил:

— Ибрагимбеку не дадим соединиться с Хуррамбеком. Панкеев выполнит главную задачу: перехватит басмачей из Сурхана.

— Но при условии внезапности,— вставил Путовский.—Учтите, у Хуррамбека раза в четыре больше джигитов, чем в панкеевском полку бойцов.

— Это крепкий орешек, известно, что у него отъявленные бандиты, фанатики. Лезут в бой, как очумелые,— заметил Павлов.

Путовский снова взял слово:

— Военные меры надо дополнять политическими. Не жалея времени и сил, разъяснять цели басмачей, показывать антинародную суть их призывов, привлекать дехкан-бедняков к работе ревкомов. Надо лишить врагов даже мало-мальского влияния в народе.

— Прав Чеслав Антонович,— согласился Павлов.—

Мой опыт борьбы с антоновщиной и товарища Путовского с бандами Савинкова показывает: надо лишить врага социальной базы.

— Мы должны найти путь к сердцу каждого: и того, кто влиятелен, и тех, кто в нерешительности, не знает куда примкнуть,— продолжал Путовский.— И еще одно: с Панкеевым пошлем опытного чекиста Алексея Михайловича Коробко. Он хорошо изучил эти места, знает обстановку, людей.

...Перед боем Андрей Панкеев разместил бойцов в ущелье, полк отдыхал перед боем. Лишь Коробко с разведчиками уточнял расположение Хуррамбека. К середине ночи было установлено: Хуррамбек находится на холмах Оби-Киика.

Коробко застал командира дремавшим на расстеленной у камня бурке. Выслушав чекиста, Панкеев сделал вслух расчет:

— До басмачей полтора часа хода... Пускай поспят люди, а затем подъем...

Чуть рассвет размыл туман, скрытно подошедший полк лавой устремился на врага. Это был страшный бой, никто не ждал пощады. В клубах пыли сталкивались кони, сверкали клинки, лязг, стоны раненых слились в один бьющий в уши вопль. Остервенело дрались басмачи, были среди них лихие рубаки. Но невозможно было басмачам устоять против закаленных в многочисленных боях бойцов Первой Конной. Равнялись красные кавалеристы на своего командира — богатыря. Он был самым храбрым, сильным и ловким. Его черная кубанка мелькала в самой гуще боя.

— Кара-баходур — черный богатырь, — испуганно кричали басмачи, настегивая коней, уносивших их подальше от кровавой сечи.

Коробко ждал разведчиков, заранее посланных к охране атамана. Им поручили создать в тылу басмачей

панику и, воспользовавшись ею, захватить Хуррамбека. Однако, как только начался бой, курбаши исчез, план его захвата не удался.

После боя изрядно поредевший полк Панкеева ушел в Яван. А вечером, без обычного сигнала трубы, бойцы садились на лошадей...

Как только полк тронулся в путь, лазутчики Ибрагимбека помчались в глухое ущелье хребта Каратау, где он с нетерпением ожидал Хуррамбека. Они донесли, что полк Панкеева идет в Янги-базар.

Совершив ложный маневр в сторону этого кишлака, красные кавалеристы повернули в противоположную сторону. И сделано это было для обмана врага по совету уполномоченного Особого отдела корпуса Александра Коробко.

Полк шел поэскадронно, на сокращенных дистанциях. Выделили боевое охранение, впереди — разведка, с которой проводником отправился Шариф Рахимов.

На марше к Коробко подъезжали скрывавшиеся в саях разведчики. Их доклады лаконичны: басмачей на дороге нет. Доставлялись и задержанные лазутчики врага. Допросы были недолгими. Те мало что знали, говорили односложно:

— Поставлены следить за движением красных, должны сообщить Ибрагимбеку.

Задолго до рассвета эскадроны укрылись в глубоких оврагах, солоноватой водой из родников бойцы поили лошадей. Здесь решено было переждать день. Ни движения, ни ржанья лошадей.

Коробко с посыльным отправил Путовскому донесение:

«Все готово для ускоренного марша. Ждем ночи. До рассвета будем у цели. Разведчики сообщили, что басмачи еще не знают о нас. Шариф Рахимов ведет

полк к цели коротким путем по скрытым тропам. Настроение боевое.

А. М.»

Мурадов не мог сообщить тогда в особый отдел корпуса любопытные факты о том, что происходило в окружении Ибрагимбека, переехавшего из Сарсарака в одно из глухих ущелий хребта Каратау на правобережье Вахша.

Ибрагимбек чуть свет поднялся и вышел в задумчивости на площадку возле войлочной палатки, где он спал под охраной десяти соплеменников. Ему сразу же подали в кувшине воду, он умылся, прошелся по площадке, позвал приближенных и сообщил им, что Хуррабек находится в Бабатаге и его следует вовлечь в бои против красных. Ибрагимбек обрисовал план действий и пути передвижения шаек с разных направлений на гарнизоны в Яване, Дагана-Кийке, Оби-Кийке и других населенных пунктах. Он назвал тропы, урочища, саи, через которые должен пройти каждый отряд, и время, когда следует выйти на исходные рубежи для атаки Яванского гарнизона.

— Мы соединимся с Хуррамбеком и вместе, наконец, разобьем полк Кара-баходура, — убежденно говорил Ибрагимбек. — Все мусульмане убедятся, что красных можно уничтожить, если мы покончим с Кара-баходуром, которого многие боятся.

Курбаши согласно закивали головами:

— Правильно, таксир. Уничтожим этого волка...

Один из курбаши осторожно спросил:

— А пойдет ли с нами Хуррамбек? У него свои намерения.

— Я решил послать к нему наших людей во главе с Мулло Зиё.

Курбаши удивленно переглянулись. Многие чувст-

вовали, что Мулло Зиё не горит желанием подвергаться опасности, да и вообще он стал сторонником прекращения войны.

Ибрагимбек, поняв удивление подчиненных, сказал:

— Я его уже убедил, что надо ехать к Хуррамбеку, который его хорошо знает и уважает. Мулло Зиё учил его сыновей.

Курбаши разъехались, чтобы подготовить шайки к походу.

Под шатром развесистого ореха появился дастархан. К нему пригласили Мулло Зиё. За чаем Ибрагимбек, строго поглядывая на муллу, спросил:

— Не раздумали, учитель, поехать к Хуррамбеку? Только вы сможете убедить его в моем полном к нему доверии, уважении к его праву на самостоятельность. Но сила наша в единстве. Нам надо кончать с полком Кара-баходура, а потом справимся с другими. У вас будет хороший, надежный проводник Мирали...

Прошел день после того, как Ибрагимбек остановил свой выбор на Мулло Зиё, решив, что он будет главой его посланцев к Хуррамбеку. Мулла не спал ночь, взвешивая — принять или не принять предложение. И только сейчас решил твердо — не ехать.

— Плохо себя чувствую, — сказал он тихо Ибрагимбеку. — Не выдержу длинной дороги...

Тот строго взглянул на Мулло Зиё:

— Тогда поедет отец...

Ибрагимбек вежливо обратился к тестю Каюму Парванчи:

—Не сможете ли вы поговорить с моим другом Хуррамбеком и убедить его объединиться с нами...

— Ваша воля для меня закон...

— Употребите всю свою мудрость и убедите Хуррамбека, что я его друг, и сообщите о нашем стремлении к совместным действиям, — сказал тестю Ибрагимбек.

В кишлаке Тульки-булак в ставке Хуррамбека с большим почетом принимали посланцев Ибрагимбека. Это была демонстрация примирения. В огромном шатре, устланном коврами, поверх которых лежали стеганые одеяла с подушками, в ожидании плова шел тихий разговор, обсуждался план совместного нападения на штаб боевого участка в Яване. Принесли пышущее жаром блюдо с горячим пловом.

— Нас теперь пять тысяч джигитов, — самодовольно говорил, приглашая гостей к трапезе и набивая рот рисом, Хуррамбек. Едва проглотив, продолжал: — А у них и пятисот аскеров не наберется. Правда, у красных пулеметы и три пушки. Но у них не лошади, а клячи — едва ноги волочат. Мы выйдем к Явану и ударим от Кайнара, а вы с гор Каратау. Охватим со всех сторон и пустим в них столько пуль, сколько на небе звезд и комаров над соленой водой.

Гости, среди которых был Мирали Мурадов и приближенные Хуррамбека, возбужденно замахали руками, раздались крики:

— Во имя аллаха смерть кафирам!

Хуррамбек припомнил собравшимся случаи, когда басмачи, собрав свои силы в один кулак, хорошо зная местность, имея многократное превосходство в силах, отличных лошадей, одерживали победы. Он обошел молчанием тот факт, что удачные бои против отдельных небольших красноармейских подразделений доставались ценой огромных потерь.

Немногие знали, как после поражения вблизи Карши Хуррамбек трое суток скрывался в зарослях и, попав в дом бедного дехканина, слезно молил о спасении. Тот, не зная, что перед ним жестокий бек, укрыл беглеца, накормил, дал другую одежду и обувь. Жаловался на опасное время, корил басмачей за зверства. Вскоре, ничего не ведающий дехканин, приютивший эмирского пол-

ковника, был убит, а кибитка его разрушена. И сделано это было по приказу Хуррамбека.

— Узнает, кого спас, потребует плату, — цинично объяснил он приближенным.

Долго уполномоченные Ибрагимбека уточняли с Хуррамбеком подробности предстоящего нападения, решив, наконец, через трое суток, ночью ударить по Яванскому гарнизону.

Не теряя времени, доверенные люди Ибрагимбека уехали к себе.

Хуррамбек долго не мог уснуть. Он размышлял над последним письмом Алимхана. Суть его состояла в том, что от него требовали прекращения вражды с Ибрагимбеком, полного подчинения ему и совместных действий.

«Посмотрим, посмотрим,— бормотал он в задумчивости. — Мы повадки этого волка Ибрагимбека знаем, хочет подмять всех. Не выйдет. Но действовать надо умно, ни к чему выступать открыто».

...Мирали Мурадов вел «ибрагимовскую делегацию» по оврагам, балкам, как он объяснял любопытным, по самому короткому пути. Басмачей предупредил, что в дороге могут встретиться свои.

— Не опасайтесь их, нас они поведут по безопасным местам.

Послы Ибрагимбека знали, что Мирали поступил на службу к «главнокомандующему» еще у Кафрюна и тот полюбил этого сладкоголосого рассказчика сальных анекдотов и сказок из 1001-й ночи. Во время отступления, когда бек упал с подбитой лошади, Мурадов отдал ему свою. Затем в бою был ранен, лечился дома и вернулся снова...

Мурадов нарочно выбирал дорогу потруднее, лошади быстро устали. Когда время приблизилось к полуночи, он предложил спутникам:

— Отдохнем, а на рассвете двинемся. Поспите, а я покараулю.

Посидев немного возле беззаботно спящих басмачей, Мурадов дал условный сигнал. Коробко с группой разведчиков окружил захваченную врасплох «делегацию». Во время короткой схватки Мурадов прыгнул на дно оврага и был таков.

Допрос посланцев Ибрагимбека дал возможность понять замысел врага.

Рассвет едва пробивался сквозь густую завесу пыли, стелившуюся над землей. Пыльная буря, «афганец», казалось, охватила полмира.

После допроса басмачей Коробко получил представление о замыслах басмаческих атаманов на ближайшее время. Предстояло отвести подозрения от Мирали Мурадова. Отделив одного из арестованных, Коробко приказал громко бойцам по-узбекски, чтобы пленник понял:

— Отведешь в Яван...

Отозвав в сторону бойца, шепнул:

— Попроси денег или халат и отпусти...

Важно было, чтобы Ибрагимбеку сказали, что Мирали Мурадов сумел избежать ареста.

На рассвете полк Панкеева подошел к ущелью, где находился штаб Хуррамбека и его главные силы.

Красноармейцы-разведчики бесшумно сняли наблюдательные посты.

Коробко доложил Панкееву:

— Можно...

Панкеев вскинул бинокль. Сквозь размытую рассветом тьму он увидел вражеский лагерь. Палатки, спящих басмачей, поодаль мирно пасущихся лошадей.

Пулеметчики залегли на высотах, прижались к земле, руки на гашетках пулеметов, быстро артиллерийская батарея выкатилась на огневую позицию. Кавале-

ристы успокаивали лошадей. Животные, чувствуя приближение боя, настороженно стригли ушами, присмирели.

Громкое, хрипловатое, панкеевское «Огонь!» разорвало тишину.

Несколько минут пулеметы и пушки били по басмачам. Выстрелы утихли. И тогда громкое «Ура!» потрясло воздух. Конная лавина устремилась на врага.

Глухой топот заглушил все вокруг...

Лошади резервного эскадрона чувствовали нетерпение всадников, коротко ржали, взбрыкивали, грызли удила.

Панкеев не выдержал бездействия, вскочил на коня и, взмахнув клинком, вскоре оказался в гуще сечи. Да, рубить он умел...

Басмачи отбивались изо всех сил. Их было намного больше, чем красноармейцев, казалось они своей массой вот-вот опрокинут полк. Вдруг раздался громкий вопль:

— Кара-командир... Кара-баходур!

Басмачи словно остолбенели. Они стали искать глазами Кара-командира. Панкеев бросился в гущу сражавшихся. Зарубив троих басмачей, выскочил на холм, размахивая сверкавшей серебром шашкой, подбадривал бойцов. Во главе резервного эскадрона Панкеев снова врезался в водоворот боя. Басмачи заметались.

— Кара-командир! Кара-командир! — неслось отовсюду, порождая панику, заставляя дрожать сердца бандитов.

Первым бросился в бегство Хуррамбек. Его войско разбегалось кто куда.

Лишь вечером в глухом ущелье Бабатагского хребта Хуррамбек с окружением сделал остановку. Он подсчитывал потери, ругал курбаши за трусость. Встреча с Ибрагимбеком не состоялась.

— Почему испугались Кара-командира? Я же приказал всем броситься на него и схватить... Ничего, —

успокаивал сам себя, — попадет он в капкан Ибрагимбека... Тот придет нам на помощь.

Мурадов переждал, пока к Ибрагимбеку явится Каюм Парванчи. Тот рассказал о том, как посланцев бека схватили неверные.

— Только один Мирали сумел сбежать. Прыгнул как кошка... Наверно, разбился. На допросе все наши молчали. Кара-командир не знает, что вы думаете направиться к Хуррамбеку.

Мурадов в порванной одежде, с кровоподтеками на лице, предстал перед Ибрагимбеком, ожидая допроса с пристрастием. Но «главнокомандующий», не спрашивая ничего, приказал дать новый халат, хорошего коня, оружие.

— Такой джигит не подведет... Всегда будь возле меня.

Ночью сотня за сотней басмаческие шайки Ибрагимбека из ущелий спустились в Яванскую долину и взяли курс на соединение с Хуррамбеком. Мурадов видел, как к беку подъезжали связные и докладывали о выходе шаек к намеченным рубежам. Связным вручали приказы: идти на соединение с Хуррамбеком, который наутро обещал выйти к Дагана-Киикскому плато. Конные бандиты ехали к хребту Рангитау, чтобы коротким путем оказаться в долине. В пути Ибрагимбек, подсчитывая объединенные силы, думал:

— Уничтожим всех кафиров, а затем и в Локай.

Он хорошо знал численность войск 1-й Туркестанской отдельной кавбригады, места расположения полков. Но басмаческий главнокомандующий и не предполагал, что, выйдя ускоренным маршем из Бальджуана, к нему в тыл направился 2-й Гиссарский полк.

Решение об этом было принято комкором Павловым после того, как Коробко сообщил Путовскому:

— Делегация Ибрагимбека договорилась о совмест-

ном выступлеиии Хуррамбека и Ибрагимбека. Посылаю захвачеииых плениых...

Допросы пленных прояснили картииу, иовые сведеиия позволилн уточнить плаи операции.

— Хороший «подарок» прислал Коробко...

Ибрагимбек со своим штабом заиочевал в кишлаке Бешбулак в Яваиской долиие. Ночью на него виезапио иавалился 2-ой Гиссарский полк. В лоб ударил полк Паикеева. Войско из двух тысяч джигитов под ударами двух кавалерийских полков рассыпалось. Ибрагнмбек с кучкой локайцев поскакал к Вахшу. Среди беглецов иаходился Мулло Зиё и Миралн Мурадов.

В пути Ибрагимбек тихо обратился к Мулло Знё:

— Отправляйтесь тайком в Гнссар. Со мной сейчас быть опасио. Придет время, пришлю за вамн...

Разбив Хуррамбека, полк Паикеева иа рысях шел к переправе Кзыл-Кала. На подходе к ией полк встретнлся с остатками ибрагимбековского войска, бежавшего из Бешбулака. Басмачи заняли холмы и ие подпускали кавалеристов к переправе. На высоте, господствовавшей иад местиостью, стоял сам «главнокомаидующнй», рассматривая в бииоколь ход боя. Чуть ннже иаходились его приближеииые. Пулеметный огоиь полка выводил из строя басмачей. Ибрагимбек стоял не шелохиувшись.

— Святой, пули его не берут, — тверднл какой-то лизоблюд, показывая иа атамаиа.

Мурадов присмотрелся, подумал: «Никто его не заворожил. Просто пули не долетают. Застрелить бы его, как собаку». Но ои поминл строгнй иаказ: надо захватнть бека жнвым.

Панкеев приказал бойцам:

— По коням... Шашкн к бою!

Басмачн, не ожидавшне кониой атакн, помчалнсь к переправе у Кзыл-Калы. Раненый Ибрагимбек едва

ушел через Вахш на левобережье и направился в давно примеченное им укрытие — глухое ущелье Вахшского хребта — Сарсаряк.

Весть о поражении Ибрагимбека разнеслась по всему Локаю, по всей Восточной Бухаре. Чтобы показать, что он не сложил оружия, атаман басмачества приказал мелким шайкам развязать террор — нападать на небольшие группы красноармейцев, убивать активистов. На борьбу с ними выступали новые и новые отряды добровольцев. В одном из них был бойцом Шариф Рахимов.

VI

Обзорный материал о Локае. Размышления о тактике. Путовский и Максуд Иброн в Яване. Будет республика на земле таджиков. Собрание в Кайнаре. Что происходит в Кабуле!

— Вот бы удвоить время суток, — пожаловался Путовский пришедшему к нему в кабинет с докладом Маевскому. — В этой папке (он показал увесистую кипу бумаг) — всё о Локае. Здесь записки разведчиков генштаба царской армии и сведения наших людей. Интересный край.

Стоял поздний летний вечер. С гор дул прохладный ветерок, свежий воздух медленно уносил жару из прокуренного кабинета. Путовский расстегнул воротник рубашки, освободил от пуговиц манжеты, обмахивал лицо сложенной вчетверо газетой.

— Дочитаю журнал «Красная Армия», — сказал он, обращаясь к Маевскому,— а затем возьмусь за ваш материал. Не видели этот журнал? Свежий, последний номер минувшего года.

Маевский взял журнал, полистал:

— Этот еще не видел. Буду на очереди...

Маевский ушел, а Путовский, взяв журнал, штудировал, делал выписки из статьи Б. Борисова «Тактика басмачей».

Басмачество зародилось, как считал автор, в Фергане. Кризис в период войны привел здесь к безработице и голоду. В 1918 году в Фергане было 500 тысяч безработных чорьяккоров, 300 тысяч безземельных дехкан. Все богатства края находились в руках баев и улемов. Они превратили ислам в знамя борьбы против Советской власти, якобы виновной в голоде и безработице. Автор статьи подчеркивал, что привязанность шаек к своему району, боязнь за свою семью и имущество ограничивают район их действий. В то же время отличное знание местности позволяет им уходить от преследования, скрытно изучать наши силы, маскироваться.

В качестве военных руководителей шаек, — писал Борисов, — иногда используются европейцы, бывшие офицеры и унтер-офицеры. Обычная тактика — нападение при условии большого преимущества в силе, ночные налеты, убийство отдельных бойцов, особенно связных, перехват обозов.

Автор высказывал некоторые интересные мысли о тактике боевых действий против басмачей, об организации добровольческих отрядов, разведки.

— Всё это правильно, — размышлял Путовский. — Нам надо хорошо знать врага, парализовать его действия, не просто давать отпор, но подавлять точными ударами.

На листке бумаги Путовский делал короткие записи возникших мыслей.

В листовках басмачей Красная Армия названа «ордой завоевателей». Сделано это не случайно, — писал он. — Враги стремятся затемнить классовый характер ведущейся борьбы, подменить контрреволюционную

суть басмачества религиозным и националистическим дурманом. Следует умело и активно действовать рука об руку с местными революционерами, активистами, укреплять связь с народом. Заботливо пестовать ростки Советской власти. Всё это должно быть неотъемлемой частью жизни наших войск.

Самое сильное оружие басмачей — это их агитация, они сеют страх перед «русскими красноармейцами», будто это солдаты старой царской армии, разжигают религиозный фанатизм, лицемерно взывают к национальным чувствам.

Путовский встал, походил по кабинету, вышел во двор, снял с себя гимнастерку, нижнюю рубашку и попросил дежурного из ведра полить ему на голову, спину.

Умывшись, Путовский смочил водой бязевую рубашку, выжал её, надел.

— Хорошо...

Ветер обдувал влажное белье. Путовский почувствовал свежесть. Снова, уже не надевая гимнастерки, сел за стол. Прошла сонливость. Раскрыл папку с оперативными сводками. В них сообщалось о схватках красноармейских отрядов с басмачами. Банды придерживались тактики, о которой писал Б. Борисов.

«В Гиссарской долине, в Рамите и Варзобе дерзко оперирует Рахмандодхо,— прочитал начало первой сводки. Дальше шел перечень убийств активистов, грабежей, налетов на связных и мелкие разъезды.

При встрече с нашим крупным отрядом Рахмандодхо быстро уходит в горы, — сообщалось далее. — Бывает на совещаниях у Ибрагимбека, который выдал ему фирман о назначении своим заместителем по Гиссарской долине».

Следующая сводка о боевых действиях в 6-ой Алтайской бригаде. «С 3 по 7 июля бригада заняла Мумина-

бад, Ховалинг, важные переправы через Пяндж у Чубека и Богорака».

Все дни шли бои. Басмачи сражались упорно, бросались в рукопашные схватки. Потерпев неудачу, каждый раз быстро отходили, рассеивались на мелкие группы, но вскоре снова собирались в довольно крупные шайки.

Тем временем создавались ревкомы в Ховалинге и Муминабаде. Начала налаживаться мирная жизнь.

«7 июня 11-й кавполк у кишлака Олугадары, — говорилось в боевых донесениях, — нанес удар по бандам Тугайсары и Барата. 12-й кавполк у кишлаков Олягоу и Охани Байбиче успешно сражался с бандами Абдулкадыра и Давлятминбая.

12 июня эскадрон 12-го кавполка занял кишлак Карпайча. Захвачен курбаши.

12 июня 1923 г. для установления связи с Кангуртом из Ховалинга отправился полуэскадрон под командой комэска Нестеренко. У кишлака Анчатлая на него налетело более 300 басмачей. Неравный бой длился, пока бойцы не израсходовали все патроны и гранаты. Схватка перешла в рукопашную. Спаслось лишь несколько бойцов.

В районах действия наших частей курбаши Тугайсары, Абдулкадыр, Барат распустили своих джигитов по домам. Однако известно, что сделано это в ожидании ухода Красной Армии, после чего шайки снова намерены возобновить свои действия».

Путовский оторвался от бумаг и подумал: «Снова обман и провокации, жестокость и предательство». Вспомнил курбаши Туянкула, когда его схватили, сослался на свою темноту, дал слово не выступать против народной власти. А вот отсиделся малость, собрал родичей и снова зверствует в Локае...

Путовский взял папку с материалами по Локаю и

стал не спеша листать. Он представил себе огромное междуречье Вахша и Кафирнигана, заполненное узкими долинами, высокими горами.

Справка описывала места обитания племен, их занятия, материальное положение. Давалось представление о быте, обычаях, прошлом жителей Локая. Оказалось что исанходжинцы использовались эмиром в карательных акциях против восставших горцев, получая за это мелкие привилегии.

«Разделяй и властвуй» — извечная политика угнетателей позволяла правителям Бухары подавлять недовольных, сея межплеменную рознь, обеспечивать покорность многих подданных.

— Прямая аналогия с белым казачеством, — подумал Путовский. — Выходит что локайские племена держали в страхе все население Восточной Бухары. За свои былые привилегии они будут драться отчаянно.

Путовский составил небольшой конспект по Локаю, тщательно изучил карту театра военных действий.

За раздумьями о делах в Локае Путовского застал Максуд Иброн. Они познакомились, когда после ухода отрядов Гиссарской экспедиции в Каратегине стал хозяйничать Фузайль Максум.

Зимой 1922 года Максуд Иброн пробрался в Каган, где активно помогал чекистам. Когда после изгнания басмачей в Гарме был создан ревком, в его состав снова вошел вернувшийся домой Максуд Иброн. В Душанбе он приехал для доклада о положении дел в горном крае.

Путовский радушно встретил Максуда Иброна. О кокандском периоде жизни отходника-горца начальнику особого отдела рассказывал молодой чекист, житель Коканда Алексей Ушаров. А о том, как Максуд Иброн помогал красноармейцам, Путовский узнал из донесений Соколова.

Иброн был одет аккуратно, даже чуть щеголевато. На голове не чалма, а цветная тюбетейка, полосатый халат перетянут красным поясным платком, сыромятные коричневые сапоги с высокими каблуками. В руках плетеная камча. Почти трое суток он добирался из Гарма до Душанбе, но на его лице Путовский не заметил и признака усталости. Подумал: «Крепыш... Не трус, выступает за Советы открыто, не опасается, а скольких таких борцов за народное дело басмачи отправили в могилу».

Пригласив гостя присесть, Путовский, расспросив его о семье, о здоровье, приготовился слушать о делах в Каратегине. Неплохо владевший русским, Максуд поведал о главном. Басмачи ушли, но это как сорная трава, верхушку скосили, а корни остались. Многие просто притаились, выжидают удобного момента.

Путовский поинтересовался историей Усмана из Янгалыка. Максуд, горя возмущением, рассказал трагическую историю крестьянского восстания. Его вождем был Усман — бывший рабочий-отходник. В Гарм он вернулся с заработков, узнав, что свергнута власть царя и его наместников, что в Ташкенте победила революция, власть взял в свои руки народ. Он призывал не подчиняться эмирским чиновникам, беку, отобрать богатства у кровопийцев-баев. Многие горцы поддерживали его, но силы восставших были слабы, да и нерешительность Усмана загубила дело, предатели выдали его. Эмирские прислужники, после зверских пыток, утопили Усмана в Сурхобе...

Максуд продолжал:

— Басмачи и сейчас так же жестоко расправляются с захваченными активистами, как с Усманом. Многие боятся открыто примкнуть к Советам. Не всем понятна политика новой власти, ждут, как будет с землей, с водой.

— Так дайте безземельному землю, справедливо распределите воду. Что же ваш ревком медлит?

Иброн задумался:

— Где взять землю?

Путовский строго посмотрел на собеседника.

— Вы же власть, народная власть. Действуйте от её имени. Басмачи бежали, запятнав себя кровавыми преступлениями. Ведь это, в основном, баи. Их землю и нажитое на крови и поте батраков добро отдайте бедняку. У бая десятки гектаров, оставьте ему на семью, остальное тем, кто эту землю возделывал.

Максуд Иброн, соглашаясь с Путовским, рассказывал о трудностях борьбы, о сложной обстановке в далеких селениях.

— Против нас действуют прихвостни эмира,—говорил он.— Басмачи применяют хитрую политику, объявив себя «борцами за веру», за «права народа». А это привлекает население. Красная Армия, уходя, передала охрану кишлака местной милиции и отрядам бухарской Красной армии. В их ряды пробрались стяжатели и лихоимцы. Они вредят Советской власти, занимаясь поборами, притесняя темных, неграмотных людей. Такие действия вызывают недоверие к новой власти.

— Да, басмачи немедленно используют любые наши просчеты,— заметил Путовский — Мы добьемся, чтобы сверху никто не назначал местную власть из присланных людей. Со всяким беззаконием среди тех, кому доверено оружие и власть, покончим. Ленинская партия коммунистов поможет таджикам создать свое государство. Будет Таджикская советская республика, будет народное правительство, своя столица.

Путовский познакомил Максуда, с планами создания автономной Таджикской Советской Республики.

— Этот вопрос обсуждается, высказываются различные взгляды.

— Вот это лучшая агитация за Советы,— воскликнул Максуд.— Свое государство, власть без эмира, богатеев, ишанов, чиновников.

— Да, такая... подлинно народная,— подтвердил Путовский.

Принесли ужин. Хозяин усадил за стол отнекивающегося гостя. Пили зеленый чай, ели холодную баранину, лепешки.

— Если выберете время, давайте послезавтра поедем в Яван,—предложил Путовский.—Там споры из-за земли, национальные трения...

...В небольшом кишлаке Кайнар у подножья южного склона Каратегинского хребта царило большое оживление. Сюда съехались самые уважаемые люди—старейшины родов и племен, члены ревкомов, активисты, бойцы добровольческих отрядов. Ставшую тесной площадку у мехмонхоны заполнило пестрое разноцветье бородатых лиц, тюбетеек, чалм, пестрых халатов.

Собравшиеся усаживались на склоне холма, у его подножия. За длинным столом, сбитым из досок —президиум.

Собрание шло без перерыва с утра. Высказывались все—представители родов, племен, многие муллы, члены ревкома.

Выступил уполномоченный из Душанбе Максуд Иброн:

— Советская власть,—говорил он,— обращается к вам—не помогайте басмачам, сообщайте о месте их пребывания. Передайте своим родственникам и знакомым — пусть сдают оружие. Советская власть простит заблуждения.

Все выступавшие отрицали участие своих земляков и родственников в басмачестве.

— Тогда кто же находится в шайках, убивает акти-

вистов, красноармейцев, сжигает кишлаки?!—спросил Путовский.

Он называл имена отъявленных бандитов из разных населенных пунктов и в ответ слышал:

— Таких у нас нет...

Иброн обратился к муйсафедам:

— Не лучше ли вам вернуть ушедших к басмачам земляков в кишлаки, к земле? Советская власть освободила вас от грабителей-чиновников, от безудержных эмирских налогов, она построит школы для ваших детей, утвердит справедливость. Если верите в бога—идите в мечеть и молитесь. Советская власть не воюет с исламом.

Многие выступали по несколько раз, отводя глаза, упорно твердили:

— Из наших в басмачах никого нет, и никто в шайки не пойдет...

Путовский знал, что Ибрагимбек отпустил на время многих басмачей на уборку урожая, подкормить лошадей, заменить одежду. Однако несколько дерзких шаек оперировало в Локае. У них был приказ: «Истреблять всех сочувствующих Советам...».

Об этом прямо сказал Путовский.

— Шайка Туяикула убила в кишлаках Мирзоболо и Газималек нескольких бедняков за то, что они присутствовали на собрании ревкома. Эти же бандиты терроризировали горные кишлаки Ходжабулен, Каратау Рангентау, преследовали дехкан, отказывавшихся от вступления в шайки. Часть племени карлюк Туяикул заставил вступить в басмачи под угрозой уничтожения всех жителей, включая и детей.

Нелегко было Иброну и Путовскому убедить собравшихся принять постановление, открыто осуждающее басмачество. Голосовали за него дружно, но когда предложили участникам собрания, почти поголовно негра-

мотным, приложить отпечатки пальцев вместо подписи, многие, боясь басмачей, поднялись с места.

— Зачем подписываться?—раздались голоса.— Мы же подняли руки.

Когда Путовский поднялся с места, чтобы убедить участников собрания, раздался выстрел. Человек в бекасабовом халате, отчаянно нахлестывая коня, скрылся в ближнем сае. Пуля пробила фуражку, лежавшую на столе. Нарочито замедленно Путовский взял в руки фуражку, показал её собравшимся, проткнул палец в пулевое отверстие:

— Плохо стреляет, наши красноармейцы не мажут...

Спокойно продолжал:

— Каждое дело надо доводить до конца. Вы все осудили басмачей, подтвердите это подписью.

Максуд поддержал:

— Пусть знают — здесь нет трусов, пусть знают — весь народ хочет, чтобы пришла, наконец, мирная жизнь.

Один за другим, кто решительно, кто с оглядкой, мазнув пальцем о закопченное днище котла, ставили собравшиеся отпечатки под написанным арабской вязью текстом.

Решено было направить делегацию к Ибрагимбеку с требованием покончить войну и добровольно сдаться. Долго судили-рядили: кто пойдет, избрали людей уважаемых, мудрых стариков — муйсафедов.

После собрания к Путовскому подошел Шариф Рахимов, взволнованно сообщил:

— Здесь Мулло Зиё и несколько басмачей!

— Брать нельзя, пусть уйдут без шума...

Путовский, Максуд Иброн и бойцы охраны возвращались в Душанбе по известным издавна тропкам. Отдохнувшие лошади бодро взбирались на седловину, рассекающую Каратегинский хребет. Выехали из Нарына

в полночь и к рассвету уже были у спуска к Янгибазару. С высоты открылось желто-серое скопление кибиток, крутая тропа, по которой им пришлось спускаться.

Решили отдохнуть под ветвистым карагачем, у корней которого пробивался родничок. Как в зеркальце, отражались в прозрачной, почти невидимой воде солнечные блики.

С наслаждением пили воду, от которой ломило зубы. Все бойцы заполнили фляги родниковой водой, напоили лошадей.

За завтраком под деревом Путовский и Максуд Иброн делились впечатлениями о собрании в Кайнаре.

— Напрасно не задержали Мулло Зиё и других басмачей,— сокрушался Иброн.— Взять Мулло Зиё — значит вырвать ядовитое жало.

Путовский после короткого раздумья ответил:

— Мы вели собрание без охраны, показав, что уверены в своей силе. Вели честный и открытый разговор. Не все, кто сейчас обретается в басмачах, отпетые враги. Пусть все сказанное здесь дойдет до них, да и до Ибрагимбека.

Иброн настаивал на своем, доказывая, что с врагом не может быть примирения, Путовский объяснил, что одни лишь крутые меры не дадут нужных результатов. Каждый из собеседников остался при своем мнении.

В Душанбе Путовского, как всегда, ждали многие дела. Прощаясь с Максудом Иброном, начальник особкора сказал ему:

— Ехать в Гарм не торопитесь... Возможно нам с вами придется совершить путешествие в горы...

Говоря это, Путовский вспомнил донесение штаба корпуса, где было сказано, что благодаря энергичной

работе Максуда Иброна, население Каратегина и красноармейцев связали самые добрые отношения.

После бани Путовский переоделся в свежую одежду, выглядел подтянутым, бодрым, лишь чуть покалывало сердце. «Ничего, пройдет»—привычно подумал он.

На столе стопкой лежали взятые из сейфа оперативные военные сводки «На охрану границы в районе Чубек-Богарак и Саят-Чубек направлено по эскадрону», «По дороге в Пархар попали в засаду и убиты связные полка», «Банды басмачей на левобережье успешно преследуются нашими войсками», «В Каратегине и Дарвазе идет сдача басмачей, распадаются наиболее крупные и активные банды...», «Басмачи нападают на отставших красноармейцев... Шайки получили патроны из-за Пянджа...»

В запечатанном конверте лежал проект приказа комкора Павлова. На конверте надпись: «Согласовать».

Путовский коротко набросал в тетради основные положения приказа:

1. Усилить нажим на шайки.
2. Вести разложение басмачества изнутри.
3. Рядовых джигитов, сдавшихся добровольно, после допроса отпускать.
4. С не сдавшими оружие басмачами в переговоры не вступать.
5. Захваченных в бою судить.

Позвонил Павлову:

— Павел Андреевич! Прочитал проект приказа. Своевременный документ. Согласен. Провели вместе с Максудом Иброн бурное совещание в Кайнаре, направили делегацию к Ибрагимбеку с предложением сдаться.

Путовский услышал в трубке короткий смешок:

— Ждите, придет...

— Да, этого, конечно, ожидать не приходится, но

пусть его людн узнают — Советская власть протнв кровопролнтня, предлагает мнр...

Павлов продолжал:

— Задача блнжайшего временн:. покончнть с бандой Рахмандодхо. Дерзко действует. Двух нашнх разведчнков раскрыл. Что это—предательство нлн онн проявнлн неосторожность?..

Закончнв разговор с комкором согласнем подключить как можно больше сотруднннков к операцнн протнв Рахманадодхо, Путовскнй продолжал чнтать накопнвшнеся донесення.

В ннформацнонном докладе сообщалось, что в 7-й батарее 90 процентов бойцов болеют малярней... Оспа, желтуха. Венернческнх болезней нет. Плохо с пнтаннем.

Путовскнй протянул руку к полевому телефону.

— Дуккура...

— В отъезде,— ответнл дежурный.

— Давайте Маевского.

— Слушаю вас.

— Прнмнте меры, наведнте порядок с пнтаннем бойцов, вы знаете, как это важно. Жду доклада, что бойцы получают качественную пнщу. Прнзовнте к ответу внновных. Проследнте: нет ли желудочных заболеванннй.

Повеснв трубку на рычаг, Путовскнй вернулся к оперативным матерналам.

«Недавно жнтелн Ховалннга после очнщення такового от басмачей и назначення ревкома прнслалн делегацню с просьбой о возвращеннн в кншлак гарннзона...»

Путовскнй ознакомнлся с даннымн о протнвннке на 10 нюля 1923 г., развернул схему днслокацнн басмаческнх шаек:

Район Қаратага — Темнр Токсабо—250, Локай — Қарагач — Санд Токсабо—100, Тахнты Қуват возле Бешкента — Палаван ходжа—50, Рамнт—Джабар Са-

идишан-баши — 50, Аргакутал — Рахмандодхо — 400, Бальджуан Барат и Тугайсары — 300.

Всего на участке 3-й стрелковой дивизии действуют 4043 басмача в 15 бандах.

Путовский задумался над прочитанным. «Вместо потрепанных или разбитых шаек возникают новые. Басмачество еще сильно».

Попросив разрешения, вошел Шишов.

— Можно доложить?

Путовский кивнул в знак согласия.

Начальник отдела рассказал, что задание о засылке разведчиков в каждый басмаческий отряд выполняется. Некоторые еще неопытны, проявляют неосторожность, излишнее любопытство. У басмачей налажена своеобразная контрразведка. Ею руководит Ибрагимбек. Она следит за каждым новым джигитом, тщательно проверяет: кто, откуда и как вступил в шайку. Много провалов наших людей в шайке Рахманадодхо. А вот в шайке Туянкула успешно действует наш разведчик, известный всем Мурадов, закрепился, по-видимому, надежно.

Выслушав обзор, Путовский сказал:

— Что нам известно о личностях атаманов шаек?

— Тугайсары родился в Сарай-Камаре, разбоем занялся еще до революции... Рахмандодхо — эмирский полковник. Верой и правдой служил и служит своему сбежавшему господину.

Последовал перечень имен, краткие характеристики.

После паузы Путовский спросил:

— Что показал допрос захваченного недавно басмача из шайки Рахманадодхо?

— Лишь одну новость, но какую!—ответил тот.— Оказывается, у него за пулеметчика Мишка... Это бывший красноармеец Сидоров, который часто ездил за сеном в Каратаг. Без фуража не возвращался. Поэтому

старшина и посылал его. Там он познакомился с баем. После демобилизации не поехал к кулакам-родителям на Кубань, а остался в Каратегине, примкнул к басмачам, принял ислам. Ему сделали обрезание, дали в жены вдову. Вскоре наши его захватили, вырвался, убежал... Теперь приближенный Рахмандодхо, обучает его джигитов бою.

— Хуже тифозной вши... Такого повесить мало...

Путовский решил обсудить ход борьбы с басмачами на оперативном совещании в особкоре.

— Вы, Александр Иванович, сделайте небольшое сообщение, посоветуемся с людьми... Определите день совещания.

Шишов спросил:

— Вы сможете принять Кундузой из Тангаиболо?

— Давайте. С ней поговорим о Рахмандодхо.

— Все, как намечалось...

Кундузой была дочерью батрака Ходжаназара из кишлака Тангаиболо, вблизи Душанбе. На этот кишлак ночью напала группа басмачей из шайки Рахманадотхо. Бандиты грабили, насиловали женщин, убивали активистов. Так Кундузой потеряла почти всех своих родных.

Сама она едва спаслась, забившись в одеяла и подушки. Та летняя ночь осталась в её памяти навсегда. И когда в кишлак Тангаиболо приехал Мирзошариф Шакиров — чекист из Душанбе, то побывал в семье Ходжаназаровой. Её муж еще осенью 1922 года наладил подвоз продуктов осажденным в Душанбе красноармейцам. Кундузой рассказала о том, что пережила, охваченная тяжкими воспоминаниями, простонала:

— Не могу жить спокойно, пока эти душманы ходят по земле...

Шакиров имел поручение найти надежного человека

для засылки в шайку Рахмана-дотхо. Встреча с горевшей местью Кундузой была удачей.

— А не побоишься? Все это смертельно опасно.

Кундузой, не задумываясь, ответила:

— Нет, не боюсь. Сердце у меня горит... Ты вспомни Зарингор, она с мечом сражалась с богатырями и побеждала врагов.

Эти слова о героине народных сказаний обезоружили Шакирова. Он поручил Кундузой съездить в Рохаты, разузнать: кто бывает в этом кишлаке из шайки Рахманадодхо.

Пока Шакиров находился в Танганболо, Кундузой на ослике съездила в Рохаты и, заночевав у любящей поболтать двоюродной сестры, многое разузнала. Сведения, доставленные Кундузой после этой поездки, поразили Шакирова важными подробностями.

Уже на следующую ночь кавалеристы совершили рейд на Рохаты и прилегающие к нему селения. Разгромленная банда и группа пленных—итог боя.

Смелая и умная Кундузой стала неутомимой разведчицей. И вот она беседует с Путовским. Вначале смущалась. Но вошедший с ней в кабинет Шакиров подбодрил:

— Не стесняйся... Все расскажи...

Путовский налил пиалку чая, придвинул тарелку с печеньем.

— Угощайтесь...

Постепенно Кундузой разговорилась, толково отвечала на вопросы, даже когда речь шла о таких «неженских» вещах, как вооружение банд, способы устройства засады...

— Мы хотим дать вам важное задание,— пытливо глядя в глаза молодой женщине, сказал Чеслав Антонович.—Пошлем, как говорят, в самое пекло к Рахма-

нудодхо. Подумайте, если согласны, то будем считать эту беседу началом операции.

Кундузой приняла решение не задумываясь:

— Я готова...

Обстоятельно и заботливо инструктировал Путовский свою новую сотрудницу:

— Ваша задача узнать все о его делах и планах... Не спешите. Потихоньку узнайте, где он отдыхает, где у него семья. Говорят, у него три жены. Совершайте поездки днем, в разной одежде... Её вам дадут.

— Не рискуйте. Делайте так, как будто проявляете лишь женское любопытство, особенно к семье Рахманадодхо.

...Шахназар не спеша шел по зажатой между дувалами кабульской улочке. Город просыпался рано, с первыми блеснувшими из-за гор лучами солнца. С многочисленных минаретов неслись голоса, призывающие верующих к молитве.

Тянуло кизячным дымом. Женщины за высокими заборами дворов начали разжигать очаги, готовить чай. С первых прибывших на базар верблюдов сгружали тяжелые связки колючего терновника — зеленого богатства афганских степей. Вместе с ветками тутового дерева сухой терновник поддерживал огонь в печах пекарен, заставлял петь медные самовары в чайханах, румянил ароматные шашлыки.

На базар приехали крестьяне обменивать и продавать свои товары. Кочевники привезли купленные в Пешаваре промышленные изделия, пригнали на продажу отары овец. Крестьяне из окрестных селений продавали зерно, сушеные фрукты, хлопок или ремесленные изделия—ковры, расшитые тюрбаны, серебряные украшения.

Шахназар не мог не остановиться перед пекарнями, печи которых похожи на гигантские, упрятанные в зем-

лю амфоры. Их раскаленный зев дышал жарким ароматом душистых пшеничных лепешек. «Вот оно — рождение хлеба — основы основ»,—думал Шахназар как зачарованный глядя на ловкие руки нонпазов — пекарей, вдыхая ни с чем не сравнимый запах горячего хлеба...

Пристроившись на работу среди многочисленной прислуги эмира Алимхана, Шахназар затерялся в этой массе людей, живших беспокойной жизнью придворных свергнутого деспота.

...Огромная усадьба на окраине Кабула—резиденция беглого эмира. За высоким глиняным забором довольно большое здание. В нём много помещений самого различного назначения. Здесь можно проводить большие собрания и доверительные беседы, есть зал для трапезы и уютные комнаты, где можно отдохнуть.

Во дворе несколько кибиток для поваров, судомоек, конюхов. Есть и гарем, правда, не тот, что в Бухаре, в уменьшенных размерах. Большая часть эмирских жен и наложниц в начале 1921 года осталась на правом берегу Вахша у переправы. Тогда чудо спасло эмира от плена. А кто сотворил это «чудо» стало ясно через много дней. Продвижение красных войск к переправе нарочно задержали двурушники, именовавшие себя членами правительства Бухарской народной республики.

...С каждым прибывшим из-за Пянджа атаманом шайки или их доверенным посланцем беседовали Алимхан и резидент английской разведки Браун. Поражение Селим-паши показало, что теперь непросто стало воевать против крепнущей новой власти.

Приходилось уже не думать о наступлении, о прорывах и рейдах к крупным населенным пунктам. Перед вдохновителями басмачества встала задача сохранить силы.

— Мы уже подошли к цели,— доказывал Селим-па-

ша своим хозяевам,—но прорваться через горы к новой Бухаре не смогли. Везде нас встречали пулеметным огнем. У нас кончились патроны...

Алимхан с унынием посмотрел на Селим-пашу.

— Мы доверяли вам, туркам, даже испортили отношения с нашими слугами-локайцами, а вы оказались бессильными и ничтожными. Главнокомандующим назначил вашего генерала Энвера-пашу. А где он, где его войско? А вы пятнадцать дней потеряли в боях за Куляб и не взяли этот городишко! Что теперь намерены делать?

— Буду верно служить вам, таксир. Подготовлю новое войско и ударю. Надо, чтобы все вместе выступали. Придется и вам заставить Ибрагимбека воевать лучше, а не прятаться в Сарсаряке.

Браун молчал. На его обычно невозмутимом лице отражались чувства, которые он едва сдерживал. Он презирал и эмира, и Селима-пашу.

— Мне не нужны советы—я жду от вас действия. Встретимся еще раз,— объявил Алимхан Селим-паше и, поднявшись с мягкого одеяла, дал понять, что аудиенция закончена.

В тот же день Алимхан принял каратегинского курбаши Фузайля Максума, атамана кабадианских басмачей Утанбека, ферганского курбаши Кури Шермата и других.

С Кури Шерматом у беглого эмира был нелегкий разговор. Алимхан не мог забыть случай, когда Кури Шермат захватил часть его обоза с добром. Повесить бы его... Но куда деться, надо забыть, любую шайку надо использовать в борьбе за восстановление эмирского трона. Каждый головорез нужен Алимхану.

Он спросил у курбаши, сколько тот может выставить джигитов. Кривоглазый Шермат ответил «Тысячу»: увеличив свои возможности раз в пять. Он явно хотел

получить от эмира побольше оружия и денег. Алимхан одобрительно улыбнулся, милостиво кивнул головой. Но кривой была эта улыбка, жадность и наглость басмача видел даже этот недалекий поклонник гаремных утех.

На этом аудиенция завершилась.

Алимхан, готовясь к большому совещанию, проводил только частные беседы. Он не хотел на совете оглашать сведения о басмаческих шайках и наличии в них джигитов.

Пока шли встречи Алимхана с курбаши Шахназар внимательно изучал приехавших. Сделать это, по правде говоря, было не очень сложно. Курбаши приехали в сопровождении джигитов. Настроение каждого из них после беседы с Алимханом передавалось окружению. Так Шахназар узнал, что Селим-паша в опале. Он заметил здесь Бердыева и был удивлен. Он знал того еще по Новой Бухаре. Был младобухарцем, а здесь крутился при дворе. Оказалось, служит советником, часто бывает на приемах у эмира. Увидел Шахназар и торговца кожей Аллоёрова, подумал: «А что этот здесь делает? Надо последить за ним».

Разведчик пытался выяснить: что привело этих людей к эмирскому дворцу?

Свое донесение обо всем виденном Шахназар передал связному.

Второе сообщение Шишову было о совещании у эмира:

«Принято решение наступать в начале будущего года. Главная сила Ибрагимбек, остальные придут ему на помощь».

На совещании, кроме ближайших советников эмира, присутствовали лишь курбаши и представители тех, кто не пришел сам. Закрывая встречу с вожаками контрреволюции, Алимхан был краток:

— Со всеми мы договаривались иачать усиленную войну против кафиров с марта 1924 года. Решение принято, и ничто его ие нарушит.

Оружие, патроны, одежду можете получить со складов, деньги—у казначея. Будет помощь и от друзей.— Алимхаи бросил взгляд в сторону Брауиа.

— Во имя аллаха милостивого, милосердиого! Аминь! — громко заключил он свою речь, благочестиво подиял руки к лицу.

— Аминь!—нестройно поддержали его присутствующие в зале.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Ленинский призыв: «Красная Армия — защитник народа». Поездка в Каратегин. Встречи в пути. Мирзомахмадамин Хакбердыев едет в Файзабад. Гармские дела.

Горькая весть о смерти Леннна застала Путовского за работой. Ои был потрясеи до глубииы души, нестерпимая боль сжала сердце...

Во всех подразделеииях корпуса состоялись траурные собрания. Бойцы клялись выполннть свой долг, помочь народу Таджнкистана покоичить с басмачеством. В партячейкн потоком шли заявления о прнеме в партню...

Весиой 1924 года Особый отдел работал напряжеиио, больше поступало разведсводок. Оин шли нз-за кордоиа и из мест, где скрывались басмачи иа территорнн республики.

Путовский вечерами задерживался в кабинете, анализируя сводкн, оцеиивая обстаиовку.

— Еще иедавио появлеиие красиоармейцев в какомиибудь Зар-ча-хо, Сарисафитхо, Сарычоре момеитальио разгоияло их обитателей по горным тесиииам,— вспомнинал Чеслав Аитоиович.—Запугаиные злобиой пропагандой, люди верилн в самые невероятиые слухи, представлялн себе бойцов чуть лн не чудовнщами с рогамн на голове. Но когда горцы увнделн, за что борется Красная Армия и её помощннки, за что погнбают парнн нз

Москвы, Казани, из далекой Сибири и Полесья, глухое недоброжелательство сменилось радушным гостеприимством, стремлением помочь.

На память Путовскому пришли многие примеры братских отношений бойцов и дехкан.

Сводки об оперативных делах сообщали не только о боях, но и о помощи отрядов Красной Армии населению. В Гарме бойцы очистили канал, пустили воду на пересыхающие поля, в Кулябе помогали на севе зерновых, в Кангурте отремонтировали разрушенные басмачами кибитки.

На столе Путовского лежало несколько номеров двухнедельного журнала «Красная казарма», который издавался в те годы для младшего и среднего полит-и комсостава.

Путовский открыл только что полученный восьмой номер за 1923 год. Разрезал страницы, просмотрел оглавление и сразу же открыл 117 страницу, на которой крупными буквами было напечатано «Обзор военных действий (с 1-го июня по 1-е августа 1923 г.)».

Прочитав первую главу «Восточная Бухара», Путовский еще раз вернулся к строкам, где говорилось:

«...непрерывное преследование басмачей и усиленная советская работа в освобожденном Локае — закрепляет там новое строительство и окончательно вышибает у Ибрагимбека почву для дальнейшего возвращения в свой насиженный район действий...».

Набив табаком трубку и не спеша раскурив её, Путовский с удовольствием затянулся. Просмотрев сводку разведданных, подготовленную Артуром Лейманом, он стал «сравнивать» их со статьей.

«Выходит, наш анализ событий не совпадает с обзорной статьей, она расхолаживает»—таков был итог сравнения.

Путовский знал, что Ибрагимбек еще силен, поль-

зуется влиянием среди определенной части населения. Очень мобилен, неуловим.

Тут же Путовский написал в редакцию журнала короткую записку с возражением автору, суть которого была в следующем:

«С Ибрагимбеком нам, видимо, воевать придется еще долго. Поэтому лучше было бы написать о том, как эффективнее, с меньшими потерями вести боевые действия, не бить в барабаны прежде времени».

«Абзацы обзора, посвященные боевым действиям против басмачей в Каратегине, — заметил про себя Путовский, — в основном верно отражают положение дел».

«Фузайль Максум рассчитывал,— писал автор обзора,— сломить упорство красных частей, надеясь на защиту природных крепостей. Однако расчеты его не оправдались.

14 июля басмачи были сбиты с занимаемых позиций и стремительно покатились на восток, потеряв в первом же бою до 150 убитыми.

Преодолевая сопротивление басмачей, двигаясь в невероятно трудных условиях, по полуразрушенным карнизам и заваленным дорогам, красные части шли бодро и продвигались вперед, тесня отступающие шайки».

На полях журнала Путовский сделал пометку:

«Не «бодро», а с упорством, с отвагой».

«Население Каратегина,—читал он далее,—радостно встретило части Красной Армии, принесшей ему избавление от гнета басмачей.

На всем пути следования войск жители остаются на своих местах, не выказывая признаков боязни или недружелюбия».

Далее автор обзора рассматривал обстановку в Западной Бухаре: «В непосредственной близости к последней,—писал он,—в течение месяца происходили стыч-

ки и столкновения с неизбежно терпящими поражения и рассеивающимися шайками.

Во время боев был убит курбаши Мулла Таш и несколько других курбаши более мелких банд».

Путовский сделал на полях пометку «Помучились мы с ними, полсотни агентов выловили».

«...На почве внутренних разногласий в шайке муллы Кахара,— говорилось в обзоре,— им был убит один его подчиненный — курбаши Урман-палван, имевший самостоятельный отряд».

Путовский делает еще одно замечание: «Удачная работа чекиста, но есть и наша недоработка, разведчик не выполнил вторую задачу—надо было кончать и с муллой Кахаром».

Далее обозреватель сообщил:

«В Шахризябском районе наблюдается резкий перелом среди местных жителей, некоторые на ряде митингов и собраний постановили объявить жестокую борьбу басмачам. Спайка трудового дехканства с Красной Армией растет, жители оказывают активную помощь красноармейцам в их борьбе с басмачеством. Зафиксирован ряд случаев вооруженных столкновений населения с басмачами, причем басмачи потерпели поражение, а оружие и пленные доставлялись жителями в ближайшие штабы войск».

— Вот прямой результат выполнения решений партии,—подчеркнув абзац, удовлетворенно подумал чекист.—Сдался в плен еще один курбаши, сложили оружие джигиты его шайки. А сколько они до этого натворили бед?!..

Начальник особого отдела знал, как готовилась операция по ликвидации шайки. Пока не были изучены пути передвижения басмачей, погибло несколько разведчиков, преданных революции, прекрасных людей. Шайки метались из кишлака в кишлак, из ущелья в ущелье,

оставляя за собой кровавый след. И вот финал. Сдались под угрозой гибели.

Несколько раз Чеслав Антонович прочитал статью «Ленин и Восток» в журнале «Бухарская жизнь»— органе экономического представительства БНСР в Москве. В ней было многое верно, но, по его мнению, недостаточно глубоко раскрыта роль вождя революции в освобождении народов Востока от гнета колонизаторов. Невольную улыбку вызвала у него помещенная в журнале фотография наркома иностранных дел Г. В. Чичерина в белой чалме и бухарском халате.

— Восток, Восток!.. Наверное, Файзулла Ходжаев порекомендовал сделать наркому такой подарок.

Так же Ходжаев поступил и тогда, когда Путовский приехал в Каган для встречи с ним. Зашел в кабинет, поздоровался и объявил:

— Вы—наш гость, вам положен подарок, в знак нашего уважения. Тут же накинул на плечи халат, со смехом одел тюбетейку, приговаривая: — Таков обычай, дорогой гость. Таков обычай!

Перед мысленным взором Чеслава Антоновича прошли события последних лет. Предательство Усмана Ходжаева, колебания и путаница других. Ведь в первом правительстве республики не было ни одного представителя рабочих и дехкан. Все купцы, конторские служащие, промышленники. Они были врагами эмира, видели в нем олицетворение феодального деспотизма, тормозящего развитие страны. Но и интересы трудящихся для многих из них были чужды.

Перевернул страницу. Узнал сразу Файзуллу Ходжаева—главу правительства Бухарской народной советской республики. Лицо молодое, энергичное, правильные черты, чуть одутловатые щеки, как и Чичерин, в белой чалме и халате.

Статья «Наши внеочередные задачи на Советском

Востоке» полномочного представнтеля Туркестанской республики И. Хндыралиева заставила Ч. А. Путовского задуматься. Он несколько раз перечнтал абзац «Двнжеиие, представлявшее собой стнхнйное, подсознательное устремление широкнх дехкаискнх, скотоводческих и батрацкнх масс к восстановленню натуральных или полуиатуральных форм хозяйств н в снлу этого вовлекшее в свои ряды десяткн тысяч, полных ненавнсти и к капнталнзму, и к советскому строю туземцев, пользовавшнхся, к тому же, полиым безоговорочным содействнем всего корениого населения, теперь распалось окончательно».

«Так ли всё это?»—подумал Путовский.

Нет, в статье миогое было иеверио. Автор ставил басмачество как бы над сражавшимнся в революцни сторонами, затушевывал классовую суть борьбы и ставнл иа одиу доску капиталнзм и Советскую власть. Это была, по сути дела, попытка представить басмачество не в его подлиииом виде полнтнческого баидитизма, а выдать его за иекое иародиое движеиие, «пользующееся полным, безоговорочным содействнем всего кореиного населення», как утверждал автор, вндимо, выдавая желаемое за действнтельность. Вольно или невольно автор раскрыл цели тех, кто хотел бы иакииуть иа басмаческого волка овечью шкуру, а разглагольствоваинем о его окончательном распаде внестн в ряды революционных борцов благодушие и успокоеиность.

Путовскнй подиялся нз-за стола и прошелся по небольшой комиате.

— Автор уходит от главного. Кто руководил и руководит басмачеством, кто его вдохновляет н материально поддержнвает? Какую цель преследуют его вожаки?

В памяти его вставали дни боевых действий Гиссарской экспедиции, преследовавшей убегающее эмирское войско, осада Душаибе, бон с армией Энвер-пашн, с шайками Ибрагнмбека. Еслн паитюркист, отставной во-

енный министр Турции хотел создать пантюркское государство от Анкары до Татарии, то Ибрагимбек клялся эмиру: «Помогите деньгами, оружием, верну вам трон».

Хотя в статье Хидыралиева и содержались правильные мысли, но её общая направленность вызвала тревогу.

Путовский походил по комнате, набил трубку табаком, зажег и не спеша затянулся. Бледный свет керосиновой лампы падал на раскрытый журнал. Он посмотрел на часы. Уже далеко за полночь. Клонило ко сну, но надо было дочитать журнал, завтра другие неотложные заботы. Много поступило новых материалов от разведчиков. Их надо изучить, принять по ним решения, чтобы точные данные отправить командиру корпуса.

Он продолжал чтение. На этот раз его внимание привлекла статья «Минеральные ресурсы Бухары». Мнение о богатстве Средней Азии, в частности Бухары, полезными ископаемыми, в особенности золотом, сложилось давно.

Автор прослеживал попытки экспедиций разведать полезные ископаемые, давал представление о геологии, топографии местности, перечисляя места, где добывалось золото.

Промывкой золотоносного песка занимались ниже устья р. Кафирниган при впадении в Аму-Дарью, у Айваджа, по Вахшу вблизи Туткаула, Нурека, Пильдона, Сангтуды, Лягмана.

Чем дальше Путовский углублялся в статью, тем явственней раскрывались перед ним богатства края. По берегам Мук-су—магнитный железняк. То же по Каратагу, вблизи Келифе — свинцовая руда, у Калай-Хумба— серебро. Есть уголь, горючий сланец, нефть, соль, самородная сера, селитра. А сколько удивительных камней— самоцветов!

Путовскнй налнл в фарфоровую пиалу крепко заваренного чая. Небольшими глотками пнл остывшую терпкую жидкость.

— Сколько богатства таится в этой земле, а как скудно жнвет народ?

Англнчане, немцы, японцы н кнтайцы давно пронюхалн о лежащнх здесь прнродных кладах, тянутся к ннм.

В журнале говорилось также об экономнческнх мерах Советского правительства по стнмулнрованню хлопководства: завоз хлеба, восстановленне нррнгацнонных сооруженнй, выдача кредитов, ассигновання средств на покупку рабочего скота для обнищавших хлопкоробов, освобожденне от налогов посевов хлопчатннка...

Статья «Бухарская Красная Армия» особенно занинтересовала Путовского. Её автор—А. Борисов—опытный военный советовался с Путовскнм, готовя статью к печати. Чеславу Антоновичу знакомы былн многне мысли, высказанные автором. Понравилось ему опнсанне учебных занятнй, отображение опыта Красной Армнн. Метко стреляют молодые воины, которых обучают краскомы. Умело маневрнруют артнллеристы, быстро заннмая боевые позицни. Говоря о спецнфнке условнй, в которых складывалась бухарская Красная Армня, автор говорнл о том, что нужно предоставнть льготы семьям красноармейцев, особенно освобожденне от налогов. А тех, кто отслужил свой срок или же демобнлнзован по болезнн, следует привлекать на государственную службу.

«И если во всех населенных пунктах,— писал автор,— почетные красноармейцы будут отмечены соответствующнм положением, то сдвнг общественного мнення в сторону доброжелательного отношення населення к армнн обеспечен».

«Мы одновременно должны позаботиться о комсосоставе, о возведенин его на определенный пъедестал, об

окружении его всеобщим уважением». Рассвет напомнил Путовскому, что надо хотя бы немного отдохнуть. Убавив фитиль в лампе, он подул в стекло, и едва теплившийся огонек потух. Из стекла вырвался легкий дымок.

Отложив в пепельницу трубку, Путовский разделся. На спинку стула он аккуратно сложил брюки, поверх набросил рубашку, сапоги поставил у дверей.

Откинув серое суконное одеяло, лег и накрылся простынью. Он мысленно вел диалог с авторами статей, размышлял о предстоящей поездке в Гарм...

Легкий стук в дверь вырвал Путовского из объятий крепкого сна. Ординарец доложил:

— Все готово...

Чеслав Антонович рывком поднялся с кровати. Открыл окно во двор. С улицы повеяло свежестью...

Путовский вышел во двор к коновязи, где уже стояли оседланные лошади.

Ординарец, как всегда, стоял возле ведра с прозрачной водой и кружкой. Во двор на крупной лошади въехал Максуд Иброн. Спешившись, он поздоровался с Путовским, который стоял обнаженный до пояса и наслаждался прохладой.

— Завтракали? — спросил Максуд Иброн.

— Нет,— покачал головой Путовский.

— Давайте вместе попьем чаю, я привез теплые лепешки.

Чай был готов, и Путовскому с Максудом оставалось лишь сесть за стол.

— До Гарма будем добираться три дня,— сказал, Максуд Иброн.— Кому следует, знают, что я с вами приеду.

Пока Путовский с Максудом Ироном пили чай, Шишов проверил готовность отряда к выезду. Он проверил подпруги у лошади Путовского, осмотрел, как под-

кованы лошади, хорошо ли вооружены бойцы, настоял взять дополнительно гранаты и ручной пулемет.

Накануне, 18 апреля 1924 г., Ревком республики объявил Душанбинский, Курган-Тюбинский и Кулябский вилояты на военном положении. В Каратегинском вилояте с басмачеством было в основном покончено. Против остатков басмачей успешно вели борьбу отряды самообороны. Многие из них возглавляли бывшие рабочие-отходники, участники революции в Ташкенте, боёв за Бухару и в других местах.

В Янги-Базаре отряд Путовского остановился в казарме местного гарнизона. Огромный двор обнесен толстыми глинобитными стенами. Вдоль них навесы для лошадей. Начальник боеучастка доложил о ходе военных действий против Рахманадодхо.

— Сильны шайки, меньше взвода с пулеметами на операцию не выезжает. Лошади у нас — худоконница, слабые. Купить — средств нет. Захватываем у басмачей лошадей и отдаем своим бойцам.

— А как обстоит дело с разведкой?

— Данные получаем точные, но они часто запаздывают, а поэтому не успеваем накрыть басмачей. Их лазутчики предупреждают.

Путовский задумался. Куда бы ни приехал, везде один разговор: большой вред наносит вражеская разведка, мало хороших лошадей.

— Рахмандодхо часто соединяется с Ибрагимбеком,— продолжал начальник боевого участка,— и тогда приходится держать всех бойцов в кулаке. Провели несколько успешных боев, но только пощипали басмачей.

За чаем Путовского и Максуда застал командир Яванского доброотряда Шариф Рахимов. Его пригласили к дастархану. После завтрака командир доброотряда дал понять, что хочет поговорить с Путовским

— Мы вместе с товарищем Максудом побеседуем с вами,— предложил Путовский.

Комиата комаидира опустела. Шариф Рахимов рассказал о делах отрядов, иазвав, кстати, имена нескольких агеитов басмачей в яиги-базарских и яваиских кишлаках.

— Но и наши люди повсюду действуют,— с гордостью добавил ои — Помогают отряду, смелые люди, маловато их, зато иадежны.

По ходу беседы Путовский вел запись, отмечая характериое.

— Что в эти дии делает Ибрагимбек?

— Распускает шайки иа время сева, а потом сиова соберет. Летом будут воевать до осеии, а затем отпустит иа сбор урожая... Дерзок Туяикул. Ои сам палач, расстреливает активистов, нападает иа связистов, посыльиых, иа небольшие группы бойцов...

— Я же вам поручил иа этого баидита направить все силы,— иапомиил Путовский.

— Маловато у меия людей и патроиов. Мы его только потрепали.

— Дадим всё, что нужио. Ваш плаи действий?

Шариф Рахимов изложил свой замысел. Путовский виес незиачительные поправки и сказал:

— Действуйте... Разгром Туяикула имеет большое зиачеиие.

Суть разговора с Рахимовым Путовский изложил в короткой записке Шишову и передал начальнику боевого райоиа для отправки в особкор. Начальиику боерайоиа было поручеио выделить Рахимову группу бойцов, дать патроиы и оружие.

Поздио вечером Путовский с сопровождающими его людьми оказался у кишлака Дашти-будаиа, вблизи Файзабада. На дорогу из укрытия вышел человек, назвал пароль.

Это был новый разведчик особого отдела Курн Кабир, в прошлом такой же рабочий, как и Максуд Иброн. Вместе они когда-то работали на хлопкоочистительном заводе. Там Кабир получил травму, потерял левый глаз, и его прозвали кривым Кабиром.

Он сообщил, что в Иляке поднялась вода, переправляться в Файзабад на левобережье опасно. Лучше остановиться в дарагонском караван-сарае. Там сейчас нет проезжих, приготовлено все необходимое.

— Лучшего места для ночевки не найдем,— согласился Максуд Иброн.— Первый день едем, не будем лошадей утомлять.

— Я вас проведу по короткому пути,— предложил Курн Кабир...

Когда отряд подходил к Оби-Гарму, передовой разъезд из двух бойцов и Курн Кабира обстреляли басмачи. Маленький отряд тут же спешился. Заняли оборону, лошадей отвели в укрытие.

Подоспели остальные. Оценив обстановку, Путовский приказал пулеметчику выпустить длинную очередь по басмачам, а затем скомандовал:

— Клинки к бою!.. В атаку!

Этого шайка не ожидала. В вечернем полумраке казалось, что в бой мчится не менее полсотни красноармейцев. Басмачи отказались от сближения и умчались в ущелье. Еще долго был слышен цокот подков о камни. Отряд продолжал путь, захватив с собой пятерых раненых и не успевших скрыться нападавших.

В Дарагионе Путовский разместился в домике хозяина караван-сарая Насредин-боя. Приходилось тому встречать хлебом-солью и басмачей, и красных. Боялся тех, боялся и других. Он сказал Путовскому, что, пока будут живы Гаюрбек—эмирский дядя и его брат Исматулло, население не избавится от страха. Они знают всех жителей и их детей, всё, что они имеют,

— Я очень боюсь Гаюрбека... Загубит семью...

— Мы сделаем так, что он вас даже похвалит,— уверенно произнес Путовский.— Вы «освободите» из плена басмачей...

Насредин-бой понял, что хочет сделать Путовский, но еще не представлял как...

После ужина Путовский в присутствии Максуда Иброна отдельно допрашивал каждого из пяти взятых в плен басмачей. Под ними были убиты лошади, а сами они легко ранены. Сделав перевязки и накормив, их стали поочередно приглашать на беседу.

«Почему стали басмачами?»—был первый вопрос.

— Нас взяли силой, угрожали,— убьют родных,—такой, обычно, ответ получал Путовский.

— Убивали красноармейцев?

— Кто знает? Стреляли... Против своей воли. Мы хотим мирной жизни.

В ходе беседы выяснилось, что схватка состоялась с рейдовой шайкой Гаюрбека. Её задачей был перехват небольших групп красноармейцев.

Басмачи рассказали, что в шайке они недавно, вооружены старыми ружьями.

— Нам еще не доверяют,— заявил каждый из захваченных.

— Мы отпустим вас по домам,— доброжелательно произнес Путовский.— Расскажите своим, что все, кто добровольно сдается в плен с оружием, будут освобождены.

Басмачи с удивлением смотрели на Путовского. Ведь им твердили курбаши: красные в плен не берут, сразу же джигитов убивают...

— Можно идти домой?—спросил с надеждой в голосе молодой басмач.

— Когда наступит время!—ответил Путовский, распорядившись до поры запереть басмачей в сарай, и, по-

дозвав Насредин-боя, сказал.— Под утро освободите пленных... Пускай думают, что вы это сделали. Тогда Гаюрбек не придерется к вам.

На рассвете отряд снова был на лошадях. Днем Чеслав Антонович провел в небольшом кишлаке беседу с дехканами о жизни, о задачах Советской власти, о нуждах людей...

На встречах с народом Максуд Иброн представлял Путовского вступительной речью. Говорил он гладко, четко, без запинки, как будто бы читал по-писанному. Речь его была незатейливой, понятной каждому.

— Чека мы называем высшей справедливостью, а вот её начальник — товарищ Путовский,— так начинал он обычно.

В горном Таджикистане о полюбившемся народу человеке быстро разносится добрая весть, постепенно обрастая порою придуманными подробностями. Путовского молва рисовала огромным, могучим, с большой саблей. Махнет ею, и бегут от него басмачи.

А горцы видели перед собой невысокого человека в кубанке со звездой, без усов и бороды, с острым взглядом глаз, слышали хрипловатый, прокуренный голос.

Говорил он о простых, понятных каждому труженику вещах — земле, хлебе, воде, свободе от гнета, о том, что всё это дала земледельцу новая, Советская власть.

Каратегин Путовский знал и по литературе, а больше всего по рассказам Максуда Иброна. Ехали они рядом, и тот часами рассказывал о родных местах.

— Скоро и Калай-Дашт, крепость на равнине,—объявил Максуд Иброн, когда они подъезжали к большому кишлаку. Здесь их встретил руководитель отряда самоохраны кишлака Мирзоамин Хакбердыев. Расположились гости во дворе кишлачной мечети.

Пока бойцы растирали лошадей, очищали их от гря-

зи, дехкане принесли ячмень. Путовский сказал ординарцу:

— Заплати старшине кишлака сполна.

Старшина отказывался:

— Вы же дорогие гости...

Но ординарец настоял. Он знал строгие порядки Путовского — за всё взятое у дехкан платить...

За обедом Мирзоамин Хакбердыев рассказывал:

— Как-то под вечер приезжал к нам со своей шайкой Исматулло—младший брат Гаюрбека, с ним басмачей человек двадцать набралось. Вот здесь у мечети задержались. Часть слезла с лошадей и важно расхаживала в ожидании старшины. А тот не идет, мы его не пускаем. Тогда Исматулло стал кричать, требуя вакиля и полного снабжения шайки мясом, лепешками и фуражом. В ответ раздались выстрелы. Это бойцы самоохраны начали стрельбу. Нескольких басмачей убили и ранили. Бежали они, оставив нам оружие и патроны. Теперь почти все взрослые вооружены, есть запас патронов. Все мои земляки желают вступить в отряд самоохраны. Но мы не всех берем, а самых надежных. Оружия не хватает.

— Поможем, хотя у нас мало в резерве... И вот еще что, не переедете ли вы в Файзабад?—спросил Путовский Хакбердыева.— Там трудно с кадрами. Гаюрбек с Исматулло всех запугали, хозяйничают как хотят. Назначим вас заместителем председателя Файзабадского комитета по борьбе с басмачеством Мирзо Набиева. Ему очень трудно. День и ночь на ногах.

— А как с семьей?—спросил Хакбердыев.—Её оставлять здесь опасно.

— Можете взять с собой или же отвезти к отцу в Шахмансур. Он уважаемый мулла, и его семью никто не тронет.

Хакбердыев, подумав, ответил согласием и получил

от Путовского письмо на бланке. В нем было сказано, что Хакбердыев командируется для работы в Файзабадский комитет по борьбе с басмачеством.

У кишлака Сичирок отряд снова обстреляли. Все бойцы залегли за камнями и ответили огнем, застучали ручные пулеметы. Чувствовалось, что у басмачей был явный численный перевес в людях.

Максуд Иброи закричал басмачам:

— Сдавайтесь, а то всех перебьем.

Его слова подкрепила очередная очередь пулемета. Она вывела из строя несколько басмачей.

Вскоре послышался ответ:

— Сдадимся только Путовскому, он — аслиядиль, высшая справедливость!

— Он здесь...

— Тогда пускай покажется.

Путовский поднялся на высоту, дружелюбно помахал рукой...

Иброи в бинокль наблюдал за басмачами. Они стали складывать оружие и, подняв руки, шли к Путовскому.

Много было встреч у Путовского с горцами, пока он доехал до Гарма. Везде он видел щедрую красоту природы. Цвели деревья, буйно поднималась над землей трава. С гор доносились песни земледельцев.

— Дехкане дружно взялись за омач,—с нескрываемой радостью говорил Путовскому Максуд Иброи.— Сбывается мечта народа о мирной жизни... К земле они тянутся.

На окраине Гарма отряд встретили музыканты. Это был настоящий концерт. Горцы пели ставшую уже народной песню Саидали Вализаде—сказ о Ленине, товарище, друге и отце. Затем исполнялся Интернационал, народные песни, четверостишия о тяжелой доле кресть-

ян-отходинков. От радости возвращеиия домой у Максуда Иброиа появнлнсь слезы. Он ие скрывал их. Оин текли по щекам, короткой бородке, застревая в усах.

Путовскнй поиял, как дорога этому, ставшему ему близким, человеку Родииа, родиой край. В жестокой, требующей иапряжения всех фнзических н духовных снл борьбе не черствела его душа, открытая самым высоким чувствам.

Ревком разместнл отряд в бекской крепостн, где уже кнпели котлы с варевом, несли стопкн лепешек, иа дастарханах поднялись горки с сушеным тутом, грецкнми орехамн.

На цветастых одеялах в довольно просторной комнате было отведеио почетиое место гостям. Видно было, что всё лучшее, чем располагали горцы, сиеслн оии в эту комнату, где еще недавно высокомерный бек устраивал свои пнршества.

Помещение до отказа заполиилось людьми, онн стояли в дверях прихожей н сиаружи у окон.

Путовский попроснл найти дехкаиина Исранла, который был разведчиком в 9-ом стрелковом полку, а когда тот ушел нз этих мест, н в 1-й Туркестанской кавбрнгаде.

Перед иим оказался человек средннх лет, с усамн, острой чериой бородкой. Путовский обратил вннмаиие на мощный торс, крепкие мускулнстые рукн, коротковатые, снльные иоги. Расспросив его о жизнн, Путовскнй узиал, что ревком дал ему землю, рабочего вола, и оин с соседом-доброотрядцем сеют зерно, растят телок, скоро даже будет молоко. Путовский поблагодарнл Исранла за умелые действня, вручнл ему от нменн командовання именное оружне—наган н, по обычаю, отличный халат нз бекасаба. Пожелал успеха н здоровья.

Когда разошлись, Максуд Иброн рассказал Путовскому об этом отважном человеке и событнях, уча-

стником которых был сам или же знал по рассказам очевидцев. Вот о чем он поведал:

В июне 1921 года полки 1-й Туркестанской кавбригады, дислоцированные в Гарме, ушли на боевое задание, в местной крепости остались только штаб бригады, пятьдесят больных малярией красноармейцев и полубатарея Дьяконова. А через два дня крепость была окружена крупной басмаческой бандой, прибывшей из Матчи. Прекратилось снабжение продовольствием. Воду из Сурхоба доставали с большим трудом. Люди питались только кониной, без соли. Но и такой еды было мало. Бойцы ослабели. Несмотря на тяжелое положение, гарнизон успешно отбивал атаки противника.

Комбриг Мелькумов понимал, что если в ближайшие дни не подойдет помощь, отважный гарнизон погибнет. Нужно было любой ценой известить своих. Но как? Ведь крепость плотным кольцом была окружена врагами. И Мелькумов решил отправить связных по бурному Сурхобу. Красноармейцы построили два плота и ночью спустили их на воду. На одном плыл Исраил, которого знали в штабе как опытного и смелого проводника.

Гарнизон тем временем отбивал одну атаку за другой.

На рассвете 25 июня комбриг Мелькумов перешел на дневной наблюдательный пункт, находящийся на башне, полагая, что помощь придет не ранее завтрашнего дня. Он был поражен, увидев в бинокль колонну кавалеристов... До слуха донесся сигнал атаки. Эскадроны на ходу перестраивались. Послышалось «ура!», и конники пошли в атаку. Басмачи были разгромлены.

Без отдыха и пищи Исраил преодолел по реке и пешком 140 километров, нашел полк и вместе с кавалеристами принял участие в бое.

Путовский знал о многих славных делах бригады

Мелькумова, но о гармских событиях ему рассказал Максуд Ияброи, который сам тогда был участником защиты Гарма.

Несколько дней пребывания Путовского в Каратегине раскрыли перед ним картину смелых действий добровольческих отрядов против басмачей. С добровольцами начальник особкора подробно говорил о новых задачах.

Максуд Иброи на специальном собрании актива открыл встречу членов ревкома и актива Гармского вилоята с Путовским, назвав его по традиции представителем «самой высшей справедливости».

Путовский начал беседу по-таджикски. И там, где испытывал затруднение, на помощь ему приходил Максуд Иброи. Оратор объяснял задачи Советской власти, созданием которой должны заниматься ревкомы. Они имеют большую власть и надо правильно ею пользоваться.

— Враги изворотливы,— говорил Чеслав Антонович.— Ведь в ревкоме 1921 года были почти одни богатеи, те, что расправились когда-то с Усманом из Янгилыка, который поднял народ, но не сумел до конца довести свою борьбу. Чем это кончилось, вы знаете.

— Надо сражаться с врагом до победы,—продолжал чекист.— Так что ваши отряды самообороны не должны ждать налета шаек, а искать их и бить везде, где обнаружат. Объединяйтесь, действуйте вместе с частями Красной Армии. Такие операции принесут наибольший успех.

Горячая речь Путовского сопровождалась возгласами одобрения. А он продолжал:

— Победим басмачей, настанет спокойная жизнь без выстрелов, крови и смерти от пуль и голода. Сейчас у вас стало спокойнее, и вы взялись за омач, за кетмень, за любимое дело. У поляков говорят: «Коли

мужик не стал бы трудиться, не стал бы и хлеб родиться».

У бедняков мало или совсем нет земли. Оставляйте баям землю в пределах нормы, а остальную делите между собой. Сбежал бай в Афганистан — вся земля ваша, служит человек добровольно басмачам, берите землю, но если бывший басмач осознал свои заблуждения, сам сложил оружие и сдался, то он равный с вами, не напоминайте ему об ошибках. Но никакой пощады тем, кто нападает на кишлаки, грабит население. Есть и такие басмачи, что когда им приходится туго, сдаются, клянутся оставить злодеяния, а отдохнут, наберутся сил и снова — в бандиты. Таков, например, Гадо Қаландар Хасанов из оби-гармского кишлака Ходжи Харф.

— Да, мы его шайку отогнали, теперь уже не приходит,—воскликнул пожилой, но еще крепкий человек, член ревкома из Янгиалыка.—Это хитрый шакал,разбойник.

Путовский подхватил:

— Так и надо. Теперь Гадо Қаландару прощения нет, слишком велика его вина перед народом. И не поможет ему приставка к имени «гадо» — выпрашивающий подаяния...

Путовскому задавали много вопросов, касающихся земли, семенной ссуды, кредитов, рабочего скота, мануфактуры. Настоящий большевик, он знал, как много ждут от Советской власти исстрадавшиеся дехкане, как много она уже им дала, открыв путь к свободной от эксплуатации жизни, но понимал, что еще больше предстоит сделать. Дорога к народному счастью потребует упорной борьбы и немалых жертв.

На все вопросы отвечал правдиво, не скрывая трудностей, не давал пустых обещаний, переспрашивал понятно ли. А если задавшему вопрос было что-то неясно, обстоятельно повторял ответ.

Путовский шепнул Максуду:

— Будем ли проводить собрание?

— Считайте, что оно идет. Здесь разговор доверительный. Пускай угощаются и беседуют.

Прошло уже несколько часов с начала встречи. У Путовского затекли ноги, ведь и ему пришлось сидеть как всем, со скрещенными ногами. Он попросил сделать перерыв. Все поднялись, вышли во двор. Путовский и Максуд Иброн с удовольствием прохаживались по чисто выметенному дворику.

Путовский раскурил трубку и заглянул под навес, где находились лошади. Подошел к своему рыжему коню. Тот, почуяв хозяина, заржал. Путовский дал ему кусочек лепешки и сахара. Умная лошадь вытянула шею, чтобы хозяин её погладил, Чувствовалось, что кони устали, они беспокойно переступали с ноги на ногу... Еще бы, пройти такой путь не просто...

Ординарец доложил Путовскому:

— Бойцы спят, как убитые, а я—дневальный, на посту.

Все снова собрались в комнате, помолчали, угощаясь чаем. Казалось, на все вопросы дан ответ. И тогда-то Путовского попросили:

— Расскажите нам о Ленине. Какой из себя Ленин? Могучий, как Рустам из «Шахнаме» или Аваз из «Гуругли»?

Путовский объяснил, что сила Ленина в его учении и борьбе за дело трудящихся. Его правдивое слово о братстве и свободе, справедливости для всех трудящихся сильнее богатырских сабель, молний и грома.

— Народ думал, что его свобода в справедливом эмире или царе,—начал Путовский.— Так было в России. Белый царь в 1905 году расстрелял людей, которые шли к нему с прошением защитить их от произвола помещиков и капиталистов, Ваши земляки восстали против уг-

нетеиня под руководством Усмана из Янгиалыка. Эмир н его беки вместе с баямн потопнли в кровн это выступленне. А еще раньше было восстанне в Бальджуане под руководством Восе. Войска эмира и гиссарского бека беспощадно разгромилн восстанне.

Леиин—любимый вождь народа, наш учнтель. Он прнслал Красную Армию, чтобы помочь вам свергнуть эмнра, создать свою народную власть. Не будь Красной Армии, эмнр Алнмхан с помощью империалистов задушил бы таджикскнй народ, покрыл эту землю зинданами и плахамн палачей, чтобы навеки лишить бедняков всякой надежды, не дать им поднять головы.

Путовский выиул записную книжку и стал перечислять количество присланного из Россин и Туркестана в Таджикистан хлеба, мануфактуры, обуви, одежды, выделенных кредитов.

— А что делают басмачи? Грабят магазины, которые открыла для вас новая власть, отбирают у населения хлеб, одежду и деньги... Сжигают кишлакн, насилуют женщин, убивают активистов, всех сочувствующих Советам.

С места поднялся пожилой горец.

— Летом, в год побега Алимхана, к нам пришел полк. Начальник штаба полка Соколов спросил нас: чем помочь? Мы ответилн: не уходите — вот главная помощь... Но сожалеем, что тогда полк оставил наши края. Красноармейцы помогалн нам ремонтировать омачи, сбрую, работали на канале, восстанавливали дома. Это были настоящие друзья. Но у всех у нас к вам сейчас другой вопрос. Узбеки н другие народы имеют свои республики, а у нас её нет. Таджики — древний народ, тысячу лет тому назад онн имели свое государство.

— Скоро н у нас будет своя республнка,—ответил Максуд Иброн.

Он рассказал, что по всему краю идет подготовка к

проведению съезда Советов. На нем намечено провозгласить Таджикскую Автономную Советскую социалистическую республику... Настоящее народное государство.

— Мешает этому гражданская война,— вступил в беседу Путовский.—Басмачество тормозит это важное, историческое дело. Не будь гражданской войны, решены были бы все главные государственные вопросы. На днях упраздняется диктаторская комиссия, вместо нее будет временный ЦИК народных депутатов Восточной Бухары.

...Долго живет Мулло Зиё у Ибрагимбека. Рядом всегда охрана. Изредка, после боев, «главнокомандующий» приезжает на отдых. Поест жирного мяса, напьется чая и подолгу спит под теплым одеялом в пещере или войлочной палатке.

Круглые сутки атамана охраняют соплеменники во главе с братом Исхаком. Никого близко к Ибрагимбеку не подпускают, даже жен. Всегда в охране Мирали Мурадов. Усталый и озабоченный, Ибрагимбек теперь отказывается слушать его неприличные рассказы.

Глухое ущелье Вахшского хребта, поросшее густыми зарослями дикого миндаля и арчи, на этот раз стало убежищем Ибрагимбека. Три дня провел он здесь, не проронив ни слова. Он не говорил даже с братом Исхаком. О чем он думал, какое решение принимал?— озабоченно спрашивало себя ближайшее окружение басмаческого главаря.

На рассвете теплого весеннего дня 1924 г. Ибрагимбек поднялся, потребовал вареное мясо, кумыс, чай.

Всё вскоре оказалось на дастархане. От костра на кошму, где сидел Ибрагимбек, падал бледный свет. На почтительном расстоянии находилась охрана. Даже Исхак не решался сесть с братом за дастархан.

— Мулло Зиё!—повелительно произнес Ибрагимбек.

Мулло Зиё уже привык к тому, что после того, как

он отказался от поездки к Хуррамбеку, Ибрагимбек на него не обращает внимания, смирился с положением пленника. Он лелеял надежду, что, терпя поражение за поражением, Ибрагимбек пошлет его к властям сообщить о сдаче. С таким чувством Мулло Зиё шел на вызов атамана басмачества.

Ибрагимбек вежливо пригласил Мулло Зиё к дастархану, уверенно сказал:

— Скоро мы кафирам нанесем смертельный удар. Наше войско готово сражаться. Эмир послал нам большую помощь. До осени покончим с Советами. Джигиты, народ ждет вашего благословения на газават. Напишите ваш призыв к мусульманам подняться на священную войну. Мои писари перепишут, развезут по мечетям, и через неделю, в день начала газавата, на утренней молитве муллы объявят ваши слова народу.

Мулло Зиё задумался, долго не отвечал. Молчал и Ибрагимбек. Он прикидывал, сколько басмачей, отпущенных им на полевые работы, вернется в шайки. «Кто не вернется,— решил он,— того найдем и силой заставим».

— Что же молчите?—спросил нетерпеливо Ибрагимбек.

Мулло Зиё растерялся, не зная, что ответить.

— Меня народ забыл... Никто не будет слушать...

— Вы напишите, а мы сделаем, чтобы люди узнали о вашем призыве, поняли и пошли за нами...

Мулло Зиё отрицательно покачал головой, а в глазах его стоял туман, сердце сжималось.

— Не могу,— застонал Мулло Зиё.— Сколько крови еще прольет народ.

— Не жалейте кровь неверных...

— Не буду писать, — решительно отказался Мулло Зиё. — Лучше отдайте меня красным. Пускай они судят.

Ибрагимбек вскочил с кошмы, цедя сквозь зубы ругательства, и быстро зашагал к палатке.

Мулло Зиё, расстелив молитвенный коврик, встал на него и начал утреннюю молитву.

Весь разговор Ибрагимбека и Мулло Зиё наблюдал и слышал Мирали Мурадов. Вскоре связной разведчика отправился с донесением на конспиративную квартиру в Душанбе.

II

Возвращение из Гарма. Совещание чекистов. Новая обстановка—новые задачи. Прощание с Павловым. Курултай улемов.

Просторная комната, своеобразный зал заседаний, едва вместила всех приехавших на совещание чекистов 13-го стрелкового корпуса. Все заранее были предупреждены о целях совещания: подвести итоги работы, обменяться мнениями о предстоящей деятельности. Был накоплен опыт по ликвидации шпионских гнезд в Новой Бухаре, ликвидации лазутчиков в городах и кишлаках Западной Бухары, перехвачены каналы переписки курбашей с эмиром, скрывавшемся в пригороде Кабула, задержано много посланных из-за рубежа караванов с оружием.

Уже в 1924 году проведенные партийными организациями, молодыми советскими органами и военным командованием экономические и социальные мероприятия, в сочетании с военными действиями, дали положительные результаты. Происходило классовое расслоение басмачества, повсеместный отход от него трудового дехканства, крупные шайки распадались, началась сдача оружия.

С такого обстоятельного обзора начал свое выступление Ч. А. Путовский перед работниками особых отделов.

В помещении стояла полная тишина, лишь изредка раздавался скрип кожи — это чекисты поправляли новенькие, выданные накануне портупеи, кобуры наганов.

Путовский говорил с характерной для его речи четкостью и точностью в освещении событий.

Басмачи, как пособники всемирной буржуазии, посягающие на Советскую власть и мешающие ей строить мирную трудовую жизнь,— должны быть ликвидированы. Мы уничтожили Селим-пашу, но басмачество не уничтожено, еще орудуют Ибрагимбек, Хуррамбек, Рахмандодхо и другие. Бывший эмир ведет контрреволюционную работу, засылая в Бухару своих агентов. Один из главных ставленников эмира — Ибрагимбек, неоднократно пытался объединить вокруг себя басмаческие шайки.

Выбитый из Локайской долины на левый берег Вахша, Ибрагимбек сейчас вновь направляется в Локай, надеясь вернуть себе утерянное положение.

— Одержав временный успех в бою 21 сентября в районе Явана,— говорил докладчик,— когда был разбит наш эскадрон, басмачи вслед за этим были сбиты с занимаемых позиций и оттеснены на запад. Потеряв в результате боев более 150 убитыми, Ибрагимбек, не удержавшись в Локае, очутился на правом берегу Кафирнигана, где пытался собрать своих разрозненных и рассеянных подчиненных.

В начале октября он снова делает попытку перебраться в Локай, но снова терпит неудачу и переходит на левый берег Вахша.

Наиболее активные главари с левобережья Вахша — Барак-токсабо, Тугай-Сары и Ишан Гыш из войска Иб-

рагимбека неоднократно пытались захватить в свои руки инициативу, но решительные действия Красной Армии при поддержке отрядов добровольцев и местного населения подорвали их активность.

В конце концов Тугай-Сары и Ишан Гыш ушли в Афганистан, отказавшись поддержать Ибрагимбека.

Сделав небольшое отступление от основной темы, Путовский объяснил, что расколу в среде курбашей немало способствовали наши разведчики. Часть их ушла с шайками за рубеж и постоянно информирует о планах и действиях врагов.

Далее Путовский продолжал:

— В бекстве Каратегин, очищенном от басмачества, проводится советизация района при поддержке местного населения.

В течение сентября и октября сдались 83 рядовых басмача и три последних курбаши из числа подчиненных бывшего «бека» Фузайла Максума. Сдавшимися было принесено более 110 винтовок, 46 шашек, 12 револьверов, 1500 патронов и пулемет «Максим».

В Западной Бухаре по-прежнему возглавляет басмачество старый враг мулла Абдукахор, занимающий резко непримиримую позицию. Эмир шлет ему ободряющие письма о поддержке.

В западной части Самаркандской области басмачество почти изжито. Оставшиеся мелкие бандитские шайки делают налеты на кишлаки. Холбута — главарь матчинского басмачества обосновался в Ура-Тюбинском районе, но не получил поддержки.

В Ферганской области летняя кампания закончена блестяще. Разгромлены крупные главари басмачества Ахат Палван, Исламкул, Нурмат Мингбаши, Казакбай. Многие курбаши сложили оружие.

Всего за время операции ликвидировано до 2500 басмачей, из них 1380 сдались добровольно, взято 1829 вин-

товок, шесть пулеметов, 702 револьвера, 87 тысяч патронов, почти 600 лошадей и другие трофеи.

Бойцы Красной Армии преодолели и горные вершины, и палящий зной, совершили многоверстные переходы по горным дорогам, испытали удары из засад, ночные налеты и открытый бой с сильным противником.

В итоге в 1923 году сделано очень и очень много. Стали советскими Каратегин и Дарваз, нанесен ряд тяжелых ударов Ибрагимбеку и мулле Абдукахору. Но басмачество еще не уничтожено. Шайки продолжали нарушать мирную жизнь республики.

Эмир из-за границы внимательно следит за их действиями, помогает деньгами, оружием, ободряющими письмами.

Под влиянием сложившейся обстановки, а также в связи с применяемыми Советской властью политическими и военными мероприятиями, наметилось разложение в рядах западно-бухарского басмачества. Отказываются от борьбы шайки Кулябо-Бальджуанского района.

Каковы же наши задачи? Борьба до конца. Добровольно сдающимся басмачам гарантируется свобода, им дается возможность мирным трудом загладить вину.

В Восточной Бухаре численность басмачей резко уменьшилась. Наступил важный период ликвидации басмачества в Средней Азии, но надо помнить — оно еще сильно. Басмачи кровожадны и бесчеловечны. Вот один из примеров. Они захватили командира Ховалингского добровольческого отряда Мирзо Туру, долго уговаривали его перейти на их сторону. Когда он отверг их предложения, начались пытки. Отважный и гордый Мирзо Туру устоял, не стал предателем. Разгромив эту шайку, мы освободили его из плена, вылечили.

Эмир официально назначил Рахманадодхо «хозяином Гиссарской долины» — заместителем Ибрагимбека... Гаюрбек действует под руководством Рахманадодхо. Мы

установили, что недавно они совещались в кишлаке Адзикент, недалеко от Гиссара. Среди них был и скрывшийся предатель Темур— бывший красноармеец. К сожалению, мы с опозданием узнали об этом. Подвела связь.

Басмачи собрались неспроста, они тоже думали о том, как продолжать свои действия в изменившейся обстановке. Курбаши Игамберды докладывал о новой тактике боя с нами, способах наступления, внезапности нападения, подготовке басмачей... Курбаши обобщали бандитский опыт, изучали неудачи, одобрили тактику Рахманадодхо, применяющего залповый огонь, нападение из засады на наши небольшие отряды. Они рекомендуют теперь вести бои с нами путем спешивания джигитов и укрытия их в складках местности...

Банды пополняются оружием... Из Афганистана Рахмандотхо недавно получил тяжелые пулеметы, винтовки, патроны... Кстати, на этом совещании Ибрагимбек говорил об отношении к беженцам, вернувшимся в Таджикистан из Афганистана. Атаманы решили покончить с открытым истреблением населения, сочувствующего Советам, понимая, что это окончательно восстановит против них весь народ. По-прежнему их цель—уничтожение органов власти на местах, активистов, захват оружия и продовольствия.

Вторую часть своего доклада Путовский посвятил разбору чекистских операций. Он ознакомил собравшихся с деталями специальных мер по перехвату переписки Алимхана с Ибрагимбеком.

— Это дает многое в понимании обстановки и замыслов врага.

Путовский стал читать письмо Алимхана Ибрагимбеку:

«Самую счастливую и радостную весть, которую я вам могу сообщить в данный момент — это то, что Советскую республику не признают и с ней решили не считаться

все великие европейские державы, в частности: Англия, Франция, Италия. Вместе с тем предупреждаю и прошу иметь в виду, что союз России с Германией сорван и не допущен. Сейчас Россия находится в чрезвычайно затруднительном положении. Те же великие державы имеют намерение стереть с лица земли большевизм.

Сейчас европейские газеты пишут о предстоящей гибели России. В ней умирают миллионы от голода, болезней и от варварства. Мы получаем постоянные известия из Лондона, Берлина, Парижа, Индии».

— Как видите, эмир всячески ободряет сообщников,— прокомментировал Путовский.— Он делает вид, что уверен в своем возврате на трон. Пишет, что до его приезда в Бухару он назначает Ибрагимбека своим наместником от Бухары до всех окраин ханства. И чтобы поощрить и задобрить этого жестокого разбойника, которого он в свое время приговаривал к смерти за грабежи, пишет: «Я приказал наградить вас парадной шашкой с драгоценными украшениями, а также выслать вам бинокль высшего качества, английское седло и попону».

Путовский улыбнулся:

— Сообщаю вам, что в последней схватке эти дары «главнокомандующий» оставил на месте боя. Все это и другую амуницию наши бойцы нашли с трупом Сакизбатыра — начальника личной охраны Ибрагимбека. А сам снова ушел. Надо отдать должное, хитер враг, хитер, ловок и неглуп. Как рыба из рук ускользает.

Путовский снова зачитал выдержки из писем Алимхана к Ибрагимбеку и Хуррамбеку, в которых тот стремился их помирить, а Хуррамбека подчинить «главнокомандующему».

— Мы же принимаем контрмеры — ссорить,— отметил Путовский,— посылая им письма-жалобы эмиру того и другого.

— Хуррамбек навис над дорогой Дарбанд — Душанбе, нарушает наши коммуникации,— обратился к собравшимся комкор Павлов.— Сколько раз мы были готовы разбить его банду, не удавалось, он заранее узнавал о наших намерениях. В этом ваш просчет, товарищи чекисты.

— Конечно, период наивысшего развития басмачества уже прошел,— продолжал Путовский.— Но оно еще опасно. Тому пример — активные действия Хуррамбека. Еще недавно басмачество идейно было спаяно, имело единую цель. Значительная часть населения поддерживала шайки. А теперь против басмачей выступают целые племена, такие, как бадакарлы, карлюк и частично марка. Их руководители выступают заодно с нами.

— Что делать нам дальше?— повышая голос, обратился к собравшимся Путовский.— Самый действенный способ борьбы с басмачами — военный нажим, это дело армейских частей и добротрядов. Но у нас с вами есть и свои приемы работы — разлагать шайки изнутри, склонять к сдаче рядовых басмачей, а если удастся, и курбаши. Сдающимся с оружием — пощада. Надо сделать все, чтобы и басмачи, и их сообщники, родственники хорошо об этом знали.

Этот мирный путь отвечает прежде всего интересам молодой Советской власти, потому что он помогает избежать кровопролитий, помогает восстановить мир на этой многострадальной земле.

Чеслав Антонович высказал свои соображения о том, как надо подходить к решению вопроса о конфискации имущества активных басмачей.

— Только через суд, чтобы все знали, за что и почему бандитов народная власть лишает собственности. Есть и пособники басмачей. Это тоже враги. Они шпионили в пользу шаек, снабжали их продуктами и нередко укрывали басмачей от кары. И с ними надо поступать,

как со злостными врагами. Враг идет на хитрость и ловчит...

Путовский перевернул несколько листков бумаги, где арабской вязью было написано сообщение о басмаческих шайках.

— Нам сообщили, что Рахмандодхо, якобы, ушел в Рамит, а он ночевал в кишлаке Тапчаи. Это недалеко отсюда... Мы получили сводку, что Ибрагимбек обосновался возле Чортутской переправы, недалеко от Нурека, а оказалось, что он в роще на склоне Каратау. Таким образом, нас пытаются снабдить заведомо ложными сведениями те, кто скрывает свое истинное лицо врага. Двурушники — опаснейшие враги.

Нами установлено, что в Чубеке пособников басмачей возглавлял бывший председатель ревкома Мулло Мирзо. Он помогал басмачам продуктами и патронами. Этот человек, предупреждал басмачей о готовящихся операциях, буквально стлался перед нашим командованием, рядился в тогу преданного советского работника. Когда я спросил Мулло Мирзо, почему себя так вел, он ответил: «Хитрость — тоже оружие. Яд, направленный внутрь, поражает сильнее».

Тактика врага разнообразна. Мы ее должны хорошо знать и прежде всего парализовать вражескую разведку.

Летом, когда Ибрагимбек шел на соединение с Хуррамбеком, мы действовали осмотрительно. Казалось, Ибрагимбек долго не поднимет голову. Шайка разбежалась. Через две недели узнаем — банда Ибрагимбека увеличилась.

Путовский сделал паузу.

— Скажите, как это могло произойти?

Шишов, внимательно слушавший начальника, покачал головой...

— Благодаря отличной вражеской связи и разведке. У нас связь — конные посыльные, а у них узун-ку-

лак... Выйдет басмаческий связной на высоту, вызовет своего и сообщит все, что надо, а тот другому — и пошло, как эхо. Как за ним угнаться? Верховые посыльные у них едут напрямик и на отличных лошадях...

— Линии связи надо перекрыть. Выявление пособников, вражеских проводников — дело первостепенной важности.

Мы имеем опыт разложения басмачских шаек нашими разведчиками, эту важную работу надо продолжать, не жалея усилий.

Эту мысль поддержал комкор Павлов:

— Войсковая разведка у нас отстает от реальной обстановки. Наша надежда на чекистов,— подчеркнул он.

Два дня шло совещание работников особых отделов. Были глубоко проанализированы все стороны работы чекистского аппарата. В ходе обсуждения вопросов борьбы с вражеской агентурой, военными мерами выяснилось, что Ибрагимбек говорил Мулло Зиё о своих сокровенных планах:

— Мы возьмем в свои руки все 32 бухарские области. После мы постараемся стать хозяевами всего Туркестана.

Сообщил об этом Арнольд Яковлевич Дуккур.

Путовский заметил:

— Необходимо найти и задержать Мулло Зиё.

— Ловим, не получается,— ответил Шишов.

Путовский повторил цель этой операции:

— Склонить его к выполнению наших задач...

Он зачитал из «Путеводителя по Туркестану» И. И. Гейера.

«Кочующие узбеки (род локай) встречаются в большом числе в нагорьях вблизи урочища Сары-Чашма в Восточной Бухаре. Они фанатично религиозны, храбры, обладают беспокойным характером...»

— Наши враги сеют национальную рознь,— под-

черкнул начальник Особотдела.— Это им выгодно. Борьба с национализмом, как и с любыми проявлениями великодержавного шовинизма,— наша прямая большевистская обязанность. Создавайте больше добровольческих отрядов из представителей нескольких национальностей. В бою воспитывается и крепнет дружба между народами. Хуррамбек натравливает шайку на грабеж таджикских горных кишлаков. И это не случайно. Он стремится удержаться на гребне мутной волны национализма.

О работе и планах особистов третьей стрелковой дивизии говорили Дуккур и Маевский, выступали Коробко, Шестопалов и многие другие. Открывалась широкая картина самоотверженной работы чекистов, которая не обошлась и без тяжелых потерь. Особисты действовали с риском для жизни, сутками без сна, порою голодные, плохо одетые...

Путовский подвел итоги обсуждения. Он поднялся со стула, жестами подкрепляя казавшееся ему особенно важное место, говорил взволнованно:

— Из бухарской темноты предстоит создать новую жизнь, свободную, прекрасную жизнь для трудящихся Таджикистана. Наша борьба с басмачами приведет к победе только в единении с народом. Без знания местного языка, обычаев, экономики и религии нельзя добиться успеха. Изучайте язык коренного населения — понимание и дружелюбие — это путь к сердцу и уму людей. Возможно, и раньше я вам говорил об этом. Но хочу сейчас повторить.

В польских народных сказках, например, есть смекалистый мужичок-простачок — Хлопек Растропек: шутник, балагур, находчивый, остроумный, он ловко наказывает панов и вельмож за обиды и оскорбления. И у таджиков есть свой герой — Афанди. Образ и поступки этого народного мудреца, его находчивость — тоже наши

помощники в борьбе с врагами. Мы ведь не только вылавливаем басмачей, но и просвещаем трудовые массы, обличаем недругов новой власти.

Вспоминаю, в предреволюционные годы польские революционеры в своей агитации против царя, помещиков, капиталистов использовали народные образы, в том числе и сатирические сказки.

Путовский взял со стола трубку, набитую табаком, закурил, извинившись, продолжал уже неофициально:

— Чекист — человек действия, личной отваги, решительности. Он действует по сложившейся обстановке, прежде всего как боец-коммунист, опираясь на массы.

Наши бойцы пришли служить в незнакомую обстановку. Местные жители говорят на другом языке, живут по-своему, имеют свои обычаи. Противники-басмачи тоже имеют много особенностей. А чтобы успешно воевать, нужно знать своего врага. Это главное правило. Без этого война будет вестись вслепую... Басмаческие шайки непохожи одна на другую. В разных районах они действуют по-разному. Чекисты должны хорошо знать басмачей своего района.

Нужно подробно изучать все басмаческие приемы, их тактику ведения боя... Нужно знать все их хитрости и уловки, которыми банды особенно богаты. Их слабые и сильные стороны. В то же время нужно знать и своих друзей-дехкан.

Чекисты внимательно слушали Чеслава Антоновича, видя в нем не просто начальника с тремя ромбами на петлицах — знак высокого воинского звания, но и друга-наставника. Он говорил о необходимости абсолютной точности информации:

— Пишите в своих докладах в наш отдел правду, пускай она будет горькой,— подчеркнул Путовский.— Преодолев ошибки, просчеты, мы победили царя и буржуазию. Нам нечего бояться любой правды, самой не-

приглядной. Чрезвычайно опасно приукрашивать действительность, особенно говорить о победах, которые не одержаны. Все доклады надо сопровождать пометками «проверено» или «не проверенные сообщения».

На вопросы чекистов Путовский отвечал четко, если не мог ответить, обещал выяснить и сообщить.

В ответ на вопрос о доверительной информации из-за рубежа Путовский сообщил, что туда направлены неплохо подготовленные, смелые люди, активные участники революции, штурма бухарской цитадели, преданные своему народу патриоты... Они присылают важную информацию о подготовке басмачей к новым налетам, о связях атаманов шаек с зарубежной разведкой. Среди вас есть товарищи, которые осуществляют связь с ними... Надо еще искать и готовить людей для разведки в стане врага. Пешавар на севере Индии — ядовитое гнездо английской разведки, Ханабад — база эмирского шпионажа.

После совещания Павлов пригласил Путовского и всех руководящих работников особого отдела на товарищеский ужин.

Был оглашен приказ об откомандировании Павлова советником за рубеж и назначении Ивана Федько новым командиром корпуса, его тут же представили реввоенсовету и штабу. Ужин затянулся... Оказалось, что Павлов, Федько и Путовский громили врагов на Западном фронте. Были общие знакомые.

Рано утром Павлов убыл к новому месту службы, провожаемый самыми теплыми и сердечными напутствиями. Новый комкор вызвал к себе Чеслава Антоновича.

Первый курултай ученых мулл-улемов состоялся в середине июня. Его приветствовал по поручению партийных и советских организаций избранный в президиум Максуд Иброн.

Три дня улемы говорили обо всем, что волновало: о восстановлении мечетей в разрушенных басмачами кишлаках, о снабжении духовных лиц, о мактабах и казийских судах, вакуфных землях и мазарах. Но о чем бы ни шла речь, все осуждали басмачество на основе положений корана, где сказано: «нарушающие договор, порицающие веру, посягающие на свободную и счастливую жизнь — да будут они уничтожены».

Чтобы своим присутствием не влиять на ход курултая, Путовский не был на этом почтенном собрании, знал, что среди мулл есть люди, понявшие неизбежность исторических перемен, но желавшие оставить за собой все прошлые привилегии. Другие не хотели признавать новую власть, но были и такие, которые навсегда порвали с прошлым. Один из них даже пропел искренние, хотя и высокопарные стихи:

Благодаря своей справедливости
Новая власть
Блистает и озаряет своими лучами Вселенную.
Появилась Коммунистическая партия,
Защитница интересов угнетенных,
Связала по ногам и по рукам эксплуататоров и угнетателей,
Как небесная сила.
Буржуазный класс исчез с горизонта, и восстановлено
Пролетарское знамя до небесной высоты.
С приходом к нам Советов наше жилище превратилось
В цветущий сад.
Постоянным законом является «Интернационал».
И по его словам дарована справедливость.
Да будет моление за Советскую власть!
Советская власть — вечна как ликующее Солнце!
Пусть будет защитник трудящихся — Ленин
Постоянно и всюду!
Да здравствует вечно также и наш курултай!

Муллы приняли воззвание к населению. В нем было сказано: «Собравшиеся на недавнем первом курултае ученых мулл Восточной Бухары в городе Душанбе в

количестве 82 человек, осуждая проклятое богом басмачество, явившееся причиной братского кровопролития, разрушения городов и вообще опустошения всей Восточной Бухары, единогласно осудили во всей полноте виновности басмачество и на основании текстов Корана постановили, в частности, следующее:

«Басмачи, грабящие верующих местных жителей, а также и убивающие их, безусловно, являются ослушниками и преступниками против великого бога. Это подтверждается следующим текстом Корана: «Грабящие и убивающие мирных жителей наказуются великим гневом бога»....

Налеты на базары и мирные кишлаки с целью грабежа и присвоения чужой собственности чрезвычайно строго осуждаются шариатом и считаются запретным и поганым делом...

Неповиновение басмачей правительству и отказ их от сдачи оружия противны шариату, который по этому поводу гласит так: «Мусульмане, признайте бога и ту власть, которую он утверждает. Бог дарует власть тому, кому захочет дать, и отнимает от того, кого желает покарать своим гневом. И возвеличит и умножит того, кто этому угоден.

...Басмачам следует сдать оружие и под покровом всеобщего милостивого всепрощения вернуться к мирной трудовой жизни, ибо так повелевает бог и требует народ. Бухарская Народная Советская власть в высшей степени справедлива, милостива и не желает дальнейшего братского кровопролития...

Если в уши непокорных, строптивых басмачей попадут наши слова, зиждущиеся на основах Корана, и они после этого не сложат оружие,— означенных непокорных ослушников воли бога и Советского правительства надлежит вооруженной силой совершенно уничтожить и убийство таковых шариат признает законным и безгреш-

ным, ибо это караются ослушники, враги бога и его воли, его правительства...

Обращение подписали улемы Восточной Бухары, присутствующие на первом курултае в г. Душанбе...

Путовский прочитал документы курултая, крепко пожал руку Максуду Иброну.

— Сделано большое дело. Пускай не все от души подписали воззвание. Ничего... Они уже сделали шаг в сторону народной власти.

III

Шариф Рахимов покончил с курбаши Туянкулом. Ибрагимбек приказал: вырезать семью Рахимова. Беседа Путовского с Максудом Иброном. Новые советские республики.

К регарскому уполномоченному по борьбе с басмачеством Муллоджану Садуллаеву глубокой ночью приехал земляк. Извинившись, что прибыл очень поздно, сообщил:

— Шахризябский курбаши Мавлянбек идет к Регару. Его цель — уйти к эмиру в Афганистан...

Садуллаев подробно расспросил дехканина, откуда он узнал все это. Тот рассказал, что после базара в Сарыассие, селении, расположенном в 40 километрах от Регара, он заночевал в караван-сарае. На отдыхавших там путников налетела банда курбаши Мавлянбека, отобрала самых лучших коней с седлами, одежду и фураж... Среди ограбленных оказался земляк одного из басмачей. Когда последний узнал, что пострадал близкий ему человек, добился у главаря возвращения лошади и вещей. Тогда же басмач доверительно шепнул:

— Едем далеко... в Афганистан, к эмиру... Нужны хорошие лошади. Целый табун...

Когда уполномоченный убедился, что курбаши Мавлянбек может и в самом деле уйти за рубеж, он немедленно сообщил об этом командиру эскадрона 64-го кавалерийского полка Михаилу Захарову и членам комиссии по борьбе с басмачами. Решено было немедленно выступить навстречу банде, насчитывающей более шестидесяти хорошо вооруженных бандитов.

Впереди отряда, шедшего форсированным маршем, действовала чекистская и военная разведки. Через сутки она нащупала шайку, которая, перебравшись через быстротечный Кафирниган, устремилась в горы Бабатага. Но в какой из многочисленных кишлаков направилась банда, Садуллаев и Захаров не знали. Помог случай.

В пути чекистам повстречался паренек. По узкой тропе он гнал впереди себя осла, груженого дровами, с которыми направлялся на базар. Задержав парня, Садуллаев расспросил его о басмачах. Узнав Садуллаева, паренек подробно рассказал о банде, расположившейся в кишлаке у самых гор. Объяснил, как добраться туда побыстрее.

Уполномоченный ББ — так именовали по службе Садуллаева — предложил атаковать басмачей в кишлаке, указанном проезжим парнем.

— Не верю этому пацану,— скептически отнесся к услышанному Захаров.

Со случаями, когда местное население, боясь мести басмачей, давало неправильные сведения о бандах, командир Захаров уже встречался. Однако Садуллаев настоял на своем. Он видел, с какой непосредственностью взволнованный паренек рассказывал о басмачах. Так врать, пожалуй, нельзя...

Не доезжая до кишлака, Садуллаев и Захаров увиде-

ли перекинутый через глубокий овраг мост. Охраны возле него не было, в кишлаке тихо.

Захаров многозначительно посмотрел на Садуллаева. Его взгляд выражал явное неудовольствие, словно говорил — мы идем по ложному следу.

Садуллаев первым проехал мост, укрылся за высоким дувалом и, поднявшись на стременах, увидел недалеко от себя большой двор с лошадью на привязи.

— Смотри, Миша,—шепнул подъехавшему Захарову.

Тот в бинокль увидел большую площадку за кишлаком, на которой сидели за дастарханом вооруженные люди. Это были басмачи Мавлянбека.

По сигналу Захарова эскадрон скрыто миновал мост и приготовился к конной атаке, которая началась по сигналу комэска, взмахнувшего клинком.

Дробный топот конских копыт нарушил тишину кишлака. Не успели басмачи подняться с ковров от огромных тарелок с пловом, как оказались под ударами красноармейских клинков.

Садуллаев заметил, что басмачи стремятся пробиться к составленным в козлы винтовкам. С группой бойцов чекист преградил им путь и заставил поднять руки.

Мавлянбек и его приближенные, не жалея патронов, отстреливались из английских пистолетов...

Захаров и Садуллаев по некоторым приметам узнали в черноусом басмаче, одетом в английский френч, опаснейшего курбаши Мавлянбека. Хлестнув коней, устремились к нему. Врага надо было взять в плен. Поняв замысел командиров, Мавлянбек удрал, отчаянно отстреливаясь. У чекиста двумя пулями был пробит халат. Не повезло и Захарову, он был ранен...

Садуллаев нашел Мавлянбека в хлеву. Тот прикрылся сеном, ожидая, что бойцы уйдут и он сумеет скрыться.

— Выходи!— наставил на него винтовку чекист...

Путовский, выслушав доклад уполномоченного, похвалил его.

— Вот что значит помощь народа, хорошая разведка. Ждите меня в гости.

В Регар начальник особкора из Душанбе приехал на закрытой арбе, остановился возле дома Садуллаева. Последний только что прибыл после очередной операции и умывался в арыке недалеко от дороги.

Боец, сопровождавший Путовского, подбежал к Садуллаеву и сказал:

— Начальник особкора вас спрашивает...

Несколько растерявшийся Садуллаев заспешил и, на ходу приводя себя в порядок, направился к Путовскому, который, легко спрыгнув с арбы, отряхнул с одежды пыль, подтянул ремень, поправил наган и клинок, подготовился принять рапорт.

Уполномоченный по ББ доложил о боевой обстановке на его участке.

Внимательно выслушав доклад, Путовский сказал:

— Ваши успехи меня радуют... А вот внешний вид — невоенный... Если будете в таком виде в следующий раз, доклад не приму, а вас накажу... Мы с вами прежде всего должны поддерживать военную дисциплину. Она начинается с внешнего вида.

Садуллаев обещал, что ничего подобного больше не будет.

Охотно принял Путовский предложение Садуллаева разделить с ним обед.

У порога кибитки Чеслав Антонович снял сапоги, в носках по ковру прошел в комнату. Скрестив ноги, сел на одеяло у стены и с удовольствием принялся за зеленый чай.

За обедом и чаем в доме Садуллаева продолжалась беседа о чекистских делах. Садуллаева удивляло, как Путовский помнит все, даже самые небольшие схватки

с басмачами, отлично разбирается в сильных и слабых сторонах действий красноармейских подразделений.

— Там, где наша разведка давала командирам точные и нужные сведения, а они умело использовали — успех был обеспечен... К сожалению, у нас еще слабовата разведка... Главная беда — недостаточная связь с населением. Вы же сами знаете, честный трудовой люд — наша главная опора.

Путовский говорил, что опаснейшими врагами становятся перебежчики к басмачам. В такое сложное бурное время это не удивительно. Но если не сумели разоблачить человека, готовившегося уйти к басмачам, то уж его выловить — первоочередное дело чекистов.

Разговор зашел о Темуре-курбаши, бывшем военнослужащем, который сколотил и возглавил крупную банду. Темур хорошо знал тактику регулярных войск и, став приближенным Ибрагимбека, превратился в опаснейшего врага.

— Продумайте операцию по ликвидации Темура и его шайки, — поставил Путовский задачу перед Садуллаевым.

Начальник особкора говорил скупо, точными короткими фразами, чередуя русские и таджикские выражения.

Собеседник сокрушался, что попытки покончить с бандой Темура пока ни к чему не привели.

— Очень хитрый враг... У него всюду есть свои агенты, много родственников, друзей...

Путовский посоветовал найти близких родственников из окружения Темура и через них заслать в банду своего человека... Он должен изучить маневры банды, ее планы, а если удастся, с группой заранее подобранных людей арестовать главаря.

Садуллаев заметил, что у Темура хорошо налажен внутренний сыск.

— Они раскрыли нашего разведчика,— с грустью сообщил Садуллаев.— Затолкнули в мешок и бросили в Каратаг-Дарью.

— Чем помогли семье погибшего?

— Он был бедным дехканином, батраком,— ответил Садуллаев.— Дали семье лошадь, рабочего вола, десять овец... Дали денежное пособие, мануфактуру... Но что может утешить несчастную вдову, сирот? Народу рассказали, как Темур-курбаши, зверь хуже волка, загубил храбреца.

В штабе эскадрона — небольшой кибитке у базарной площади Регара Путовский вручил Садуллаеву новое служебное удостоверение. В нем говорилось: «Предъявитель сего тов. Садуллаев есть действительно уполномоченный ББ особкора 13-го стрелкового корпуса и областного отдела ОГПУ по Сараасиинскому участку.

Тов. Садуллаев имеет право ношения и хранения при себе оружия. Изложенное подписями и приложением печати удостоверяется.

Начальник особкора 13 — Путовский.

Уполномоченный по ББ — Шишов».

— Я оправдаю ваше доверие,— с волнением произнес молодой чекист.

— Вашей работой мы удовлетворены,— сказал Путовский.— Ваша информация всегда обстоятельна и точна. Вы хорошо связаны с населением.

...Вскоре после этой встречи Садуллаеву пришлось по вызову Путовского срочно выехать в Душанбе.

Начальник особкора напомнил, что регарские чекисты прозевали появление Темура-курбаши в Гиссаре, на совещании Ибрагимбека с атаманами басмачества.

— Все попытки укоренить своего человека в банде Темура нам не удались,— докладывал Садуллаев.

— Неужели нельзя было привлечь кого-нибудь из многих обиженных Темуром?

— Пытались,— ответил Садуллаев.— Малейшее подозрение — и человеку петля на шею обеспечена...

После работы Путовский пригласил Садуллаева домой. Каково же было удивление уполномоченного ББ, когда он увидел, что начальник особкора сам довольно ловко жарит котлеты. Путовский накрыл стол, пригласив к нему гостя.

За обедом Чеслав Антонович расспрашивал Садуллаева о регарских жителях, об их настроении. Многое пришлось молодому чекисту рассказать и о себе.

— Покончим с басмачами, а это будет скоро,— сказал Путовский,— мы отправим вас на учебу. И не только вас... Свободу, революционные завоевания, мирный труд надо будет охранять. Для этого таджикскому народу нужны будут не только преданные, но и грамотные, образованные работники. Наша задача — помочь вам стать на ноги... Империалисты будут зариться на Таджикистан. В Афганистане, Иране, Индии, Китае — везде у них базы для борьбы против Советской власти в Средней Азии. Среди вас, таджиков, есть много храбрых и стойких людей, способных бороться с любым противником.

Путовский рассказал Садуллаеву, как бывший рабочий Усман Махмадиев с друзьями Одиной Лучаком и Мулло Тошем подняли дехкан Гарма против бека вскоре после революции в России. Восстание потерпело поражение потому, что повстанцы действовали замкнуто, не имея поддержки со стороны, а гармский бек мобилизовал против восставших все силы, да еще пригласил на помощь войска соседних беков...

Из поездки по Гиссарской долине Путовский вернулся разбитым. Почти месяц он не слезал с лошади. Хотел лучше ознакомиться с делами чекистов на местах, заезжал в самые отдаленные кишлаки.

У Чеслава Антоновича — жителя умеренного клима-

та и равнин — вызывали восхищение горы, упиравшиеся в небо своими сахарными вершинами, бурные реки, плодородная земля долин, обилие зверей, дичи... И в то же время его огорчали царившие почти повсеместно разруха и запустение, брошенные поля, заросшие арыки, разрушенные и покинутые селения. Все это взывало к немедленному действию, ему хотелось, не жалея сил, выкорчевывать язву басмачества, преграждающую путь к мирному труду на этой благодатной земле.

Пока Путовский ездил, в отделе накопилось много дел. Со всего Таджикистана поступали сообщения о перипетиях борьбы с бандами... Много было трудностей и неудач, ошибок... Садуллаев сообщал, что Темур-курбаши схватил и жестоко расправился еще с двумя нашими разведчиками.

Все это надо было продумать, сделать выводы, дать направление чекистам в их столь нелегкой и нужной работе.

Из-за рубежа поступали важные сведения о новых базах снабжения басмачей оружием, о подготовке эмиром и его советниками новых заговоров против Таджикистана...

В отделе Путовский провел совещание сотрудников, рассказал о виденном, поставив в пример работу Садуллаева, который с помощью населения преградил путь басмачам в Каратаг.

— Такие кадры нам надо находить и выдвигать...

Говорил он и о других работниках. Чеслав Антонович напомнил товарищам по работе, что надо бороться с имевшими место проявлениями высокомерия и зазнайства, рисовкой, скоропалительными решениями, помогать налаживанию партийного стиля в работе молодых руководящих органов, бороться с землячеством, кумовством.

— Все это не случайно,— заключил Путовский.—

Пока еще иные новые руководители в какой-то мере подражают старым чиновникам. Это большая беда, с ней надо бороться...

После совещания начальник особкора углубился в чтение донесений. Он невольно задумывался над материалами из Файзабадского района, где остатки басмачества были еще сильны.

Задержали внимание начальника особкора сообщения из Куляба, Дангары, Чубека, Сары-Чашмы и других мест Юго-Восточного Таджикистана. Здесь почти ежедневно происходили стычки с басмачами...

Путовский сложил все документы в полевую сумку и с охраной отправился к комкору Федько. Комкора он застал склонившимся над картой боевых действий. Познакомив Путовского с данными войсковой разведки, Федько сказал:

— Басмачи очень подвижны. Хорошие лошади, отличное знание местности, оперативная информация о наших действиях. Много у них шпионов...

— Расскрываем их, немало предали суду,— ответил Путовский, познакомив комкора с донесениями разведчиков.

Внимательно слушая начальника особкора, Федько мысленно анализировал факты.

— Ваши данные используем при планировании операций против Ибрагимбека.

— Учтите, что доброотрядцы начинают операцию против Туяикула,— сообщил Путовский.

— Мы усилим Яванский гарнизон, прикроем тыл отряда.

— Хорошо,— пожал руку комкору Путовский.

Как обычно, вечером уполномоченный по борьбе с басмачеством Шишов докладывал Путовскому о поступивших оперативных сводках.

Душанбинский представитель особого отдела Мирзо-

шариф Шакиров доставил копии еще нескольких писем Алимхана Ибрагимбеку и ответы на них.

— Характерно, что Ибрагимбек шлет эмиру ложные сводки о своих победах. Сейчас, как вы знаете, Ибрагимбек мечется между Джытым-тау и Нарыном. Несет потери, восполняя их локайскими джигитами. Они нападают на наши мелкие подразделения, и сразу же, используя узун-кулак, распространяют в народе слухи о том, что Ибрагимбек «разбил целый полк». Недавно показывал в кишлаках наше оружие и раненого бойца, якобы перешедшего на его сторону.

Выслушав доклад, Путовский спросил о делах отряда Шарифа Рахимова.

— Сегодня начинает операцию против Туяикула. Назвали ее «Каратау».

В тот вечер отряд Шарифа Рахимова поднимался на хребет Каратау. Перешедший на сторону отряда бывший басмач, земляк командира отряда, сообщил Рахимову о том, что в роще, на северном склоне горы, шайка устроит привал. На рассвете она намерена пойти в кишлак Сангтуда для уничтожения местного отряда самообороны.

— Ибрагимбек приказал примерно наказать этих людей. Он сказал: «С женщинами можете делать все, что пожелаете. Имущество кафиров — ваше».

Шарифу Рахимову знакомы здесь все тропинки. Отряд он повел дальним, кружным путем. Решил напасть там, где Туяикул не ждал опасности.

Этот курбаши находился в числе приближенных Ибрагимбека. Ему поручались самые дерзкие, кровавые операции.

Имея в запасе свежих лошадей, шайка могла совершать стремительные рейды, была неуловима. Туяикул не завязывал бой, когда видел, что ему не уцелеть, уходил в горы.

Шариф Рахимов по поручению Путовского отправлял к Туянкулу разведчиков. Но они не закреплялись. Как только пытались наладить связь с отрядом через посыльных, те предавали их. Лишь Акобирову удалось войти в доверие к Туянкулу. В один из дней тот направил его с письмом к Ибрагимбеку, и тогда-то Акобиров, не теряя времени, поехал к Рахимову. Прочитав письмо, командир доброотряда предложил Акобирову доставить письмо по назначению, а сам с отрядом тронулся на сближение с басмачами. Тропинка петляла между камнями, зарослями чудо-дерева — фисташки. Растительность на склонах гор от жары высохла, пожелтела, только фисташку не опалило солнце, на ней уже начали завязываться плоды.

Вскоре тропинка стала круто подниматься к седловине хребта. Примеру спешившегося Рахимова последовали бойцы. На коротком привале проверили оружие, закрепили его так, чтобы не ударялся металл о металл.

Отряд шел в гору, ведя в поводу лошадей. Все доброотрядцы — таджики, привычные ходить по склонам гор. Шли медленно, зорко посматривая вокруг.

Бойцы шли в ночи, думая о предстоящей схватке. На языке — медный привкус опасности. Время тянулось медленно, уже небо из черного становилось сероватым. Стали обозначаться деревья. Где-то недалеко от отряда в сторону шарахнулось стадо горных козлов, захлопали крыльями горные голуби.

— Тише, тише... — мысленно обращался к птицам и зверям Рахимов.

Слабый звездный свет не разгонял тьмы. Черные тени коней, дрожа, скользили по белой словно фосфорисцирующей тропе, бежавшей все вверх в бесконечность гор.

Когда поднялись на хребет, отряд сделал остановку. Разведать врага Рахимов отправил двух бойцов. Доб-

роотрядцы сняли с ног у коней тряпки (в бою они могли помешать), Рахимов прошелся вдоль спешившегося отряда и негромко сказал:

— Действуйте смелее... Мы знаем о басмачах, а они и не предполагают, что мы рядом.

Вскоре к отряду вернулись разведчики. Свое дело они сделали — сняли дремавшего часового. Им оказался пожилой басмач-исанходжинец.

— Не охнул,— доложил старший боец.— Я поведу отряд.

Когда до расположившихся на пологом склоне горы басмачей осталось недалеко и уже рассвело, Рахимов подал рукой сигнал:

— По коням!

Увидел, что весь отряд выполнил приказ, он повел его за собой. Когда подобрались совсем близко, Рахимов скомандовал:

— В атаку!

Басмачи всполошились. Стали хватать оружие. Начавшаяся паника сделала свое дело. Выстрелы застигнутых врасплох джигитов не достигали цели.

Доброотрядцы рубились с бандитами. Пошли в ход и приклады винтовок. Рахимов искал Туякула, но взять его живым не удалось. Басмачи дрались отчаянно, ни один не сдался. Они знали, что их злодеяниям нет счета и пощады им не будет.

Похоронив убитых, бойцы собрали боеприпасы и оружие, загрузили ими басмаческих лошадей.

— Берите лучших коней, хорошие седла,— распорядился Рахимов.— А своих поведем в поводу.

Вскоре отряд тронулся в обратный путь. Впереди ехали разведчики, замыкали колонну конные разъезды.

В Яване отряд встречал заместитель начальника особого отдела бригады Алексей Михайлович Коробко. Он обнял Рахимова, сказал:

— Все понял... С Туянкулом покончено.

Расспросив Рахимова о том, как проходил бой, Коробко отправился к телефону и, получив связь с Путовским, используя несложный шифр доложил:

— «Десятка» побила известный вам объект... Отлично проявили себя доброотрядцы, действовали решительно, смело. В их лице сам народ дает отпор бандитам, это предвестие скорого полного уничтожения басмачества. Надо, кстати, их обмундировать, выдать по новому халату, гимнастерке и брюкам, по паре хороших сапог... Хоть и не солдаты, а вид должны иметь бравый.

Приказ Путовского — хорошо одеть бойцов — тут же был выполнен. Бойцы отряда отправились на отдых. Лишних коней они сдали в хозчасть. Такому богатству там были рады. В кавбригаде всегда не хватало годных к длительным переходам лошадей.

Разведчик Акобиров возвращался от Ибрагимбека с приказом Туянкулу после налета на Сангтуду ударить по Кангурту, уничтожить чекистскую разведчицу Оимхон Абдуллаеву.

Теперь он получил новое уже от чекистов — доложить Ибрагимбеку, что Туянкула он в Сангтуде не нашел. Намекнуть, что тот обманул, ушел к красным.

Разведчик отправился в Сангтуду. Расспросив знакомых о том, о сем, понял, что о басмачах Туянкула здесь не слышали. Это подтвердил и человек Ибрагимбека. Вернувшись к «главнокомандующему», Акобиров не застал его в ущелье Сарсаряк. Связной, встретивший Акобирова, передал его другому, а тот третьему. По крутой тропе они поднялись на площадку, где находился вооруженный маузером басмач. Увидев Акобирова и его спутника, приказал им остановиться.

— Повелитель занят.

Акобиров присел на камень, поежился, почему-то вспомнились стихи о жизни и смерти:

То, что я смертен — известно,
Но когда умру — неизвестно,
Я правоверный — известно,
Но когда увижу суд — неизвестно.
В темноте и тесноте бытия
Пути мои предопределены.
В муках или в спокойствии
И как умру я — неизвестно.
Созовем на битву добрых и злых,
Повинуясь законам творца.

Передохнув чуточку, басмач затянул снова:

Повторяя себя из века в век,
Все также плыли по голубому небу
Золотые от солнца облака,
Все также задевали остряя хребтов
Тяжелые чугунные тучи, полные дождей и грома,
И стлались над кишлаком мирные дымки,
А изо дня в день обновлялась земля, травы и воды,
А человек утрами ждал солнца...

Акобиров терпеливо ожидал встречи с Ибрагимбеком, а тот совещался с курбаши.

Мулло Зиё огласил письмо Алимхана, который обещал помочь, а пока предлагал держаться и воевать.

Ибрагимбек поднялся с места, отошел к дереву и, громко произнеся все титулы Алимхана, стал с ним «говорить». Он от имени всех курбаши обязался до конца 1924 года разгромить Красную Армию и делал вид, что повторяет слова Алимхана:

«Будут пушки, пулеметы, английские солдаты...»

Затем он предоставил слово Мулло Зиё для проповеди. Тот встал со своего места у дастархана и направился к Ибрагимбеку. Он видел и слышал, как курбаши, опустошив огромные блюда жареного мяса, раскатисто рыгали, свидетельствуя о великой сытости и удовлетворении угощением, произносили слова хвалы аллаху.

Мулло Знё, переждав, пока началось чаепнтне, начал проповедь: «Ангелы, созданные нз света, не нмеют пола н беспрекословно повинуются аллаху. Каждый человек нмеет двух ангелов-хранителей, которые запнсывают его хорошие и дурные стороны н поступкн. Ангелы-хранителн сменяют однн другого на утренней н вечерней зорях, таящнх нскушення. И если вы не будете смело сражаться за ислам — ангелы запишут этот грех. Не миновать вам ада.

Ведь здешняя жизнь только игра н мнмолетный сон. В рай попадает только тот, кто борется за нашу веру. Там правоверные мусульмане и их супругн в тенн возлежат на ложах. Для ннх там фрукты и все, что онн потребуют, там реки из воды не портящейся, н реки нз молока, вкус которого не меняется, н рекн нз вина, прнятного для пьющих, н реки нз меда очнщенного.

Грешнннкн — отступнннкн нслама, трусы пребудут н в самуме, и в клетке, н в тени черного дыма. Им прнготовлены цепн.

Каждый кусок лепешкн, всякнй грош,— тверднл Мулло Зиё,— употребленный на борьбу с неверными, открывает дверн рая. Еслн пролилась кровь в защиту этого святого дела, будешь шахидом-мучеником, и могнла твоя станет местом поклонения благочестнвых мусульман. Своим святым подвигом введешь в рай не только свою семью, но н родных».

Курбаши поклялись на коране, что выполнят любой прнказ Ибрагнмбека, не раздумывая пойдут в бой под его воднтельством.

— Повторяйте своим людям то, что говорил достопочтенный Мулло Знё, пусть его слова дойдут до ушей джнгнтов,— наставительно заключил Ибрагнмбек.

Всех курбаши он одарял халатами и личным оружнем, полученным с новым караваном от Алимхана.

Когда курбашн разошлись, имея план действий, на-

чальиик охраиы допустил Акобирова для доклада к Ибрагимбеку. Весь его вид, с постиым лицом, злыми глазами не сулил Акобирову иичего доброго. Разведчик еще не успел произиести и слова о Туяикуле, как услышал характериый лающий крик Ибрагимбека:

— Прочь, ишак!— И камчой вытяиул Акобирова по плечу.— Зиаю, скажешь иичего ие видел.

Раскалеииые угли его зрачков блесиули огием иеиависти и зверииого отчаяиия. О случившемся уже сообщил Ибрагимбеку одии из спасшихся басмачей.

— Это сделал проклятый Шариф из Мирзоболои.

Ибрагимбек тут же вызвал к себе курбаши Ислама и приказал:

— Чтобы следов от семьи Шарифа из Мирзоболои не осталось.

На краю обрыва в окружеиии охраиы Ибрагимбека сидел Мурадов. По обычаю ои рассказывал им очередиую версию о любовиых похождеиий Аёра. Прислушавшись, Ибрагимбек крикиул:

— Мирали, ко мие...

В пещере Ибрагимбек спросил Мурадова:

— Такого рассказа я от тебя еще ие слышал. Давайка перед сиом...

Мурадов, посмеиваясь, рассказал о бесстыжей дочери шаха, которая из-за своего иеобычайиого пристрастия к утехам любви все никак не могла выбрать жениха. И даже после первой брачной иочи была недовольна мужем, хотя тот обладал удивительными мужскими достоииствами.

Ибрагимбек требовал повторить самые «смачные» места...

Насладившись рассказом, крикиул:

— Марьям, сюда...

Это была седьмая жена Ибрагимбека. Она, пританцовывая, приблизилась к беку, вызывающе покачивая бедрами...

Через несколько дней ночью басмачи напали на родной кишлак Рахимова — Мирзоболои. Все жители погибли от пуль и сабель, сгорели в подожженных бандитами кибитках. Об этом стало известно Путовскому, и он, не медля, приехал в Яван, чтобы расследовать этот случай басмаческой мести и выразить сочувствие добровольцам. Из Явана в сопровождении трех бойцов он направился в Мирзоболои. В пути его из засады обстреляли и ранили басмачи. Подоспевшие добровольцы из отряда Рахимова положили Путовского на ковер и на руках принесли в Яван. Самолетом он был доставлен в Душанбе. Ранение оказалось не опасным, пуля прошила мышцу левой руки. Через десять дней Путовский уже приступил к исполнению своих служебных обязанностей.

В первую очередь Чеслава Антоновича интересовали дела хозяйственные, значение которых всё оттесняли порой на второй план дела военные. Путовский расспросил Максуда Иброна, как осушают болота в Регаре и Гиссаре, где он не раз бывал. Иброн ответил с горечью:

— Басмачи разогнали дехкан, вышедших на прокладку канала в Регаре.

— Распорядитесь, чтобы о хошарах ставили в известность начальников боерайонов и наших людей... Конечно, слух о таком сборе людей не пройдет мимо басмачей. Надо быть начеку, обеспечить надежную охрану. Мы только что получили сообщение о новом совещании в ставке Ибрагимбека. Он приказал усилить налеты. К нему поступил из Афганистана еще один караван с оружием. Ведь могут как-то пробираться... Не все лазейки перекрыты...

В канун сбора урожая население Восточной Бухары было освобождено от уплаты сельскохозяйственного налога, разоренные локайцы получили кредиты.

Из Советской России через Термез шли караваны с товарами. Ставка Ибрагимбека на недовольство населения Советской властью была бита.

В беседах с Максудом Иброном Путовский не раз возвращался к решениям VIII съезда Компартии Туркестана, состоявшегося в мае 1924 года.

В них указывалось на необходимость национального размежевания в Туркестане. Делегаты подчеркивали исключительную важность установления административного деления по национальному признаку.

«Мы сумели,— сообщалось тогда в «Правде»,— установить действительный межнациональный мир в таких, вчера колониальных, рабских, сотканных из разнородных национальностей районах страны, как Туркестан. ЦК поставил вопрос о национальном размежевании Туркестана. В Туркреспублике пять национальностей: узбеки, киргизы, туркмены, кара-киргизы и таджики. ЦК считает необходимым создать Узбекскую республику, примерно с центром в Самарканде. Эта республика должна объединить узбеков Туркестана, Бухары и Хорезма. Мы предполагаем сделать размежевание среди киргизов, выделение автономной области кара-киргизов, таджиков и создание Туркменской республики, которая, по нашим соображениям, должна объединить туркестанских и отчасти бухарских туркмен. Такое национальное размежевание под знамением единого Советского Союза обеспечит успех нашей национальной политике».

Большую роль в это время играли вопросы «смычки» города и деревни. В отношении политической смычки коммунисты Туркестана взяли курс на беднейшее дехканство. Рост товарных отношений в городе и деревне,

рост социально-классовых противоречий особенно требовали этого. Предстояла огромная работа по созданию крепких партячеек, массовой пропаганды, экономической помощи бедноте, политического объединения бедняцкого дехканства вокруг партии и Советской власти.

ЦК партии повел линию радикальной перестройки всего торгового и кооперативного аппарата. Особое внимание партия уделяла сельскохозяйственной кооперации.

«Крестьянское хозяйство Бухары,— писала «Правда» в номере от 12 июля 1924 года,— пережившее тяжелый кризис в связи с военной блокадой и революционной борьбой российского пролетариата, до сих пор не в состоянии восстановить свое материальное благополучие настолько, чтобы обеспечить себе самостоятельное существование.

Первейшим условием восстановления и расширения посевной площади было предоставление крестьянскому хозяйству нужного кредита́. Бухарское правительство пропустило этот момент. И вот в эту-то дыру прокрался бухарский кулак, постепенно захвативший в свои руки дехканство. Сначала осторожно и в небольших размерах он открыл дехканам краткосрочный на чудовищных процентах кредит. Успех первого года окрылил его, и уже в следующем году в эти операции были втянуты все обладатели денежных капиталов.

Необходимо начать борьбу с этим растущим кулацким засилием. Льготный, общедоступный, достаточно гибкий кредит — прежде всего, и все виды материальной помощи — потом. Но Бухарская республика самостоятельно не справится с этой огромной задачей, здесь необходима всесторонняя материальная помощь СССР».

И эта помощь молодой республике была предоставлена.

Путовский и Иброи подолгу беседовали о предстоящих выборах в местные Советы.

— Сейчас басмаческне агнтаторы говорят, что ревкомы — это дело русских,— рассуждал Путовскнй.— А пройдут выборы, образуется Таджикское советское правительство, у врагов будет выбнта почва для такой злостиой агитацнн. Ведь Советы будут состоять из представителей местных иациоиальиостей.

Коснулись вопроса о положении в Локае. Миого там узбекских племеи, среди ннх одна треть — безземельиые. И эти, угиетеииые баямн людн, идут все же в басмачи.

— Не зиают правду о Советах, Красной Армии, верят своим вождям и муллам,—сказал с сожалением в голосе Иброи.— Мулло Зиё одии чего стоит, а таких мулл у Ибрагимбека иемало.

— Если бы ие постояииая поддержка извие, с ним бы давио покоичили. Сами зиаете — шайки распадаются и снова возникают,— покачал головой Путовский.

Возиикает все больше хозяйствеииых вопросов, а их можно решить только с помощью Советов. На одной из таких встреч Максуд Иброн показал письмо Ибрагимбека в форме обращеиия к иаселеиию. И прокомментировал:

— Посмотрите, как заговорил разбойиик,— н передал письмо, с которым атамаи басмачества обращался к иаселенню Нурека и Туткаула:

«Вам мы даровалн всепрощенне, но вменнлн вам в обязаииость доставить нам сапогн, халаты, штаиы, рубахи, сытых лошадей с седлами, масла и деиег. До сих пор вами инчего ие доставлено. Если не виесете прнказаиое, то во все стороны разошлю отряды на головы ваши, чтобы с оружнем в руках заставнть вас собрать требуемые деньгн. И если не дадите и приказание мое не исполиите, то будете разграблены и убнты».

— Угрозы, и, надо сказать, ие пустые, ио времена ие те. Вы ведь знаете, каков был ответ. Добровольческие отряды побили басмачей,— улыбнулся Путовский.

Вернувшись от Максуда Иброна, который с июля 1924 года стал председателем постоянного Совещания по борьбе с басмачеством, Путовский на столе нашел свежие газеты и журналы. Ряд статей, сообщавших о близкой победе, ему не понравился. Он считал, что раио писать о близком разгроме басмачества. Оно еще сильио огромной внешней поддержкой. К этому времени, используя людей из окружения эмира, разведчики особого отдела получали много ценной информации. Через Мазари Шариф-Термез слал сведеиия Шахиазар. «Эмир часто встречается с англичанами, немцами, американцами и даже с японцами»— сообщали сводки. После каждого совещания приближенные Алимхаиа хвастливо сообщают о том, какая страна сколько и что дает эмиру для борьбы с Советами. Эмирская «почта» без перебоев доставляла в душанбинский караваи-сарай информацию Аллаёрова.

Путовского интересовал боевой опыт войны с басмачами, он внимательио прочел, делая выписки, статью В. Ионова «Конница на среднеазиатских театрах войны» в журнале «Красиая казарма» (№ 14, 1924 г.):

«Своеобразность местных условий,—писал автор,— невольно заставляет иас задуматься иад вопросом, какими качествами должна обладать конница, предназначенная для работы на средиеазиатских фронтах. Для пополнения такой коиницы ие годны бойцы, которые, так сказать... «спадают с лица», если ие получают ежедневно двух фунтов хлеба, щей с приправой, каши, чая, табаку и пр. Такие бойцы, не привыкшие к местному климату и обстаиовке в пустыиях, будут подвергаться солиечному удару, как только иссякнет последияя кап-

ля во фляжке, в других районах они поголовно будут болеть малярией, а в горах будут беспомощны из-за неумения и непривычки карабкаться по горам. Наконец, здесь негодны кавчасти, усвоившие себе привычку думать, будто кавалерист и его конь непременно должны отдыхать под крышей.

Для местной конницы нужны бойцы, для которых баранина, сваренная «без всего», является роскошью, а пара черствых лепешек, долго хранившихся за пазухой во время походов, да чашка сырой воды составляют повседневную пищу. Чапан для них в любую погоду заменяет и постель, и теплую избу. Нужны бойцы, которые в одиночку смело пускаются без сапог в 100-километровые переходы, по безводным пустыням, которые чутьем находят броды через быстрые горные реки, или сноровисто переплывают их на гуспарах и, не теряя времени, целыми днями лазают по скалам. Бойцы должны знать местные языки, обычаи, так как только при этом условии они найдут опору в населении, без чего действия конницы не будут иметь успеха».

— Старый солдат все правильно взвесил,—подумал Путовский. И на первой же встрече с новым комкором Иваном Федько познакомил того со статьей.

— Знаю его,— сказал комкор.—Он командовал Гиссарским экспедиционным корпусом. Когда-то служил в генштабе, настоящий патриот, образованный военный.

Путовский сообщил Федько о давно назначенной операции против Рахманадодхо. Она мыслится, как совместные действия чекистов, доброотрядов и кавалерийского подразделения. Разведку уже ведет Кундузой Ходжаназарова, и рассказал об этой смелой женщине.

— Побольше бы таких!— воскликнул Федько.

IV

Подвиг и гибель комбрига Н. Д. Томина. Подготовка к выборам. Угроза басмачей. Национально-территориальное размежевание.

Шншов не решался войти к Путовскому с докладом о трагнческой гнбелн 6 августа 1924 года комаиднра 6-й Алайской бригады Н. Д. Томниа. Оиа успешно, последовательно громнла басмачей иа юго-востоке Таджнкнстана. За три последннх месяца по особому отделу было нздано несколько прнказов с благодариостямн чекнстам брнгады за успешную работу.

В июне 1924 г., когда частн брнгады иаходнлнсь иа операцнях, Куляб окружнли басмачн. Все атаки врага отбнлн, а затем брнгада разгромила шайки Кура-артыка, Тугай-додхо, Барота и другнх. Опаснейшнй, дерзкнй курбашн Курн-Артык захвачен в плен. Это сделали разведчнки особого отдела брнгады. Часть курбаши все же бежала в Афгаинстаи.

Чтобы закрыть граннцу иа линин Хатыи — Рабат — Файзабад — Кала, 6-я Алайская бригада выделила часть своих войск. Надежнымн разведчнкамн в ее частях былн Умаркул Сандов, Мусо Курбаиов, Шахобнтднн Рахманов, Эшоикул Турсунов и миогие другне.

Услышав горькую весть о гибелн Томниа в бою, Путовскнй вскочнл со стула. Задыхаясь от неровиых, тяжкнх ударов сердца, с горечью пронзнес:

— Федько н я предупреждали его ие рваться самому в бой. Какая тяжелая утрата. Герой гражданской войны, человек беспредельной храбрости, изумнтельной энергни.

У Путовского губы дрожалн от волиеиня:

— Товарищ Шишов, пусть начальник особого отдела брнгады даст объяснение, почему ои допустил гнбель

комбрига. Ведь его прямая обязанность охранять командира.

Оглушенный горем, Путовский поговорил по телефону с Федько. Они решили направить командирам и бойцам бригады соболезнование.

— Незаменимая утрата,— сказал Путовский Шишову.—И мы с вами несем ответственность за эту потерю. Зная характер Томина, мы не предупредили трагедию.

Дуккур не ожидал такой печальной вести.

— Да, жаль,—выразил он искреннее сочувствие.— Громил японцев, белогвардейцев.

Помолчали... Дела напоминали о себе, и Путовский расспросил Дуккура, что дают разведданные о Мулло Зиё.

— Непримиримый антисоветчик,—ответил Дуккур.— Недавно читал проповедь в окружении Ибрагимбека.

Горы разнообразной работы навалились на плечи Путовского. Развертывались чекистские операции. Одну из них в Гиссарской долине вблизи Душанбе вел отряд Абдулло Ярмухамедова.

В особый отдел поступали тревожные вести о жестокости врага. Днем на берегу Вахша басмачи растерзали землемеров, в Бальджуане убиты дехкане, доставившие хлеб для воинской части, в Хаите разгромлен магазин. Обнаглевшие бандиты забирали последнюю скотину у бедняков, насиловали женщин, убивали тех, кто сочувствовал Советской власти.

Мир прошлого не хотел уходить без боя, надеясь осуществить далеко идущие замыслы, вернуть старое, яростно огрызался, нанося удары исподтишка и в открытых схватках.

В Рохаты басмачи выстрелом из-за угла ранили женщину, открывшую лицо. Женщина рванулась и вдруг встала как вкопанная, всплеснула руками, захлебнулась криком. Ноги у нее подкосились, она пошатнулась и

стала медленно оседать на серую пыль дороги. Закричали люди вокруг, посылая проклятья басмачам-убийцам...

Эта молодая таджичка бросила смелый вызов мракобесам, предписанному жестоким шариатом неравноправию. Как вестница новой жизни, проходила она, полная надежд, по улочкам родного кишлака. И здесь её настигла подлая пуля бандита...

Исход борьбы был ясен. Пришло время, когда земля стала гореть под ногами басмачей. Грозой басмачей стал отряд особого назначения во главе с гармским горцем Абдулло Ярмухамедовым. Отряд, состоящий из таджиков, русских, узбеков, татар, громил басмачей во многих районах Средней Азии. Прибыв в Душанбе и получив инструкции Путовского, чоновцы начали операции.

В Варзобском ущелье в далекие времена появился кишлак Чорбог, в переводе «Четыре сада». Когда-то здесь в бою с захватчиками-монголами погибли четыре героя-таджика. В память о них народ заложил сады. Позже здесь, в этом благодатном уголке, поселились дехкане, возникло селение, утопающее в зелени.

От Чорбога до Душанбе рукой подать. Но когда дехкане пытались доставить населению города продукты, то в пути на них нападали басмачи и все отбирали. Узнав, что в Душанбе прибыл отряд Абдулло Ярмухамедова, чорбогцы сразу же послали к нему своих представителей, попросили командира помочь им доставить душанбинцам мясо, овощи, фрукты.

Близилась осень. Завершались основные полевые работы. На склонах гор, возле токов золотились стога скошенного хлеба, шла молотьба. На хирманах земледельцы раскладывали снопы пшеницы и гоняли по ним быков, лошадей, ослов. Животные измельчали стебли, разминали колосья; широкими деревянными лопатками дех-

кане подбрасывалн в воздух размельченную массу. Вечерний ветер относнл саман, на землю падало чистое полновесное зерно. Многне дехкане впервые работалн на своей земле. Её дала нм бесплатно Советская власть. И каждый из ннх думал: «Это мой хлеб», «урожай с моей землн». Сбылась вековая мечта бедняков. А басмачи хотят опять все повернуть по-старому... Не быть этому!

Под вечер в кншлак Чорбог с тремя молодыми таджнкамн приехал Абдулло-командир. Гостн былн одеты в обычные халаты, подпоясанные вышнтыми платками. На головах тюбетейкн, обмотанные серымн чалмамн. Ннкто не мог и подумать, что это храбрецы, наводящне страх на басмачей. И только когда бойцы отряда спешилнсь возле кншлачной мечети, можно было разглядеть, что у каждого под халатом спрятано оружне нностранного производства, добытое в ожесточенных боях с басмачамн.

Собранне вакилей — старшин несколькнх варзобскнх кншлаков было посвящено главному вопросу: как быстрее подвезтн в Душанбе продукты.

— Отцы! — обратнлся к собравшнмся Абдулло-командир, невысокнй, коренастый, с волевым мужественным лицом, человек.—Мы очень благодарны за то, что вы хотнте помочь нашим бойцам и населенню Душанбе. К нам ндет пополненне, и нам надо много продуктов... За них заплатнт Советская власть. Бесплатно нам ннчего не надо.

— Отдаднм последнее, только нзбавьте нас от басмачей,—от нменн собравшнхся сказал молодой человек с широковатым открытым лбом и чернымн блестящнмн глазамн. Все зналн н уважалн этого юношу—Тешу Рнзоева, бедного дехканина нз кишлака Аракчнн, что расположнлся на южном склоне Гнссарского хребта.

— Правильно! — поддержали юношу старики.

— За тем мы и приехали, чтобы вместе с вами прогнать басмачей. Народ — огромная сила. Он может все сделать.

— У нас нет оружия,— ответил за всех Теша Ризоев,— а у басмачей много винтовок, пистолетов, патронов.

— И вам дадим все, но надо создать добровольческий отряд.

Задушевная беседа Абдулло со старейшинами и бедняцким активом продолжалась долго. Командир рассказал про обстановку в Средней Азии и Таджикистане, призвал дехкан скорее сокрушить остатки врагов.

— Большие силы басмачей разбиты, но и мелкие шайки опасны, мешают нам спокойно жить, работать,— сказал вакиль кишлака в заключение.

— Давайте сделаем так,— предложил командир,— надо, чтобы о басмачах знали все, где они находятся, куда передвигаются, кто им дает продукты, кто шлет оружие и подковывает коней.

И Теша Ризоев сказал:

— Вы будете знать все!

В глухих ущельях Гиссарского хребта скрывались шайки басмачей. Они ночами налетали на кишлаки, прячась во мгле, как кровожадные звери. Воинским частям, боровшимся с басмачами, нужно было всюду иметь надежных людей, чтобы получать информацию о продвижении вражеских шаек и их базах.

Ярмухамедов искал и находил добровольцев, которые помогали его отряду успешно бить врагов. Опираясь на этих людей, его отряд разбил несколько шаек басмачей.

Ярмухамедову понравился Теша Ризоев, и командир отряда, как бы мимоходом, стал выяснять, кто этот юноша в старом, много раз чиненном халате, в сыромят-

ных башмаках-муках из невыделанной козьей кожи, внимательно слушавший его речь. Вакиль кишлака Аракчин позднее рассказал:

— Тешу я позвал сегодня на совещание не случайно, он наш человек. Рабочий. Он строил дороги. Сейчас живет в кишлаке. Старая кибитка да голодная собака — все его имущество. Отец давно умер, и ему приходится кормить двух сестер, брата и мать. Очень бедно живет семья. А человек он надежный.

Абдулло узнал, что в 1921-22 годах в самых глухих горных селениях южного склона Гиссарского хребта стояли небольшие воинские гарнизоны. И тогда Теша Ризоев тайно, с риском для жизни, доставлял красноармейцам осажденного Душанбе продовольствие. Ему приходилось проводить вьючных ослов по опасным нехоженным тропам. Сколько ни старались басмачи выяснить, кто же снабжает русских бойцов продуктами, так и не выяснили...

— Тем, кто из вас очень бедно живет, поможем,— сказал Ярмухамедов.— Наша власть еще не богата, но хочет и может облегчить жизнь бедняков. И она это сделает!

На прощанье Абдулло-командир шепнул доверительно Теше Ризоеву:

— Завтра к вечеру приходи ко мне.

Абдулло-командир уехал, а люди все не расходились. Они делились своими впечатлениями о первой встрече с прославленным воином. О нем много слышали. А теперь его и увидели.

Пожилой дехканин сказал:

— Видно, он нам земляк, да и речь у него наша...

Его перебил старик с бородой, напоминавшей широкую лопату:

— Он же из Қаратегина... Там есть кишлак Қаинишбек... Земли мало, зато камней сколько хочешь... Его

отец на чужбине умер, говорят, рабочим на хлопковом заводе был. Земляк наш...

Теша Ризоев добавил:

— А самое главное — правду он говорил. Эта правда у меня в сердце осталась.

Собрание актива решило послать нескольких молодых горцев-дехкан в помощь отряду Ярмухамедова.

Теша Ризоев два дня был гостем Абдулло-командира. Из Душанбе Теша Ризоев возвратился радостный. По дороге домой он весело напевал, может быть, впервые в жизни. До сих пор ему, бедняку, нечему было радоваться. А сейчас он ехал на своей собственной лошади и весело подгонял крепкого рабочего ишака, такого, на каких ездят только богатые ишаны. Теша вспомнил свой разговор с Ярмухамедовым.

— Мне нечем платить за лошадь, за осла, за вола,— сказал Теша.

— И не надо,—ответил Абдулло-командир.

— Как не надо? Бесплатно никогда ничего не дают...

— И твой отец, и ты, брат, всю жизнь работали на баев за жалкие гроши... Народное государство вам возвращает часть того, что вы заработали.

Ярмухамедов попросил Тешу собрать в кишлаке Аракчин надежных людей и предупредил, что он сам приедет через неделю поговорить с ними.

В условленное время Абдулло Ярмухамедов приехал в родной кишлак Теши Ризоева — Аракчин. Здесь жил и сочинял песни Раби — замечательный народный поэт. В своих песнях он обличал баев и их сообщников — басмачей, бывших эмирских чиновников, славил Советскую власть. Песни поэта Раби согревали сердца дехкан. А сейчас все готовились к приезду дорогих гостей. Все, чем были богаты дехкане, положили на дастархан, разостланный в мечети, которая стала местом собраний.

Раби запел для гостей. А Абдулло сказал горячо:

— Эти народные песни сильны, как воины! Они ведут вперед бойцов. Эти песни — наши соратники.

Раби был обрадован, польщен похвалой...

— У каждого свое оружие,— ответил смущенно.

Абдулло-командир сидел на кошме в кругу дехкан, говорил о том, как важна всенародная борьба с басмачами, о том, как враги стремятся обмануть трудящихся. Их цель—снова вернуть старые порядки. Ведь среди басмачей большинство баев, чиновников и их сыновей... Лишь очень немногие обманутые бедняки примкнули к басмачам.

Абдулло рассказал о себе, о том, как воюет, о своих товарищах.

Беседа становилась все непринужденней. Дехкане говорили о своих нуждах. Главное сводилось к одному: нет житья от басмачей... Надо с ними как можно скорее покончить.

— За этим я и приехал,— ответил Абдулло-командир.—Мы вместе с вами быстро разобьем басмачей. Но никто не принесет нам победу, как готовый плов на блюде. Победу надо завоевывать. Создадим небольшой добровольческий отряд.

Горцы сразу согласились. Они были уже готовы к этому. Ведь Теша был хорошим агитатором и организатором. Ему помогал хафиз Раби.

В честь гостя Раби сочинил стихи, которые тут же спел под аккомпанемент дутара.

Хафиз передал дутар гостю:

— Все горцы — поэты и музыканты. Вы, наверное, тоже?

Абдулло улыбнулся и ответил:

— Я — сын своего народа.

Он взял дутар и стал подбирать мотив для песни. И вот полились мелодичные «чужбинные» рубаи. Те, которые пели горцы, находившиеся на заработках вдали

от родины. По содержанию песен, манере исполнения видно было, что командир доброотряда хорошо знал песни горных таджиков.

Несчастный тот, кого поит чужой родник,
Кто в дальний путь ушел — от родины отвык,
В своей родной стране старик столетний молод,
А на земле чужой и юноша старик.

Строка за строкой, четверостишие за четверостишием... Они по душе горцам. А самое главное, что их поет Абдулло-командир, о котором муллы говорят, что это шайтан, что он не знает ни родного языка, ни старых обычаев.

Эй, бай-богачи, эй, байские сыны,
Бедняк я, из-за вас страдаю без вины.
Я ждал, что вы дадите мне рубаху,
Но сняли вы с меня последние штаны...

Горцы возгласами одобрили пение и игру гостя. Абдулло-командир поведал о том, что его отец каратегинец, умер на чужбине в Фергане, что там он лишился и любимой матери. Сам он в молодые годы работал на заводах в Ферганской долине, где научился русскому языку. В 1916 году его вместо сына Мусабая-богача направили на тыловые работы. Тогда он впервые узнал о Ленине, о партии большевиков — защитнице трудового народа.

Вместе с другими тыловиками Абдулло участвовал в революции в Ташкенте, во взятии Бухары, в разгроме «Кокандской автономии». Затем воевал с басмачами в Ферганской долине, был коноводом у Михаила Васильевича Фрунзе. Знаменитый полководец уважал Абдулло, часто беседовал с ним, расспрашивал о настроении народа. В боях с врагами Абдулло ранили. Залечил раны — и снова в бой...

Тепло прощались со своим другом дехкане, и вскоре днем, открыто из кишлака Варзоб потянулись лошади и ишаки, груженые хлебом, овощами, фруктами. Дехкане гнали к городу овец и коз... Впереди этой колонны ехали вооруженные доброотрядцы. Колонну замыкали они же. Басмачи, наверняка, видели эту внушительную процессию, но не осмелились напасть на вооруженных дехкан.

В кишлаке Аракчин был тоже создан отряд. Теше Ризоеву, возглавившему своих односельчан воину, часто приходилось встречаться с Абдулло-командиром. По его заданию Теша Ризоев стремился изнутри разложить басмаческие шайки, обойтись без кровопролития.

— Надо искать людей, случайно попавших в банду,— наставлял Абдулло-командир своего молодого друга.— Призывать их бросить оружие...

Абдулло-командир поручил Ризоеву вызволить из шайки дехканина Алима Хайруллаева, которого силой увели басмачи. Он понимал, что слух об этом разнесется по всем кишлакам, и это может послужить хорошим примером для других, таких же обманутых басмачами людей.

— Хайруллаев знает повадки шайки и будет нам очень полезен,— закончил беседу Ярмухамедов.

Теша Ризоев выполнил поручение командира. Через муллу он передал Алиму, чтобы тот пришел в отряд с оружием.

— Его не тронем,— заверил он муллу.

И тот поверил Теше. Через несколько дней Хайруллаев пришел в родной кишлак. Ризоев уговорил его немедля ехать к Ярмухамедову.

— Я ручаюсь, что все будет хорошо... Он сказал: «все простят».

Теша Ризоев с сыном муллы в полночь приехали в Душанбе к Абдулло-командиру, который только что

вернулся домой и прилег отдохнуть. Узнав, что Ризоев привел Хайруллаева, Ярмухамедов сказал:

— Очень устал... Даже говорить не хочу... Вот койки, ложитесь спать, утром все решим...

После завтрака Ярмухамедов пошел с Хайруллаевым в ГПУ. Там они пробыли несколько часов. В полдень Хайруллаев вернулся на хорошей лошади, с новым оружием, сияющий и крикнул:

— Теша, поехали скорее в кишлак!

По дороге Хайруллаев объяснил:

— Я знаю, где басмачи скрываются. Возьмем их в плен.

Ярмухамедов, который хорошо разбирался в людях, не ошибся в Хайруллаеве. И он честно служил родине, немало людей, обманутых басмачами, привлек в отряд самообороны.

Каждый день из горных кишлаков Варзоба дехкане возили продукты в Душанбе. Басмачи не осмеливались нападать на обозы, но они продолжали причинять народу много бед.

...В кишлаке Тайкора схватили молодого активиста и отрубили ему руки. Вскоре здесь были убиты несколько советских работников.

Доброотрядцы из Аракчина и других селений, под командованием Ярмухамедова, выехали на операцию. По горным тропам бойцы пробирались через скалистые ущелья. Вел отряд Хайруллаев. Он подошел с отрядом скрытно к ореховой роще, где как он знал, скрывались враги. Здесь басмачей захватили врасплох. Потеряв в бою несколько человек, басмачи отступили, но заняли выгодную позицию.

Абдулло задумался: напрямик нельзя идти, всех перебьют. Но тут же понял и слабость вражеской позиции. Басмачам некуда деться. Выход из ущелья закрыт бойцами, а с трех сторон — отвесные скалы...

Ярмухамедов крикнул:

— Сдавайтесь! Оружне на землю! Всех отпустнм домой...

В ущелье тишнна... Лишь эхо прнзыва несется над горами. Но вот из-за камня подинмается первый басмач. Ои идет вперед с подиятыми руками. Напряжеиная тншииа—и вдруг выстрел... Глава шайки—курбаши убил своего воииа.

Ярмухамедов сиова призывает басмачей сложить оружне:

— Вас много... Заставьте курбашн сдаться, ииаче он перестреляет вас. Вы зиаете, иа что он способен...

— Ты кто такой?— яростио кричит курбашн.

— Абдулло-комаидир,— отвечает Ярмухамедов.

Басмаческий вожак растерялся. Ои ие верит, что это сам Абдулло-комаидир.

— Врешь...

Наступает тншнна...

Солице клоиится к вечеру. Дальше отряду ждать иельзя. Ночью басмачи могут уйтн. Ярмухамедов еще раз крикиул:

— Сдавайтесь... Я — Абдулло-комаиднр.

Ои смело взобрался на огромиый камеиь, чтобы басмачи его виделн.

Смельчак стоит во весь рост. В папахе, красиых галифе. Врагн узиалн его, растерялись... Да, это ои, Абдулло-комаидир. Одии за другим иачалн сдаваться басмачи. Несколько человек подтолкиули связаниого курбаши...

...Кишлак Джиргниак. Шайка мулло Ниеза после иалета расположилась иа отдых. Басмачн думают, что оии в безопасности. Кто может догадаться, что они здесь? Ведь миого раз оин, убегая от преследователей, меиялн иаправлеиия. Басмачам иевдомек, что еще когда онн

только подъезжали к кишлаку, к Ярмухамедову с сообщением поскакал боец доброотряда...

Темиая иочь. Кишлак спит. Дремлют басмаческие часовые. Тихо крадутся к ним доброотрядцы. Бесшумно сията охраиа. Теперь можио действовать. Басмачи ие ожидали стремительного удара. Баида рассеяиа, миогие сдались в плен.

А иа следующую иочь сиова бой.

На совещаиии сотрудииков особого отдела корпуса Абдулло Ярмухамедов сделал сообщеиие о своих операциях. Путовский иазвал их мастерскими и иаградил имеиными часами комаидира отряда.

...Начальиик особкора ие успевал все сделать за деиь. Каждое событие, доиесеиие говорило иа своем коротком, почти телеграфиом языке о врагах жестоких, упориых, изворотливых. На этот раз после обсуждения доклада Ярмухамедова ои читал сообщеиия Аллоерова, который под видом торговца из Кагаиа доставлял Тугайбеку, а иередко и в Кабул эмиру доиесеиия о положеиии дел в Бухаре. Это были письма-дезииформации, составлеиные Шишовым вместе с Путовским. От Аллоерова поступило сообщеиие, что младобухарец Бердиев слишком уж сблизился с людьми из эмирского окружеиия. У Путовского возиикло подозреиие, что тот перевербован. Началась сложиейшая работа по перепроверке его сводок. Оказалось, что Бердыев ведет двойиую игру. Решеио было продолжать «игру» и даже посылать ему деиьги.

— Не басмачи и эмир закончат с иами войиу, а мы их полностью разгромим,— сказал Путовский Шишову.— Это наша геиеральная лииия.

— Туговато врагу приходится. Вот Тугайбек пишет Алимхаиу: «В ближайшее время будет свергнуто правительство большевиков и богоотступников джидидов. Дорогой, проявите усердие, иапишите письма родствеи-

никам, проживающим в Гиссаре и в других местах, дайте им благие обещаиия, что сила у иас большая.

Пишите письма племеиным вождям мангытов, кунградов, узбеков и таджиков, проживающих в окрестностях Карши и Гузара. Пусть они тоже что-либо предпринимают. В любом случае пишите так, чтобы они не прятались в горах, а нападали...»

...С начала 1924 года предварительное обсуждение вопроса о национально-государственном размежевании проводилось на различных собраниях и конференциях трудящихся Ташкента, Бухары, Самарканда, Ходжента, Ура-Тюбе и других районов Средней Азии.

Тысячи трудящихся всех национальностей, хорошо понимая значение предстоящего национально-государственного размежевания, на собраииях, конференциях горячо откликались на него многочисленными приветственными резолюциями.

15 сеитября 1924 года Чрезвычайная сессия Туркестанского ЦИК рассмотрела вопрос о национально-территориальном размежевании и своим решением предоставила право образовать свои независимые республики узбекскому и туркменскому иародам, что касается таджикского народа, то ему тогда предоставили право образовать Таджикскую автономную область в составе Узбекской ССР.

Таджикский Ревком получил миогочислениые приветствия и в свою очередь послал много поздравительиых телеграмм. В одной из телеграмм от имени таджикского народа сказано: «От имени трудящихся таджиков горячо благодарим за приветствие. Мы надеемся, что при дружном стремлении всех родственных народов Востока к освобождению наступит полное раскрепощеиие трудящихся от вековых угнетателей — империалистов. Мы здесь, на границе с Афганистаном, стоя на

страже интересов Союза ССР, клянемся до конца выполнить заветы Ленина...».

— Огромное историческое значение национально-государственного размежевания заключается прежде всего в том, что оно стало важным шагом в борьбе партии за социалистическое преобразование среднеазиатских республик,— сказал Путовский на собрании особого отдела по случаю этого события.—Руководствуясь марксистско-ленинской теорией, партия окончательно разрешила сложнейшую проблему, которая веками волновала народы Средней Азии — проблему взаимоотношений между нациями. И в это благородное дело внесли свой вклад чекисты.

Знакомя Шишова с первым вариантом доклада I съезде Советов Восточной Бухары, Путовский сказа что против образования республик возражают пантюркисты. И он с возмущением показал ему текст статьи, которую готовил к печати журнал «Туркестан». Статья называлась «В стране таджиков». В ней говорилось, например:

«Желание употребить этот язык (таджикский) означает, во-первых, стремление отделиться от жизни, потому что жизнь и течение истории против него; во-вторых, факт принятия его означает принятие не полезного, а бесполезного, лишнего языка, а поэтому таджикам необходимо просто-напросто немедленно перейти на узбекский и не придерживаться особого таджикского языка, т. к. ходом социального развития уже решена их судьба».

— Подумать только,— возмущенно сказал Чеслав Антонович,—одним росчерком пера эти люди готовы решать судьбу целого народа, истоки которого уходят своими корнями в седую древность. Какое тупоумие, смешанное с наглостью! Вот где таится опасность — в подобных настроениях и желаниях. Но партия показы-

вает сейчас на практике всю правильность ленинской национальной политики, основу которой составляет прежде всего уважение к любому, пусть даже малочисленному народу.

V

Разоблачение Бердыева. Шайки идут из Афганистана. Мурадов информирует. Отряд Рахимова разбил Ильбаши. Против чего возражает Путовский. Экономика—важная забота чекистов. Первомай в Яване.

Вечер. Притих Душанбе. С крыши мечети слышен гнусавый голос муллы, призывающий верующих к последней молитве.

Шишов застал Путовского за уточнением отдельных мест доклада на I съезде Советов Таджикистана. Начальник особкора поделился с помощниками своими планами.

— Хочу сделать выступление пропагандистским. За рубежом кричат: это русские сделали революцию в Туркестане. Она мусульманам не нужна, Мы же с вами знаем, кто громит басмачей, кто ведет разведку здесь и за рубежом. Это, прежде всего, сами таджики, узбеки, туркмены.

Шишов сообщил, что Бердыев, тот, которого из Қагана направили в Қабул, окончательно разоблачен — он работает на эмира. Ничего себе, младобухарец! Шахназар действует четко через кабульский магазин алачи и шлет точную информацию. Он сообщает: «Сейчас главная забота зарубежной контрреволюции — помешать образованию Таджикской советской республики, объявить ее ненужной выдумкой русских».

Шишов продолжал:

— Мурадов сообщил, что Мулло Зиё отказался писать обращение с призывом Ибрагимбека продолжать войну. Правда, недавно на совещании курбаши он снова призывал их на борьбу. Его заставил сам атаман басмачей.

— А как локайские дела?

— Как вам известно, в нынешнем году Локай и Сурхан — главные зоны действия басмачества. В феврале Ибрагимбек прорвался к Хуррамбеку в Бабатаг. К нему присоединились возвратившиеся из Афганистана шайки Темура-токсабо, Тугайсары, Утанбека и других. Тогда же помощь получил и Рахмандодхо.

Подтвердились все сообщения Шахназара, а вот Бердыев нас пытался дезинформировать, сообщив о приходе только Тугайсары, да и то с опозданием на месяц.

Но того, чтобы представить себе, что произошло в Локае в начале года, надо вернуться к засушливой весне, когда потрескавшаяся земля не давала всходов. Все беды басмаческие агитаторы сваливали на Красную Армию, ревкомы, новую власть, которых как они говорили, «вместе с народом покарал аллах».

Народ понимал, что все беды идут от Ибрагимбека. Тогда возникла песня против шаек, где были и такие строки:

Зерно мы собрали —
Его не оставили нам басмачи.
Горе, несчастье и слезы
Оставили нам басмачи.

Из Локайского боевого участка ушла отдельная Туркестанская кавалерийская бригада, которая нанесла басмачам большой урон. Ибрагимбек снова укрылся в горах Сарсаряка с прибывшими к нему из-за рубежа эмиссарами английской разведки. С ними обсуждал он

планы действий, снабжения оружием, деньгами и то, что будет после победы.

Мирали Мурадов через связного сообщил об этом в особый отдел корпуса. Суть переговоров излагалась в донесениях, переданных Аллаёровым через термезскую линию связных. Все, о чем говорилось с Ибрагимбеком, докладывалось Алимхану. В окружении его также обсуждались очередные планы басмачества.

Партийные, советские организации и Реввоенсовет корпуса принимали меры борьбы с шайками, действовавшими скрыто. Шла большая организаторская работа по вовлечению населения в активную борьбу. Проводилась земельная реформа, налаживались полевые работы. Особые отделы армейских частей, участвуя во всех политических и хозяйственных мероприятиях, вели поиск пособников басмачей.

Воинские части в Локае после ухода отдельной Туркестанской кавалерийской бригады значительно были ослаблены. Бригаду заменил 65-й кавполк, имевший лишь 115 кавалеристов на лошадях.

Шариф Рахимов с помощью своего разведчика Акобирова, бежавшего от Ибрагимбека, узнал, что шайка Ильбаши заночевала в кишлаке Найзабулак, недалеко от Явана. Подразделения 65-го кавполка тихо подошли к кишлаку и обрушились на басмачей, 70 из них полегло. Бежавших басмачей преследовал добровольческий отряд Рахимова. Шайка Ильбаши перестала существовать.

Хорошо налаженная разведка помогла войскам неполного состава маневрировать и бить шайки по одиночке.

После разгрома шайки Туянкула, к имени Шарифа Рахимова стали добавлять — Мулло-просвещенный. Теперь уже Мулло Шарифу Рахимову через своих людей стало известно, что Ибрагимбек намерен объединить

шайки Асадулы, Игамберды, Рахмана-дотхо. Для встречи он избрал Арал-Тугай — огромный остров на правобережье Вахша.

Получив эти сведения, Шишов немедленно явился к Путовскому. Сличив данные с теми, что были получены от Шахназара о планах активизации басмаческих шаек, изучив по карте всевозможные маршруты передвижения шаек, Путовский пришел к выводу:

— Ибрагимбек после того, как муллы Локая стали выражать несогласие с ним, решил их проучить силой, а население убедить, что он еще силен. Вспомните, на совещании курбашей Ибрагимбек говорил:

«Я пытался вовлечь в борьбу с Советской властью всех локайцев, однако они за мною не пошли, локайцы стали кафирами».

— Можно с уверенностью предположить, что шайки будут осторожно подтягиваться к Вахшу,—с тревогой в голосе согласился Шишов.—Враг из прошлогодних поражений сделал вывод. На переправе у Чубека задержан караван с оружием, 20 верблюдов везли винтовки, пулеметы и патроны. С трудом выяснили — караван шел в Локай. У Дангары караван должны были принять представители Ибрагимбека.

Шишов тут же написал справку командиру корпуса. С нею Путовский отправился к Федько. Знакомя его со сводками разведданных, показал на карте возможные варианты передвижения шаек, к этому добавил, что они, как правило, крупные, хорошо вооружены.

— Цвет басмачества,— заметил Путовский.— У них за спиной все мосты сожжены. Будут воевать до последнего...

Федько рассказал, что и войсковая разведка также отмечает передвижение шаек.

— Пошлем в помощь 47-й кавполк... Каждую шайку постараемся бить на марше.

Федько тут же вызвал начальника штаба, продиктовал приказ: на путях продвижения каждой шайки поставить заслон из кавалерийских подразделений.

— А мы командируем Маевского,— сообщил Путовский,— пусть координирует действия чекистов на месте, действуйте по обстановке.

...На шайку Асадуллы красные кавалеристы нарвались рано утром, на дороге из ущелья у Оби-Кинка. По замыкающим колонну басмачам хлестнул ручной пулемет. Банда смешалась, сбилась, ей некуда было рассеяться — справа — крутая гора, слева — глубокий овраг. После нескольких пулеметных очередей бойцы пошли в конную атаку.

Шайку Рахмана-дотхо 65-й кавполк перехватил на переправе через Кафирниган. Как только она начала форсирование реки, по ней из зарослей камыша ударили пулеметы. Возвращаться нельзя — огонь, выходить на противоположный берег — тоже огонь...

Только шайка, в которой находился Игамберды, ушла из-под удара. Ее предупредил кто-то из лазутчиков, и она не стала переправляться через Вахш на остров Арал-тугай.

Узнав о марше красноармейских частей к острову, Ибрагимбек ушел в Дангаринское ущелье.

Через неделю Маевский докладывал Путовскому.

— Шайки так разбежались, что мы потеряли их след. Наши разведчики пока не сообщают, где находятся басмачи.

Вызвав Шишова, Путовский сказал;

— Главная задача — установить связь с нашими разведчиками в разбежавшихся шайках. Надо выяснить планы Ибрагимбека. Население отвернулось от басмачей, рвет с ними связи, но еще сильны племенные, родовые, родственные отношения.

Шишов доложил, что делегация из представителей

дехкан, мулл и влиятельных лиц Яваиа отправилась иа встречу с Ибрагимбеком, иамереваясь склонить его к сдаче.

— Едва ли иадо это делать,— заметил Путовский.— Все предложения таких делегаций ои отвергает.

Покрутив ручку полевого телефона, ои попросил соедиинить его с комкором.

— Вы зиаете о локайской делегации к Ибрагимбеку?

— Зиаю, разрешили сверху...

— Напрасно... С Ибрагимбеком иикаких переговоров — только сдача...

— И я ие верю в успех переговоров... С Аитоновым и Махио тоже вели переговоры, а оии, делая вид, что заинтересоваиы в иих, получали передышку,— ответил Федько.

— Я был против,— возмутился Путовский,—хотя меня уговаривали согласиться иекоторые работники.

— Я ие буду вмешиваться до завершеиия встречи,— поделился своим плаиом Федько.—А потом по Ибрагимбеку ударят эскадроиы Локайского боевого участка.

— Правильио. Наш разведчик сообщил: Ибрагимбек будет затягивать переговоры, ставить иеприемлимые условия...

— Согласен,— ответил Федько.— Мы ждать будем иедолго.

VI

Доклады Шишова. Басмачи совещаются. На волоске от гибели. Новая тактика басмачей. Перехитрили Ибрагимбека.

Вернувшись в отдел с заседания ревкома поздио вечером, Путовский увидел во дворе нетерпеливо прохаживающегося Шишова.

— Жду, очень жду,— сказал он Путовскому.—Уйма новостей.

— Чуточку потерпите. Смою пыль.

В кабинете Шишов стал докладывать:

— Эмир перебрасывает из-за рубежа шайки хорошо подготовленных джигитов с пулеметами. Недалеко от Каратага состоялось совещание курбаши, включая прибывших из Афганистана — это сообщает Мурадов.

— Его сведения сходятся с информацией из Кабула,— заметил Путовский.—Имея эти данные, 65-й кавполк ударил по басмачам. Басмачи упорно дрались, убиты родной брат Ибрагимбека Исхак и курбаши Субханкул.

Шишов несколько монотонно продолжал доклад.

— Абдуллобий форсировал Вахш у Чортута и соединился с Болта Кавказом. В его шайке 120 басмачей. Как только они стали продвигаться к Нуреку, попали под наши пулеметы. Убит Абдуллобий, тот, что держал в страхе население Кулябской долины.

В глухом кишлаке Каршитау снова состоялось совещание главарей шаек. Ибрагимбек ругал курбаши за то, что научились хорошо бегать от красных, а воевать не умеют.

В это же время Ибрагимбеку сообщили, что наш взвод везет деньги из Дагана-киика в Шуриан. Ибрагимбек тут же отправил шайку на перехват. Они убили охрану, захватив 15 тысяч таньга.

Отряд 48-го полка и добровольческие отряды Шарифа Рахимова и карлюков ударили по Ибрагимбеку в районе Арык-тау. Убито 85 джигитов. После этого Ибрагимбек распределил басмачей на мелкие шайки, приказав не вступать в бои, а нарушать связь, нападать на небольшие группы красноармейцев.

— Кто сообщил?

— Мирали Мурадов...

— Герой! Как говорят на Востоке, жизнь его как слеза на реснице может оборваться в каждый миг, а он делает свое дело, рискует во имя высоких целей.

— Он в охране... заменяет убитого Сакиза-курбаши. Связной рассказал, что во время игры в кости один из басмачей — Раджаб — после проигрыша стал задираться с Мурадовым, кричал: «Ты во сне по-русски говорил, не отдашь деньги — скажу Ибрагимбеку». А Мурадов отвечал:

— Мне русские во сне приснились, может, и говорил что-то. Я их столько перебил, что тебе и не сосчитать. Это хорошо знает наш господин. А если нужны деньги— на, возьми!

Рассказ этот встревожил Путовского. Он сказал Шишову:

— К Ибрагимбеку надо внедрить еще несколько разведчиков, но с явкой не к Шакирову, а на вторую конспиративную квартиру. Мурадову дать вторую связь через бывшего басмача.

— Хорошо,—ответил Шишов.—Для этого есть подготовленные люди.

— Хитер и неглуп наш противник — Ибрагимбек.— Сколько его шаек побили, сколько раз попадал под наши удары, терял джигитов. И все же он продолжает свои злодеяния. Хорошо приспособился к обстановке, умело маневрирует, то распускает, то снова собирает шайки в один кулак. Но конец его близок, потому что народ понял подлые цели басмачей. Главное, нет у него опоры в народе. И это предвещает ему гибель. Поэтому наряду с военными операциями, надо расширять разъяснительную работу,— заключил обсуждение дел Путовский.

...После небольшого затишья, 6 сентября 1924 года, в глухом кишлаке на острове Арал-Тугай Ибрагимбек снова собрал тайное совещание курбашей с представи-

телем эмира. Наша разведка об этом узнала с опозданием.

Небольшой кишлак укрывали густые заросли камыша, в которых притаилась охрана из 150 джигитов, образовавших два кольца — ближнее и дальнее.

Для совещания установлена большая юрта, застеленная коврами и белыми кошмами.

Вдоль стены юрты разложены стеганные одеяла — курпачи. От дверей, занимая почти все пространство, разостлан дастархан — лепешки, жареное мясо, накрошенные ломтики редьки, кислое молоко в косах, ходят по кругу пиалки с зеленым чаем.

Среди обслуживающих сборище — наш старый знакомый Мурадов. Ибрагимбек приблизил его к себе, решив, что он настоящий, фанатичный «гази», готовый отдать за таксира свою жизнь.

Незадолго до этого начальник охраны ставки Ибрагимбека отправил Мурадова с Раджабом в разведку к Вахшу. Они карабкались по каменистым тропкам, над обрывами. Мурадов понимал, что Раджаб временно затаился и снова будет угрожать. На краю пропасти, у самого Вахша, где вскипал мутный, бьющий в берега поток, Мурадов сказал:

— Дай насу, а то что-то устал, передохнем...

Раджаб, шедший впереди, задержался, стал искать в кармане широких шаровар высушенную тыквочку — наскаду с табаком. И в этот момент получил удар в челюсть. Не удержавшись на ногах, он с криком полетел в реку.

Мурадов вернулся в штаб Ибрагимбека, сообщил:

— Нас преследовали кафиры. Раджаб сорвался с горы, упал в реку... Я отстреливался, убил троих и ушел...

Так он избавился от опасного врага.

Сейчас Мурадов старался изо всех сил, подносил,

уносил, подливал чай, словом, вел себя так, чтобы подольше не выходить из палатки, где обсуждались планы басмачей. И все время у Мурадова из головы не выходили события месячной давности, когда он, спасая себя, убил басмача.

Присутствовавший на совещании Рахман-дотхо, ощерив в злой усмешке зубы, говорил:

— Страх — дело нужное, но мы воюем с обученной армией. Сейчас с нами сражаются новые красноармейцы, а не закаленные вояки Якуба-тюры, они еще не обстреляны. Мы это должны использовать — не спеша тянул речь Ибрагимбек.—Кроме того, надо научиться задабривать население. Захватывайте хлеб, ткани, другие товары, раздайте населению хоть что-то, не жадничайте. Это привлечет к нам сердца колеблющихся.

Курбаши Furбоджан, взглянув на Рахмана-дотхо блуждающим сердитым взглядом, подхватил:

— Надо бить всех, кого подозреваем, чтобы и в голову им не шло желание помогать Советам.

Ишан Исахан высказался за осторожность в действиях в отношении населения.

— Больше говорите людям, что воюете с неверными, которые хотят сослать мужчин в Сибирь, а жен распределить между собой... Не брезгуйте ничем. Твердите: «Не принимайте хлеб от русских, кто его попробует — умрет или ослепнет». Говорите населению, чтобы выступали против создания таджикского государства. Где возможно, разжигайте вражду. Мешайте проводить собрания, где говорят о разделении Туркестана на республики. Все равно вернется эмир и будет как было — власть у мангытов, а вы, главные воины, займете места у подножия трона.

— Мы всегда будем хозяевами всей этой обширной земли, и ни какой другой народ,— подчеркнул Ибрагимбек, поглядывая холодным, настороженным взглядом.—

Это завещано нам теми, кто еще в давнне времена прошел здесь с огнем н мечом.

— Но сейчас главное для нас — разбнть неверных — уточнил ншан Исахан,—а с властью мы разберемся потом. Она по воле всемогущего аллаха будет в руках самых достойных.

— А кто такне этн достойные?— спросил Ибрагнмбек.—Вот они, это мы,—н обвел рукой собравшнхся.

— Победим, а с властью разберемся,— продолжал Ибрагимбек.—Давайте же договорнмся о способах бнть красных. Сумелн же недавно полностью уннчтожить взвод и захватить много денег.

— Нас было в пять раз больше,— ответнл за всех Рахман-дотхо.

— Ну н что же — прервал Ибрагимбек.—У нас лошадн лучше, можем создавать перевес и в десять раз. Главное — побеждать. Тогда население увиднт нашу силу н будет нам вернть. Год тому назад к нам многне шлн добровольно и у нас было 15 тысяч «газн», а сейчас, самн знаете, силой пополняем свон отряды. Нас уже раз в десять меньше, отпустнлн на весну людей, хорошо, еслн возвратнтся половина из ннх.

— Нужна днсциплнна,— подал реплнку Мурат-курбаши.—У меня ннкто не уйдет самовольно. А еслн и сбежит, то его семье конец. Все это знают...

— Правнльно!— восклнкнул Ибрагимбек, увидев в этом способ укрепления басмаческих рядов. — Думаю, что недаром онн служат...

— Каждый имеет свою долю,—откровенно прнзнался в грабежах Мурат-курбашн.

— У населения ннчего не брать,—распорядился Ибрагимбек для пущей важности. Он знал, это слова пустые, что все шайкн, особенно прншедшне из Афганнстана, занимались грабежом. Они стремнлнсь захватить добра побольше н уйтн за рубеж.

Представитель Алимхана — осанистый бородач в златотканом халате, высказался решительнее:

— Три года его величество помогает армии освобождения. Он готов продолжать это делать во имя аллаха и закона. Немало неверных полегло от ваших ударов. Их надо крушить беспощадно, каждый день и каждый час. Пусть красные знают, что их неугодные всевышнему мечтания о какой-то придуманной ими народной власти, развеются в прах...

Представитель эмира славословиями эмиру и Ибрагимбеку заканчивал свою речь, когда появился начальник охраны и сообщил, что в часе езды находятся крупные отряды красноармейцев и добровольцев.

— На протоке Вахша их встретят наши засады,— чванливо сказал пришедший.

Ибрагимбек, прервав совещание, приказал каждому курбаши отправляться к месту будущих боевых действий, которые для каждого были определены здесь, на совещании...

«Отряд 63-го кавалерийского полка,— читал позднее сводку Путовский,—вместе с добровольцами Мулло Шарифа Рахимова обошел посты басмачей, охранявших собрание, и, ударив с тыла, отрезал дорогу к отступлению на хребет Каратау. Убиты 40 рядовых бандитов и один курбаши, представитель эмира, секретарь Ибрагимбека, захвачена вся его канцелярия, много оружия и патронов. Ибрагимбек покинул Локай, однако опять вернулся туда через полмесяца».

Путовский выразил Шишову свое неудовольствие; как можно было упустить такую возможность для полного разгрома басмачей на Тугай-Арале?

Шишов ответил виновато:

— Есть тут наш просчет. Подвела опять связь... Знаете сами, у преследователя одна дорога, у убегающе-

го — сто да еще одна. Будем исправлять ошибки, понимаем, что платим за них кровью.

Почти неделю Путовский затратил на поездку в Регар. Он был удовлетворен тем, что узнал о работе уполномоченного особого отдела Муллоджана Садуллаева. Из его доклада стало ясно, что опаснейшая шайка Темура-токсабо хорошо изучена, в нее внедрен свой человек. Надо решить лишь когда и где покончить с ней.

— Мы подумаем вместе, главное — сделать это надо с наименьшими потерями,— ответил Путовский.—А теперь расскажите, как идет земельная реформа, осушение болот в районе.

Этот вопрос вызвал у Муллоджанова недоумение: разве это наше дело?!

— Наше и притом первостепенное. От правильного решения вопроса о распределении земли зависит окончательный поворот трудового крестьянства в нашу сторону. Откуда шайка набирает людей? Из среды земледельцев... Их обманывают, сулят деньги, скот, а порою запугивают... Дать безземельным землю, обеспечить все условия для мирного труда — вот основная задача Советской власти сейчас, а за нею и ликвидация неграмотности, и создание промышленности, и развитие искусства и науки. Всем этим предстоит заниматься и нам, чекистам. И не только быть на страже завоеванного, но и самым активным образом участвовать в строительстве нового.

Путовский с Сайдуллаевым побывали в кишлаках. Здесь были вскрыты случаи, когда баи якобы разделили свои обширные земли между батраками, но это была уловка, с помощью которой они надеялись сохранить свои богатства и по-прежнему эксплуатировать бедняков. Местный ревком, узнав об этом, исправил положение.

Вернувшись в Душанбе, Путовский первым делом

поинтересовался итогами поездок делегаций к Ибрагимбеку.

Шишов ответил:

— Ибрагимбек отказался сдаться и предложил перемирие на год. Под его командованием остаются шайки, если в этот период не будет стычек, он сдастся. Ясно, что ему нужна передышка. По распоряжению комкора Федько бойцы Локайского боевого участка нанесли басмачам сильный удар. На поле боя осталось 75 трупов, Ибрагимбек ранен в руку.

— Что сделано Ревкомом?

— Выпущено воззвание, раскрывающее враждебный народу характер действий Ибрагимбека. Ревком призывает население не давать басмачам коров, прятать от них продукты, фураж...

— Мирное население не всегда может это сделать, трудно противостоять насилию...

— Вы правы. За попытку сдаться Ибрагимбек посадил на кол курбаши Абдуназара... Жестокости его нет предела, убивает, пытает, режет людям уши и носы при малейшем подозрении в неповиновении...

— Что нового с выявлением басмаческих пособников?— спросил Путовский.

— Состоялось несколько судов над ними. Заодно и осудили взятых в бою басмачей. Много народа было на процессах.

— Как с подготовкой к посеву в Локае?

— Семена розданы, началась посевная... Многие кочевники-скотоводы, получив землю, переходят к оседлому образу жизни, становятся земледельцами. Чекисты установили несколько случаев получения семян и земли баями.

— Это результат проникновения в органы власти людей, чьи глаза все еще смотрят в прошлое, есть и про-

сто нечистые на руку. Старый мир ищет лазейки, хочет любыми средствами удержать свои позиции.

— Создано Локайское отделение Госторга,—продолжал Шишов.— На последнем базаре в Яване работало несколько магазинов Госторга и две чайханы. Открыт магазин в Дагана-Киике, это вызвало удовлетворение у населения. Много людей возвратилось домой с покупками.

— Забота о людях должна пронизать все, что делается сейчас в этом крае. А как идет дело с помощью голодающим?

— На этот вопрос лучше бы ответил Максуд Иброн,— сказал Шишов.— Вот, кстати, он идет.

Максуд Иброн зашел в кабинет Путовского, поздоровался.

— Только из Явана. Побывал в кишлаках, где мы с вами разбирали земельный конфликт. Сейчас там спокойно. Бедняки, получив землю, ведут сев. Но беда — если посеют все зерно, останутся голодными. Провели в Локае много собраний и на добровольных началах собрали 35 тонн зерна в помощь голодающим. Теперь все будут иметь лепешки. В магазинах продают чай и даже сахар.

От этих сообщений лицо у Путовского просветлело.

— До наступления жары и пока в долинах и на склонах гор есть трава, население Локая решило переехать в селения, где разместились наши гарнизоны, чтобы сохранить хлеб и скот от басмачей,— продолжал Максуд Иброн.

— И это здорово! Легче будет выявлять пособников басмачей. Дехкане ближе сойдутся с красноармейцами.

— Хорошо идет подготовка к Первомаю,— с радостью говорил Максуд Иброн.— В общем-то я за вами. Поедем в Яван, на праздник.

— Я сразу не могу бросить все дела и ехать,—ответил Путовский. — Завтра, на рассвете.

— Замечательно! — обрадовался Иброн.

После его ухода Путовский спросил Шишова:

— Не могут ли басмачи помешать празднованию?

— По донесениям с мест это едва ли возможно. Сейчас Ибрагимбек на левобережье Вахша. Все переправы под нашим контролем...

В канун Первомая Путовский с Иброном были в Яване. Вечером они присутствовали на выступлении красноармейской самодеятельности. Исполнялись песни под гармонь. Все песни и содержание инсценировок переводились на таджикский и узбекский языки.

В одной из красноармейских песен хвалили отряд Мулло Шарифа Рахимова.

— Рахим-герой, его бойцы, как львы, дерутся с басмачами,— говорилось в песне.

Рано утром площадь у здания Яванского ревкома заполнила пестрая толпа.

Митинг открыл Максуд Иброн. Он рассказал об истории возникновения пролетарского праздника, ставшего народным, о задачах борьбы с басмачами.

— Больше нам надо отрядов таких, как у Мулло Шарифа Рахимова, тогда быстрей наступит конец Ибрагимбеку!

Взглядываясь в стоящих перед сколоченной из досок трибуной людей, Чеслав Антонович всем сердцем большевика-интернационалиста был с ними. Он видел горевшие глаза этих, еще недавно забитых, одичавших от непосильного труда и несправедливости дехкан, жадно внимавших словам о свободе, братстве народов, о мире. Он страстно желал, чтобы скорее наступил день, когда навечно уйдут в прошлое нищета, болезни, безграмотность, когда широким потоком разольется здесь свет-

лая, счастливая жизнь. Ради этого он был готов отдать все свои силы.

— Да здравствует Первое мая! — закончил он свою короткую речь.—Всем народом ополчимся на басмачей! Будем строить новую мирную жизнь, пусть будет счастлив и свободен трудовой народ!

Выступали активисты, говорили волнуясь и сбиваясь, говорили с пониманием задач момента...

В сопровождении отряда Рахимова гости отправились в обратный путь. Командир отряда ехал на лошади между Путовским и Иброном. Разговор шел о том, что будет, когда, наконец, наступят мирные дни. Говорили о школах для детей, о тракторах и каналах, об удобных дорогах и земле для бедняков.

— Все это придет,—прощаясь с яванцами, сказал Путовский.— И сделает это новое таджикское правительство. Скоро будут созданы вместо ревкомов выборные органы Советской власти. Весь народ будет строить новую мирную жизнь.

VII

На I Всетаджикском съезде Советов. Доклад Путовского. Принято решение. Реакция эмира на создание Таджикской советской республики.

Когда председательствующий объявил:

— Слово предоставляется начальнику особого отдела 13-го стрелкового корпуса товарищу Путовскому для доклада о борьбе с басмачеством,— в зале раздались громкие и дружные аплодисменты. Произнес это он на таджикском, узбекском и русском языках. Все доклады и речи переводились.

С глубоким вниманием слушали собравшиеся доклад Путовского. Чтобы делегаты могли яснее представить себе суть событий последних лет и обстановку, в которой приходилось вести борьбу за Советскую власть, Чеслав Антонович остановился на основных этапах борьбы с басмачеством.

— Мы знаем, что и сейчас, когда эмира изгнали, старостой кишлака нередко снова становится бай, а то и бывший чиновник, и он собирает налоги, как при старом режиме,—продолжал затем докладчик.— Да еще взыскивает старые недоимки. Байская эксплуатация еще удерживается в таджикских кишлаках. Здесь распространено относительно крупное землевладение и постоянно применяется наемный труд батраков. Особенно многочисленна группа безземельного и малоземельного дехканства, вынужденного арендовать землю. Размеры арендной платы просто грабительские.

С болью в сердце Путовский говорил о злодеяниях басмачей:

— Басмаческие шайки, возглавляемые кровавым бандитом Рахмандодхо, нападали на мирные кишлаки от Оби-Гарма до Гиссара, а основным их пристанищем было Варзобское ущелье.

Рахмандодхо и его головорезы особенно жестоко относились к людям, открыто выступающим за Советскую власть. Они расстреливали советских работников в кишлаках, отбирали лошадей и часто угоняли дехкан в горы, тех, кто не соглашался остаться в шайке и хотел вернуться к мирному труду, расстреливали или же отпускали, отрезав язык, уши, нос, распространяя таким образом, страх среди населения.

Путовский рассказал делегатам о случае, когда из Файзабада в сторону Янги-Базара ехала небольшая группа связистов. По дороге на них напали басмачи. Отстреливаясь, связисты укрылись в небольшой кибитке

в селении Джамшит. Много басмачей положили они, но силы были неравны. Басмачи требовали, чтобы бойцы сдались, но те продолжали отстреливаться. Тогда басмачи подожгли кибитку. Воины погибли в горящем помещении с пением Интернационала. В Кангурте группу бойцов басмачи, переодетые под дехкан, пригласили в дом пообедать. Как только они поставили оружие в козлы, выпили чай, их тут же зарезали.

Как мы должны были действовать? Ни партизанские действия, ни методы большой войны в условиях борьбы с басмачеством оказались неприемлимыми. Необходимо было создание опорных пунктов, подвижных и легких отрядов, необходима была крепко поставленная связь, разведка и управление. Необходим был, наконец, прочный контакт с местным населением. Это было сделано. Так надо действовать и дальше.

— Басмачи скрывались преимущественно в горах и оттуда воровским образом совершали грабительские набеги на мирные кишлаки,—говорил Путовский.— В связи с этим командование совместно с Чрезвычайной диктаторской комиссией по делам Восточной Бухары разделило восточно-бухарские районы на боевые участки. Было решено в центре боевого участка, в наиболее удобном кишлаке, ставить небольшой гарнизон, состоящий из красноармейцев, а вокруг гарнизона организовывать один или два добровольческих отряда из местных дехкан. В их задачу входила охрана мирного труда, выявление и разгром басмаческих шаек.

Сейчас народ все более осознает свою историческую роль творца новой власти. Еще недавно путь бедняка был, словно лето без солнца, вымощен колючками горя, а теперь он освещен ленинским светом.

Путовский сделал паузу, отпил из пиалки немного чая и продолжал:

— Никакими словами нельзя у баев потушить пла-

мя жадности, а у басмачей ненависть к Советам. Нужна сила не только Красной Армии, но и наша. Мы призываем создавать больше отрядов самообороны из добровольцев. Населению надо настойчиво разъяснять сущность новой Советской власти, практически показывать то, что она дала народу.

— Смелее разоблачайте атаманов басмачества,—призывал докладчик. Ведь для них нет ничего святого. В коране сказано: кто поджигает, разрушает, убивает, тот совершает грех и его следует наказать.

Красная Армия — друг народа, ее бойцы — это воины-освободители. Придя в Восточную Бухару для оказания помощи в борьбе с басмачами, они, не задумываясь, взяли на себя содержание детей-сирот в Кулябе, Гарме и других местах. И здесь мы видим, что наши братья-красноармейцы отрывают от себя кусок хлеба, чтобы помочь вашим бедным детям. А что делает Ибрагимбек? Вы это знаете лучше меня...

Путовский продолжал говорить о том, как вести борьбу с басмачами, кого следует считать пособниками, как поступать с теми, кто сдался добровольно или взят в бою...

Съезд продолжал работу. Это было событие поистине историческое в судьбах таджикского народа. После многих веков угнетения, феодальных междоусобиц, раздробленности и бесправия восстанавливалась на новой социалистической основе его государственность. Молодая республика рождалась в трудное время, еще лежали в развалинах кишлаки, пустынными были многие некогда плодородные нивы, дымом пожарищ пропитаны были одичавшие сады, но ничто не могло остановить победного шествия Советской власти.

Таджикский народ, обретя свободу и независимость, уверенно смотрел в будущее, вступал в братскую семью советских республик.

«С бандами надо покончить»— единодушным было требование ораторов. В принятом на съезде решении содержались все основные положения, выдвинутые в докладе Путовского, которого на съезде избрали членом правительства молодой автономной Советской Социалистической Республики. Вот суть этого документа, ставшего основным руководством по борьбе с басмачами на новом этапе:

«...Существующее на протяжении четырех лет революции басмачество, лишая народы Восточной Бухары мирной трудовой жизни, подорвало народное дехканское хозяйство, сократило скотоводство, добывающую и обрабатывающую промышленность, нанесло неисчислимые бедствия, разорение стране. Продолжая войну, оно держит страну в состоянии напряжения. Пролито много невинной крови и нет действительной возможности народу и государству залечить свои раны.

...Нет высшей заслуги перед законной властью Советов, перед родиной и народом, как борьба до полного уничтожения последнего басмача, и это в первую очередь как пример, обязуемся всеми мерами и средствами провести полностью в жизиь мы, делегаты, как подлинные представители и голос самого народа.

...Мы свидетельствуем, что в борьбе с басмачеством наши вооруженные силы Рабоче-крестьянской Красной Армии СССР вместе с добровольными советскими мусульманскими отрядами оправдали роль защитников Бухарской Народной Советской власти и освободителей угнетенного мусульманства.

Басмачество потеряло почву, не имеет корней в дехканских массах, противно народу и поддерживается внутри страны лишь незначительной группой байства, духовного сословия и эмирской знати, т. е. прямыми врагами Советской власти и народа. Отсюда необходимость всемирного усиления работы по выявлению по-

собников и укрывателей басмачества и беспощадной борьбы с ними...

Захваченная у басмачей переписка говорит о связи с находящимися в Афганистане бывшим бухарским эмиром... о систематических присылках оружия, патронов, подарков, уполномоченных военных и политических руководителей, равно письменных руководств и литературы.

Подчеркивая свои братские чувства к афганскому народу и выполняя добрососедские и дружеские пограничные правила в отношении к афганскому правительству, мы твердо будем держаться этих правил и в будущем.

Съезд ставит своей основной задачей — ликвидацию басмачества. И признает, что в рядах басмачей есть часть заблуждающихся сынов родины. Они пошли на измену своей родины и народа, побоявшись кары... Обещает полное прощение кающимся, признающим власть и сдающимся с оружием в руках...

В Обращении Ревкома Таджикской АССР ко всем трудящимся Таджикистана об образовании ТАССР, от 7 декабря 1924 г., сказано, в частности: «Трудящиеся Средней Азии вместе с рабочими и крестьянами России сбросили своих вековых поработителей — царя и эмира, беков и чиновников, баев и помещиков и установили свою собственную трудовую власть».

Ревком предложил всем курбашам и их джигитам, находящимся на территории Таджикистана, немедленно прекратить войну и сложить оружие, сдав его целиком и полностью Советскому правительству.

...С минаретов 480 мечетей Кабула пять раз в день звучит азан—призыв к молитве. Во многих из них круглые сутки без перерыва читается коран. На мусульманском календаре закончился печальный рамазан, месяц поста и молитв...

Во дворце эмира вблизи Кабула жизнь текла размеренно. В мечети воздавалась хвала мудрости и величию Алимхана. Каждое утро во двор выносили и ставили возле хауза, где плавали золотые рыбки, эмирский трон. Алимхан раздавал бедным немного монет, объявляя решения о повышении в званиях и чинах. Лишь приговоры о смерти здесь не объявляли, и уже никто не мог их выполнять — чужая страна, да и он чувствовал себя здесь чужим...

В один из последних декабрьских дней 1924 года Алимхан не выходил из дворца, кричал, рычал, всех гнал от себя, а доставивший ему неприятную весть чиновник был выпорот камчей. В этот день Алимхан узнал, что в Средней Азии осуществилось национально-территориальное размежевание и нет уже ни Бухары, ни Хорезма, а появились молодые национальные советские республики.

Алимхан понял, что это сокрушающий удар по его надеждам.

— Проклятье большевикам и подлой черни!— кричал бывший эмир... — Аллах, где ты, почему не уничтожишь этих поднявших голову рабов?!

Но не было дела аллаху до воплей скинутого правителя Бухары, как не было ему дела до страданий народа, когда шайки, посланные Алимханом, уничтожали мирное население, грабили кишлаки, поджигали дома.

На совещание Алимхан пригласил наиболее доверенных. Он ждал их, сидя на троне. Каждый из чиновников смиренно подползал к Алимхану на коленях, молитвенно дотрагивался до протянутой руки, благоговейно проводил по лицу, а затем уже здоровался с сидящими рядом.

Эмир ждал от своих приближенных совета, но видел, что эти корыстолюбивые и завистливые чиновники думали лишь о своей шкуре.

На вопрос, что следует предпринять, никто из эмирского окружения толком не ответил. Все отделывались общими словами, упованиями на аллаха и иностранную помощь. Едины они были в одном — разгоревшийся пожар надо утопить в потоках крови.

Когда все разошлись, Алимхан вызвал личного секретаря и стал диктовать письма Ибрагимбеку, Хуррамбеку и всем атаманам шаек, предлагая усилить кровавый террор.

Шахназар, ставший своим человеком в эмирском дворце, знал содержание разговоров на собрании. Он хорошо был знаком со связными эмира и курбаши. О том, что произошло во дворце Алимхана и содержание писем через неделю уже знали в особом отделе корпуса.

Копии трех писем снял Мирзо Шариф Шакиров и лишь потом они попали адресатам. В них содержалось указание усилить налеты, особенно на местные органы власти, убивать членов правительства. «Не щадить никого, новая власть — самый главный враг,— писал Алимхан.—Она — опора Красной Армии».

Путовский, изучив эмирскую директиву, сказал Шишову:

— Надо усилить охрану правительства... Копии писем эмира отправить в особые отделы всем уполномоченным.

Шишов ушел, Путовский вскрыл сразу три письма жены, пришедших в один день. Она сообщала, что живет хорошо. Сын Гена быстро растет...

С гор упал на Душанбинку вечерний ветер — заиграли зеленые стрелы камышей у ее берегов. Осенней прохладой повеяло в кабинете Путовского. Уставший до предела, он снова почувствовал боль в сердце, прилег...

Сонный дурман смежил веки, он заснул, уронив голову на стол.

VIII

Кундузой ищет табиба. Гизатулло прячет жену. Конец Рахманадодхо.

Папка со сводками о боевых действиях частей корпуса пухли. Схватки с шайками велись в долинах, в горах, у речных переправ. Пока мало еще басмачей откликалось на призыв съезда сложить оружие. Многих удерживал страх за семьи, которые басмачи могли перебить.

...Кундузой, выполняя задание Путовского, долго наблюдала за передвижением шайки Рахманадодхо. Ей удалось установить эти маршруты. Она ездила по кишлакам на невзрачной, но выносливой лошади, якобы в поисках табиба-лекаря для больного отца. Так, продвигаясь по пятам шайки, она оказалась в Рамите.

Рассказав о своей беде, она просила помощи. Ей обещали найти знахаря и прислать в ее родной кишлак Тезгариболо, недалеко от Душанбе. Дальние родственники, у которых она поселилась, расспрашивали ее о делах новой власти, ведь она жила вблизи столицы.

— Часто стреляют... Басмачи лютуют,— говорили рамитцы о Рахманедодхо.

Кундузой доверительно сообщили, что у соседей большое несчастье. У басмача Гизатулло очень красивая жена. Она еще не рожала. Ее-то и приметил Рахмандодхо, хочет взять пятой женой. От басмача он потребовал:

— Разводись немедленно, взамен дам другую... Могу и две...

Кундузой узнала, что Гизатулло уже три года в шайке Рахманадодхо, хотя и из бедных. Давно хочет из нее уйти, но боится. У курбаши в таких случаях одно решение — уничтожение всей семьи.

— Мы очень тревожимся за соседей,—говорили при-

ютившие Кундузой хозяева.— А они для нас как самые близкие родственники.

— А где сейчас Рахмандодхо? — спросила небрежно Кундузой.

— Говорят, ушел в сторону Файзабада. Там идут собрания, люди голосуют за Таджикскую автономную советскую республику, а басмачи мешают проводить собрания.

— А что с Гизатулло?

— Он приехал за женой, хочет спрятать ее в горах...

— Не надо этого делать,—твердо заявила Кундузой.—Можно у меня в доме ее спрятать. К нам басмачи боятся сунуть нос. У нас отряд самоохраны организовал Абдулло Ярмухамедов. В нем смелые люди. Хорошо вооружены.

Соседи пригласили Гизатулло на беседу и сказали, что есть надежное место для жены.

— А я гадал-гадал и решил спрятать ее в Боги Мири за Рамитом, у знакомого садовода...

— Не надо, он предаст вас Рахманудодхо. Поезжайте в Тезгариболо к нашим знакомым, там ее и оставьте...

— Меня схватят красные,—забеспокоился Гизатулло.

Из соседней комнаты вышла Кундузой. Прикрывая лицо платком, она твердо сказала:

— Будете тянуть, опоздаете, приедет Рахмандодхо — жену заберет и вам голову снимет. Идите за мной и поедем. Расскажете, что и как, пора вам бросить оружие, ваше дело — земля, семья...

Гизатулло опешил — женщина им командует...

— Кто она? Можно ли рисковать?..

Кундузой повторила:

— Торопитесь...

Пошли во двор. Подтянула подпругу у седла, одела узду и повелительно произнесла:

— Скорее же! Со мной вас красные не тронут, решайтесь!

Кундузой вывела лошадь на узкую улицу, легко вскочила в седло, удивив Гизатулло. Он вбежал в соседний двор, крикнул жене:

— Собирайся быстрее. Поехали...

Гизатулло сел на лошадь, а его жену родственники посадили на попону сзади.

Лошадь Гизатулло едва поспевала за невзрачной кобылкой Кундузой. Она ехала молча, не вступая в разговоры со своими спутниками. Только возле кишлака Рохаты на рассвете короткой ночи объявила о привале.

С Гиссарского хребта веял легкий ветерок. В долине он впитывал влажный воздух, шедший от бурного Кафирнигана, дарил желанную прохладу.

Недалеко от моста, где спешились путники, в небо упирались макушками белые тополя, журчал арык, пересекающий дорогу.

Кундузой сказала жене Гизатулло:

— Давайте поедим, попьем воды.

Отдохнув, поехали в соседний кишлак, где находился добровольческий отряд Мулло Шарифа Рахимова. Он сразу же допросил Гизатулло. Тот стоял, потупив глаза, шашку и карабин сложил у ног.

— Вот оружие, приехал сдаваться...

Кундузой подтвердила, что он добровольно сдается.

— У нас порядки твердые и ясные,— объявил басмачу Рахимов.— Смыть позор можешь только честной службой народной власти.

Командир показал на Ярмамададодхо, еще раньше бежавшего из шайки басмача. Всего могли ожидать бывшие басмачи, но такой встречи едва ли.

— Вы оба будете проводниками. Покончим с вашим

бывшим хозяином, отпустим вас иа все четыре стороны, обеспечнм безопасность.

Кундузой сообщнла Рахнмову:

— По дороге узнала, что Рахмандодхо разогиал собранне дехкан кишлака Дисайнакуйдн в 25-ти кнлометрах от Файзабада, говорят, что будет там долгоместиый мулла устронл туй — празднует обряд обрезання, оставнл басмачей гостить у себя.

Кундузой предупреднла Рахимова, что Рахмандодхо нз Джоннкуйды может уйтн через Иляк на перевал Чормазак, а потом в горы Бабатага. Эти места он объезднл вдоль и поперек, зиает каждую тропу.

Из Файзабада уполномоченный особого отдела 9-го стрелкового полка Иван Шестопалов иаправил Путовскому свой план комбннированного удара по Рахманудодхо. На сближение с басмачамн пошел отряд особого отдела под комаидованием Пескова, который был знаком с Кундузой с осеин 1921 года.

Рахнмов посмотрел иа часы, прнкинул время, нужное для перехода в Джойннкуйди, куда шлн особнсты.

— За четыре часа дойдем...—объявнл он командирам.

Басмачн заметили приближеине отряда особого отдела. Рахмаидодхо ие прииял боя, его джнгнты пересеклн пересохшнй Иляк и подиялнсь на склон у Чормазакского перевала. Предположенне Кундузой подтвердилось...

Шестопалов, занятый операцней против Гаюрбека, сказал командиру отряда особого отдела Пескову:

— Бойцов у тебя много, преследуй Рахманадодхо...

На перевале шайка рассеялась на мелкне группы, договорнвшись собраться в кншлаках Оби-дара и Арбобдоиа. Когда отряд преследования поднялся на Чормазак, банды н след простыл.

Гизатулло всем своим поведением доказывал, что

искренне хочет помочь чекистам ликвидировать эмирского полковника. Он знал, что, пока жив Рахмандодхо, не простит ему уход из шайки.

Смеркалось. Кони едва передвигали ноги. На пределе сил находились бойцы. Песков приказал отряду сделать привал.

Лошади получили по снопу травы, которую скосили недалеко от бивака, а потом в торбы насыпали по несколько фунтов ячменя из запаса в переметных сумах.

Подкормив лошадей, кое-как перекусив, красноармейцы прилегли на попонах и заснули, как убитые, лишь каждый час сменялись часовые.

Задолго до рассвета отряд по двое в ряд направился к Обидаре, где, как стало известно, заночевали басмачи. На этот раз они расположились не в самом селении, а в поле, чтобы удобнее было подняться по тревоге и вступить в бой.

Отряд скрытно подошел к басмаческому лагерю и с шага перешел на галоп. В лучах восходящего солнца ярким блеском сверкали обнаженные, поднятые над головами бойцов клинки. Лошади чувствовали боевой дух бойцов, отряд словно на крыльях летел к становищу басмачей, которые едва успели вскочить на коней.

Гизатулло показал Пескову на Рахманадодхо, одетого в простой халат басмача, с большой бородой и обвислыми усами.

Оба они пытались пробиться к нему через гущу сражавшихся с басмачами бойцов. Заметив это, Рахмандодхо стал выходить из боя. На земле уже валялось немало убитых, ржали раненые лошади, истошно кричали и стонали раненые. Шайка распалась на несколько кучек, отчаянно пытавшихся уйти от пленения. На резвых конях уходили от погони уцелевшие бандиты.

Красноармейцы пытались догнать стремительно скачущих басмачей, но не смогли.

В ходе боя Песков наблюдал, как неистово дерутся с басмачами Гизатулло и Ярмамаддодхо. Понял, что они твердо решили покончить с прошлым.

Кончился бой...

— Ушел, опять ушел этот Рахмандодхо,— сокрушался Гизатулло.

— Я был почти рядом с ним,— горячился Ярмамаддодхо.— Но вот беда, я что-то не видел своего сына Хайдаркула, наверно, басмачи его убили или спрятали...

Дехкане Оби-дарьи распределили бойцов для угощения по домам. Помогли выловить брошенных басмачами лошадей и собрать оружие.

Песков объявил жителям:

— Все басмаческое оружие оставляем вам, создавайте отряд самообороны.

Песков отказался принять фураж как подарок и сполна расплатился с обидарьинцами.

— У нас для этого есть деньги,—сказал он.—Сейчас лучший подарок для Советской власти в ваших руках— бейте басмачей, не пускайте их в свой дом.

Не задерживаясь, отряд продолжал преследование шайки, выполняя приказ Путовского: не давать передышки Рахманудодхо, ликвидировать его пособников и базы снабжения.

Песков знал, где и кого искать, сведения об этом были переданы в штаб отважной разведчицей Кундузой Ходжаназаровой.

Это был результат ее поездки в поисках табиба.

Утомленные до предела лошади отряда выбивались из сил, и бойцам приходилось вести их в поводу или же оставлять на подкормку и отдых в кишлаках. Отряд держался на «хвосте» шайки. Гизатулло, отлично зная басмаческие дороги, вел отряд, сокращая путь.

Рахмандодхо перешел через Кафирниган у Гиссара, затем снова перебрался через реку и направился к Ак-

мечети. Так, запутывая след, ему удавалось уйти от преследования.

По совету Гизатулло Песков миновал Кокташ, вывел отряд к Гиссарской переправе. Но басмачи, оставив прикрытие, держали переправу под огнем.

Песков раскрыл топографическую карту, ища кратчайший путь к Ак-мечети, находящейся на правобережье Кафирнигана.

— На карте такой дороги не найдете,— сказал Гизатулло.— Ее отыскал Рахмандодхо. Давайте пойдем по горам левым берегом и выйдем у Ак-мечети. Думаю, что Рахмандодхо из этого кишлака попытается уйти в горы Бабатага на соединение с Хуррамбеком или Утанбеком.

Сделав привал, дав лошадям отдых, вдоволь корма и воды, отряд сделал вид, что начал переправу через Кафирниган, а на самом деле через ущелье вышел к пустынному плато. Двигались по компасу.

Днем бойцы отдыхали в кишлаках, а ночью двигались. Такая тактика сбивала с толку шпионов Рахманадодхо. Красные конники скрытно подошли к кишлаку у горы Карагазы. В нем жили кочевники-скотоводы.

Еще до подхода основных сил отряда басмачи сбежали, удалось захватить лишь троих. Среди них был ишан Исахан — один из духовных наставников басмачей Ибрагимбека. После пленения Мулло Зиё он выдвинулся на первое место среди духовников из окружения Ибрагимбека.

У ишана Исахана чекисты нашли заполненную письмами шкатулку. Именно ему Ибрагимбек поручил вести басмаческое «делопроизводство». Вскрыв шкатулку, Песков обнаружил и письмо Рахманадодхо с приглашением принять участие в бое, который он намечал дать отряду Пескова.

Рахмандодхо занял высоту Карагазы, к которой был

лишь один удобный подход — в лоб. Холм окружали глубокие естественные рвы-саи.

Рахмандодхо готовился к упорному бою. Отряд Мулло Шарифа Рахимова по поручению Пескова тщательно обследовал все подходы к высоте. Командир добро-отряда доложил:

— Сбить врага с высоты можно лишь ночной атакой.

— Патронов маловато,— сокрушались командиры,— за неделю погони много израсходовали.

Песков отправил донесение Путовскому и Шишову, в котором, сообщив об обстановке, настойчиво просил;

«Срочно подбросьте патронов и подкрепление». И дописал не без юмора:

«Взамен даю ишана Исахана».

Не прошло и половины суток, как на рассвете прибыло к Пескову подкрепление — кавалерийский отряд, доставивший патроны и гранаты. Теперь сил основательно прибавилось. Но и Рахмандодхо пополнил свое «войско». К нему прибыла одна из шаек Ибрагимбека, главарем которой был Игамберды.

В намеченный час отряд открыл сильный огонь из пулеметов, а бойцы, подобравшиеся поближе к басмачам, забросали их гранатами. Но смельчаки не смогли закрепиться на склоне сопки и отошли.

Басмачи это расценили как признак слабости, решили уничтожить отряд. О полученном Песковым подкреплении Рахмандодхо не знал.

Командир отряда, разделив бойцов на две группы, двинул их с флангов в конную контратаку. Этого басмачи не ожидали. А уйти с поля у подножия высоты они уже не могли. Не выдержав напора красноармейцев, пытались укрыться на высоте, но и здесь не удержались. Отряд продолжал наступать на шайку, которая, оторвавшись от преследователей, проскочила кишлак Ачи-Карьягач.

Через два часа в него вошли кавалеристы и были немало удивлены: ждало угощение, для лошадей были приготовлены сено и ячмень.

Мулло Шариф сказал Пескову:

— Знакомая мне уловка. Так нас задерживал Туяикул... Не слезая с лошади, Рахимов крикнул бойцам своего отряда:

— Рысью... за мной!

На пути движения отряда в теснинах Рахмандодхо устраивал засады, стремясь подальше уйти от преследователей. Но о любом маневре курбаши знал Песков. В шайке у Рахмандодхо находился наш разведчик. Через связного он сообщал о планах и действиях шайки.

Получив сообщение о том, что шайка будет ночевать в Касабулаке, Песков для вида засветло остановил отряд в Лайляк-хоне. А как только стемнело, кавалеристы пошли в Касабулак.

Отряду не удалось нанести неожиданный удар. Находившийся в укрытии басмаческий часовой, заметив приближение красноармейцев, поднял стрельбу.

На галопе бойцы влетели в селение и начали рубить выбегающих на кривые, тесные улочки басмачей. Большая группа бандитов собралась на высотке, возле кишлака и повела огонь, отвлекая на себя атакующих.

Мулло Шариф Рахимов, разобравшись в обстановке, повел отряд в обход высоты, откуда стреляли басмачи.

— В атаку!—крикнул он, выхватив клинок из ножен, и дал лошади шпоры.

Гикающая, орущая лава доброотрядцев давила спешенных басмачей.

Всю ночь бойцы и доброотрядцы вели розыск басмачей в оврагах и садах вблизи кишлака.

Из пленных образовалась порядочная колонна. Гизатулло расспрашивал захваченных, где их атаман? Никто не мог ответить. Среди сдавшихся оказался пу-

леметчик шайки Сафар. Старый басмач, от Энвер-паши перешедший к Рахманудодхо, тоже не мог ничего сказать о том, где скрывается курбаши.

Рахмандодхо, заметая следы, ушел в Варзобское ущелье в сторону Зидды. Разгромленный наголову, он уже не представлял большой опасности.

Совершая свои обычные разведывательные поездки, Куидузой узнала, что в ее родном кишлаке Тезгариболо должна заночевать шайка Каракурбаши. Об этом она дала знать в особый отдел корпуса. Ночью смелая разведчица встретила кавалерийский отряд на подходе к Тезгариболо и указала кибитку, где расположились 35 басмачей. Ни один из них не ушел от справедливой кары.

В кишлаке Пугуз Куидузой задержалась на день у родственников. И, как всегда, вела разведку. Ей удалось узнать, что именно здесь, в Пугузе, скрывается Рахмандодхо. Об этом она сообщила командиру кавалерийского отряда, проводником которого был Ярмамаддодхо.

Рахманадодхо и несколько басмачей кавалеристы настигли и убили в перестрелке в глухом сае Варзобского ущелья. Увидев поверженного врага, Ярмамаддодхо с удовлетворением сказал:

— Ты убил моего сына Хайдаркула. Ты убил многих, но пришла расплата, подлый шакал.

* * *

В канун нового 1925 года Путовский чувствовал себя неважно. Сжимало спазмами сердце, оно то гулко стучало в груди, то замирало, и порой казалось—вот-вот остановится совсем. Сказывалось напряжение, бессонные ночи...

Он то медленно прохаживался по кабинету, то снова

ложился в постель... Недомогание продолжалось несколько дней. Но работа не останавливалась. За это время произошло несколько памятных событий.

Он сделал обстоятельный доклад на заседании Оргбюро ЦК КП Узбекистана по Восточной Бухаре, в котором предлагал конкретные меры по завершению борьбы с басмачеством.

— Басмачество мало разбить,—было его основной мыслью.—Его надо изжить!

Оргбюро Обкома ЦК Компартии Узбекистана приняло решение: «Считать первейшей задачей всех партийно-советских органов, воинских частей и всего таджикского народа — ликвидацию басмачества и осуществление мероприятий по преобразованию политической власти и экономической жизни Восточной Бухары на социалистических основах. Объявить борьбу с басмачеством ударной кампанией».

Путовский понимал, что одними воинскими операциями басмачество ликвидировать нельзя, что нужны и другие меры, нужно действовать в направлении глубокой разведки в стане врага, разлагать шайки изнутри. Он предложил новые методы разъяснительной работы среди дехканства в сочетании с мероприятиями экономического и культурного характера. Он настойчиво, не жалея времени, доказывал товарищам из штаба корпуса, работникам Ревкома, всем, с кем приходилось ему обсуждать задачи укрепления Советской власти, что только разносторонняя политическая работа в массах принесет успех. Именно об этом свидетельствовал весь его прошлый опыт.

А опыт был немалым: разгром банд Селима-паши, ликвидация банд Фузайля Максума в Каратегине летом того же года. Были обескровлены и загнаны в бальджуанские горы шайки Ибрагимбека.

В получаемых им сводках, как в зеркале, отражалась

вся сложность борьбы, жестокость отчаявшегося врага, рост сопротивления населения басмачам. Вот сообщение о том, что кровавый негодяй курбаши Асадуллобай в Исанбае своими руками швырнул на землю и убил шестимесячного сына Ходжара — командира из доброотряда Кувандыка Тошева, ударил шашкой по голове его престарелую мать.

Вот еще информация:

«В Файзабаде бандиты Гаюрбека убили дехканина Машраба за то, что он не отдавал басмачам своего коня. Сын погибшего Машрабов Абдурахман встал в ряды доброотрядцев».

Вот сводка из Каратага, где зверствует шайка какого-то Саида, пришедшего из Ферганы.

О резко изменившейся обстановке свидетельствовали сообщения о том, что в некоторых шайках нет патронов и они кустарным способом льют пули и перезаряжают стреляные гильзы, между кунградцем Хуррамбеком и локайцем Ибрагимбеком снова возникли распри, а Гаюрбек вообще не желает подчиняться Ибрагимбеку, кичится своей принадлежностью к семье Алимхана и хочет быть самостоятельным; Ахмет Ишан-курбаши отравлен соперником, Бобомурат-курбаши и Рахматуллобий привели каждый по полсотне басмачей и сдаются Советской власти.

Так чекисты помогали частям Красной Армии, доброотрядцам и партийно-советским органам избавляться от злейших врагов таджикского народа — басмачей. К 1925 году, лишённое всяческой поддержки в народе и почти отрезанное от баз снабжения, басмачество было основательно подорвано.

Помимо непосредственной чекистской деятельности, Путовский, как член Оргбюро, а затем и обкома Компартии и Ревкома Таджикской АССР, ведет активную партийную и государственную работу. Он выступает с

докладами, помогает наладить работу молодых органов Советской власти на местах, привлекает военных врачей и фельдшеров к лечению населения, страдавшего от многочисленных болезней, особенно малярии. Не обошла она и Чеслава Антоновича. Частые приступы ломали тело, бросали то в озноб, то в жар, отнимали силы.

В характеристике ПП ОГПУ по Средней Азии еще в январе 1924 года говорилось, что «Путовский при всех деловых и личных качествах и необходимости его работы в Таджикистане нуждается в срочном переводе по службе из жаркого малярийного в умеренный климат...»

Однако этого, так нужного перевода, не произошло. Захваченный волной событий, не думая о белезнях, Путовский, как говорится, горел на работе. Так он встречал новый 1925 год.

Его тост на скромном вечере среди товарищей по работе был коротким:

— За нашу победу...

...На стол Александра Ивановича Шишова ложились сводки Шахназара Сафарова, Мирали Мурадова, Шурыша Боева.

Эмир Алимхан и зарубежные антисоветчики не жалели средств и сил, чтобы поддержать басмачество. Но история уже сказала свое слово. Борьба войсковых частей, милиции и добровольческих отрядов, находивших все большую поддержку у народа, обрекла политический бандитизм на провал.

В начале 1925 года Шишову от Мурадова поступило сообщение: «Ибрагимбек получает каждый месяц деньги от эмира. Все время жалуется, что таких денег ему не хватает на неделю. Часто встречается с англичанами...

Сюда приезжают Утанбек, Хуррамбек, Ишан Халифа...»

Еще одно сообщение Шишова Путовскому:

«Оружие басмачей идет из Пешавара через перевалы в Афганистан и в Восточную Бухару».

— Наши ответные меры?— спросил Путовский.

— Выполнены ваши указания: почти все возможные переправы на Пяндже под нашим контролем...

IX

Решение Политбюро ЦК РКП (б) о борьбе с басмачами. Члены Оргбюро обсуждают меры борьбы с бандами. Подготовка к ударной кампании.

Ответственный секретарь Оргбюро КП(б) Узбекистана в Таджикской АССР Чинор Имамов, окинув взглядом собравшихся, сказал:

— Все члены Оргбюро в сборе, вернулись из командировок. Начнем заседание?

Стоял на редкость солнечный весенний день 1925 года. Просторная комната в глинобитном доме была тщательно прибрана. Земляной пол подметен, полит, окна вымыты. На столах, крытых красной материей, лежали стопки бумаги, заточенные карандаши.

Несколько чайников чая и пиал, прикрытых полотенцами, придавали помещению домашний уют.

— Угощайтесь,—предложил Имамов.—Начнем наш разговор.

В созданное 6 декабря 1924 года Оргбюро вошли представители гражданских и военных организаций. И как только состоялось первое заседание оргбюро, Чинор Имамов предложил его членам разъехаться по местам для проведения митингов и собраний в вилоятах.

Ввиду малочисленности партийной организации Во-

сточной Бухары агитационная работа среди населения велась также членами и активистами исполкомов пяти вилоятов, созданных в 1923 году.

Чинор Имамов поинтересовался у членов бюро, как идет организация сельскохозяйственных кооперативов, обеспечение дехкан государственным кредитом, как распределяются между бедняками и безземельными земли бежавших за рубеж баев, чиновников и реакционного духовенства.

Максуд Иброн рассказал о своей поездке с Путовским в Гарм.

— Опасаются дехкане брать землю баев,— сокрушался он.— Еще не все верят, что бек ушел навсегда. Боятся, а если вернется? Что будет тогда?

— Жизнь сама убедит дехкан, что Советская власть — власть народа — незыблема, как скала,— вставил Путовский.

Разговор зашел и о том, как распределены среди дехкан безвозмездные ссуды продовольственного и семенного зерна.

Путовский сообщил, что были отбиты попытки басмачей захватить склады с зерном.

Комкор Федько добавил:

— Теперь все войсковые части имеют указания выделить красноармейцев для охраны складов.

Максуд Иброн со вздохом произнес:

— Не менее опасны враги, пробравшиеся в ревкомы. Они пытаются государственные ссуды раздать богатым под тем предлогом, что у бедняков нет рабочего скота для проведения сева.

— Какой же выход?— поинтересовался Имамов.

— Даем беднякам семена, временно у богатых берем скот для вспашки земель неимущих... Ссуду получили дехкане всех вилоятов. Они даже начали сеять хлопчатник.

— Хочу сообщить вам,— сказал Имамов,— что у нас открыто более ста государственных и кооперативных магазинов. Москва, Ташкент и другие города нам присылают много товаров.

— Да, жизнь трудового народа улучшается,—заметил Максуд Иброн.—Он начинает лучше понимать, что такое Советская власть, идет просветление умов...

— Но нам по-прежнему мешает налаживать жизнь басмачество,— сказал Имамов.— В Москве это хорошо знают...

Он зачитал Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О басмачестве в Восточной Бухаре», принятое 27 января 1925 года.

Излагая содержание этого постановления, секретарь Оргбюро подчеркнул, что оно предусматривает большую экономическую помощь трудовому дехканству кредитами, улучшение снабжения товарами, активизацию военных действий против басмачей, решительную борьбу с их пособниками...

Имамов познакомил собравшихся и с мероприятиями, намеченными Средазбюро по выполнению решения Политбюро ЦК РКП(б) «О басмачестве в Восточной Бухаре».

— Нам предстоит провести ряд ударных кампаний для окончательного разгрома басмачества,— продолжал он.— Необходимо вспомнить, что внутренняя и внешняя реакция ополчилась против молодой власти трудящихся под фальшивым лозунгом «Защиты ислама от неверных». Реакционное духовенство и местные эксплуататоры, играя на националистических, религиозных чувствах и предрассудках, подняли часть мелкобуржуазных слоев населения и особенно наиболее отсталую и забитую часть дехканских кишлаков против Советской власти, развернув басмаческое движение. С его помо-

щью враги трудящихся стремились восстановить власть эксплуататоров. Для этого пускались в ход лозунги панисламизма, пантюркизма и прочее.

— Они хотели создать Туркестанское государство,— вставил Путовский,— которое находилось бы под исключительным влиянием англичан. Короче говоря, некое подобие Индии или африканской колонии. Подобные планы есть и у американцев. Разведка империалистов через эмира давно нашла путь к Ибрагимбеку. Англо-американские империалисты не расстались с мечтой о создании под своей эгидой «Великого Турана».

— Не удалось нашим врагам добиться своих целей вчера,— включился в разговор Максуд Иброн.—Не в силах они это сделать и завтра. Люди прозревают. Отряды добровольцев, бойцы самоохраны, тысячи дехкан встали на защиту Советской власти, они не отдадут завоеванного.

— Все это нам предстоит учесть в ходе проведения ударной кампании по ликвидации басмачества,— сказал Имамов.

Зачитанный им проект постановления предусматривал оказание всемерной помощи Красной Армии, выделение для проведения политической работы среди населения коммунистов и комсомольцев, другие важные пункты.

— Если не будет возражений, то запишем, — продолжал Имамов,— что все члены нашего Бюро и Ревкома выедут в вилояты для участия в ударной кампании.

Это предложение было принято единодушно.

— Я думаю, что пора нам упразднить службу амлякдаров — сборщиков налога,—предложил Максуд Иброн.— Немло среди них бывших чиновников, работающих для себя, а то и связанных с врагами.

Члены Бюро согласились с этим предложением.

— Опыт показывает, что надо ограничить сферу деятельности казийских судов,—дельно предложил Путовский.

Решено было работу казиев поставить под контроль советских судебных органов. Теперь они должны были избираться самим населением и подлежали утверждению вилоятскими исполкомами и ревкомами.

Имамов спросил у Путовского и Федько, сколько, по их мнению, басмачей действует в Восточной Бухаре. Они, посоветовавшись, ответили:

— Около 1500.

— Но они еще представляют собой серьезную угрозу,— добавил Путовский.— Их поддерживают байство, реакционное духовенство, им продолжает слать помощь эмир.

— Думаю, что надо всемерно расширять массовую работу, направленную на политическую изоляцию басмачества. Мы должны нейтрализовать его социальную опору — баев, чиновников, фанатиков-мулл, — поставил задачу. Имамов.—Показать, что пособников басмачества ждет неотвратимая кара, суровый суд народа. Давайте снова проведем, как мы уже делали, собрания с родовой знатью племен, с ишанами и муллами. Предложим им написать обращение к басмачам о сдаче.

На следующий день члены Оргбюро и Ревкома разъехались по вилоятам для подготовки ударной кампании по борьбе с басмачеством.

Придя с заседания Оргбюро, Путовский взял толстую тетрадь с различными записями, полистал её, нашел слова В. И. Ленина об Афганистане, относящиеся к 1921 году: «...Россия навсегда останется первым другом высокого Афганского государства на благо обоих народов».

— Да, это действительно так,— подумал Чеслав Антонович.— Гордый и свободолюбивый афганский народ, конечно, наш друг. Не народ, а феодалы проявляют солидарность с бывшим эмиром. Видимо, все же и в Афганистане поймут всю бесплодность поддержки свергнутого деспота. Граница между нашими странами должна стать границей дружбы...

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

I

Беседа Федько и Путовского. Планы и действия Ибрагимбека. Разговор Ибрагимбека с Мулло Зиё. «С Мулло Зиё надо кончать».

Иван Федорович Федько был одним из тех, вышедших из народных масс героев-самородков, которых полководцами сделала революция. Отважный красный командир был в числе первых в стране, получивших четыре ордена Красного Знамени. Когда И. Ф. Федько был назначен командиром 13-го стрелкового корпуса, ему было 27 лет. Но за плечами его был богатый опыт борьбы с контрреволюцией. Он выполнял личные поручения В. И. Ленина по разгрому белых войск в Крыму и на Северном Кавказе, воевал в войсках сражавшихся против Врангеля в качестве командира 42-й дивизии. В оперативном отношении тогда ему была подчинена знаменитая кавалерийская дивизия имени Блинова, часть которой, сведенная в бригаду, сражалась в Средней Азии с басмачами. И на этом посту И. Ф. Федько успешно выполнял задания партии, громил врага. Он участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа, ликвидации антоновских банд в лесах Тамбовщины. Здесь Федько познакомился с П. А. Павловым, от которого через четыре года принял 13-й стрелковый корпус.

В Восточной Бухаре он, как и в боях с бандами атамана Антонова, создал небольшие подвижные автот-

ряды для преследования басмачей. Применялись они на равнинах, а по пересеченной местности для этой цели использовались конные подразделения.

Вот уже нескольких месяцев Федько и Путовский работают вместе. Комкор часто советуется с начальником Особкора, понимая, что Путовский хорошо изучил басмаческие уловки, отлично знает обстановку, имеет большой опыт. День боев с басмачеством стоил пяти учебников военного дела. Война вообще полна случайностей, тем более война с коварным басмачеством, действовавшим изощренными приемами, используя, в частности, наставления инструкторов из империалистических разведок.

И Федько, и Путовский, хотя и занимали высокие посты, не избегали опасностей. На них лежало тяжелое бремя ответственности за проведение операций. Поэтому оба они были безоговорочно требовательны к подчиненным и себя не жалели. По складу натуры каждый из них был отважным бойцом.

Федько высокий, худощавый, тонкая талия туго стянутая армейским ремнем. Суровое, цыганской смуглоты лицо.

Встретившись сегодня, обменялись мнениями о ходе текущих боевых действий, каждый высказал свое суждение, сходились в главном — басмачи, хотя и терпят поражение, но еще не сломлены окончательно.

Путовский сказал:

— Ваши выступления на страницах газеты «По басмачу» точно определяют задачи войск...

— Польщен вашей оценкой...

Путовский словно невзначай заметил, что в штабе всем нужна особая настороженность, бдительность.

— Что же произошло?— почувствовав тревогу в словах Путовского, спросил Федько.

— Вы свой дом оставили без охраны,— ответил Пу-

товский.— Несколько басмачей перелезли через забор, их засекли мои сотрудники и схватили...

Федько почувствовал себя неловко.

— Рядом находится эскадрон.

И Федько, и Путовский жили по принципу: пока не лег спать — рабочий день. Разумом, сердцем, волей они принадлежали революции, в них бушевал внутренний жар, жажда действий — призвание сильных. Оба были справедливыми, решительными и смелыми людьми, умели вести за собой. Всем своим существом они принадлежали делу. Строгость, суровость, предельная требовательность — таковы черты их характера. Ведь уже не один год они находились в жестоких сражениях и всегда там, где проходила линия главного для страны фронта.

Федько обратил внимание на лицо Путовского — оно было очень бледным, глаза потускнели. Разговаривал он, словно превозмогая себя, тихим, чуть хриплым голосом. После непродолжительной беседы Федько окончательно пришел к выводу, что гость еще не совсем выздоровел и ему следовало бы находиться под наблюдением врача. Об этом комкор намекнул Путовскому, но тот обиделся и сказал:

— Свое состояние я знаю, не так уж все плохо. А теперь о делах. Позвольте сообщить вам о действиях наших врагов... Алимхан завершает мобилизацию своих, пожалуй, последних резервов. Видимо, наберет с полтысячи отчаянных головорезов. Но они страшнее многих действующих сейчас — хорошо обучены, есть пулеметчики, главное — в большинстве своем это фанатики, получившие богатые посулы денег, земель, чинов за участие в борьбе против Советской власти...

31 декабря 1924 года вблизи Гиссара Ибрагимбек собрал всех курбаши Локая и Присурханья. На этом сборище были подробно рассмотрены вопросы организа-

ции взаимодействия и тактики басмачей, особое внимание собравшиеся главари уделили попыткам привлечения к басмачеству населения и бухарской эмиграции.

— Ибрагимбек уже начал демонстративный рейд на основе принятых решений,— заметил Федько.—Мы опоздали с контрмерами. Ибрагимбек сломил наши заслоны и добился определенного успеха — вышел к Денау. Здесь он хочет подчинить себе непокорного Хуррамбека.

О том, как проходило совещание курбаши, Мурадов сообщил на конспиративной квартире Мирзо Шарифа Шакирова в Душанбе. Сюда он приехал с заданием Ибрагимбека разузнать всё, что можно о Душанбинском гарнизоне. Шишова поднял ночью с кровати, рассказал о планах курбаши.

...Хижину из камыша басмачи укрыли войлоком. В ней сделали сандалы, было тепло. Беседа шла неторопливо. Басмачи не опасались, что на них нападут красные. Ибрагимбек хорошо знал, что на смену испытанным в боях бойцам пришло новое пополнение из России. Они еще не приспособились к местным условиям.

В ходе беседы Ибрагимбек особенно яростно ругал курбаши за грабежи и убийства населения. Он так распалился, что вскочил с места и ударил камчой курбаши Афганчу. Тот молча принял удар, хотя он был такой силы, что порвался халат, обнажив полоску голой спины со вздувшимся рубцом.

— Буду наказывать любого курбаши и джигита, если продолжите грабежи. Бейте Советы, уничтожайте активистов, а дехкан сейчас оставьте в покое, не то время!

Говоря о военной подготовке басмачей и умении вести бой, Ибрагимбек объявил:

— Все обязаны научиться воевать, как красные. Ук-

ройся и отстреливайся, а не беги при первом крике «ура!» Не бойся сабли, у тебя в руке тоже сабля и винтовка. Твою чалму и толстый халат и сабля не возьмет, да и лошади у нас лучше. Надо биться упорно, уходить по команде, а не разбегаться, кто куда. Позор!

Нападайте из засад, когда вас впятеро больше, и не бойтесь пулеметов, а бейте по ним из своих. Так поступает Утанбек. Поучитесь у него. Красные проводят боевые занятия, а почему мы не можем? Врага надо знать и учиться у него, если он сильнее.

Ибрагимбек объявил, что все, что он сказал,—закон, такой же, как фирман эмира, от имени которого он действует.

— Я поражался,— рассказывал Мурадов Шишову,— откуда у него что взялось. Создалось впечатление, что он знает все о тактике Красной Армии, о требованиях устава. Это исходит, я думаю, от «гостей» из Афганистана — английских инструкторов и эмирских представителей. До совещания они с ним подолгу говорили, наверное, он получал указания о действиях в изменившейся обстановке.

Рейд Ибрагимбека намечается в направлении Гиссар — Денау и дальше на север. В нем отказался участвовать только Хуррамбек.

Шишов, услышав последнее, улыбнулся, подумав: «Что ж, рецепт для заносчивого Хуррамбека выбран нами правильно. Наш разведчик умело подогревает стремление к сепаратизму дерзкого атамана, толкает его на разлад с Ибрагимбеком».

Выслушав Путовского, Федько сокрушенно заметил:

— Наша войсковая разведка опоздала засечь бека в пути, а он тем временем прошелся по нашим тылам, нанес удары по небольшим гарнизонам.

Показав на висевшую топографическую карту, Федь-

ко стал обсуждать с Путовским меры по перехвату Ибрагимбека, когда тот будет возвращаться в Локай.

— Каким путем? Через Бабатаг на левобережье Вахша, через Джиликульскую переправу или же вверх по Кафирнигану?

— Для двух заслонов сил у нас мало... Проведем разведку, а потом решим...

— Мы ведем формирование в Локае четырех отрядов добровольной милиции, в том числе из земляков Ибрагимбека,— сообщил Путовский.— В них вступило уже более ста бедняков. Почти у каждого из них басмачи убили родственников. Так что будут воевать с ними беспощадно.

Комкор одобрил проделанную чекистами работу и добавил, что сегодня же отправит бойцов для перехвата Ибрагимбека.

У Путовского росли заботы. Все шайки — их по его данным и материалам войсковой разведки было 41,— надо было держать под наблюдением. Не хватало сил осуществить это. Донесения некоторых разведчиков опаздывали. И это огорчало его. Каждый доклад Шишова требовал решений и немедленных. Путовскому нравился этот опытный чекист, сочетавший рассудительность с быстрой реакцией на события, стремлением побывать на месте самому. Его строгие, внимательные глаза всегда были спокойны. Он умел сдерживать эмоции.

На этот раз Александр Иванович пришел со списками слушателей курсов ГПУ. Пробежав их, Чеслав Антонович увидел фамилии многих из тех, кого он лично рекомендовал, с кем беседовал перед тем, как послать на учебу.

Посмотрев и утвердив программу учебы, Путовский с удовлетворением подумал, что за несколько месяцев

будет подготовлена большая группа столь нужных оперативных работников.

— Надо постоянно внушать курсантам, что победа добывается умом, мыслью, а не кровью, не жизнью людей,—рассуждал вслух Путовский.— Сколько людей спасли наши разведчики... А, кроме того, пусть знают, что гладкой дороги у нас не бывает...

Через несколько дней после разговора Путовского с Федько о рейде Ибрагимбека к Денау комкор позвонил в Особый отдел:

— Чеслав Антонович, — сказал он,— известно, что Ибрагимбек распустил до весны почти все свои шайки. Будет накапливать силы к лету. Мы продолжаем преследование мелких шаек, у них обычная тактика — не принимают бой, уходят. Нужна ваша помощь.

Путовский сразу же отреагировал:

— Мы усилим разведку... Думаю, что постепенно накал борьбы ослабнет... У басмачей иссякают резервы...

...Из денауского рейда Ибрагимбек приехал к пещере Сарсаряк в приподнятом настроении — удалось проскользнуть без боя. Грузно слез с лошади и сразу же отправился в пещеру спать.

Тем временем на площадке готовилась еда — свежевались овцы, варился бараний суп — шурпо, жарилось мясо, пеклись лепешки.

Недалеко, на склоне горы, поросшей кустарником и высохшей травой, паслись овцы и волы. С каждым днем их становилось меньше — скот резали для басмачей. Фуражиры подвозили муку и другие припасы вьюками.

Среди самой большой группы басмачей не прекращался смех. Записной весельчак Мурадов, как всегда, рассказывал сальные анекдоты об обманутых стариках, похождениях их молодых жен. В самых пикантных мес-

тах рассказа Мурадов задерживался, давая возможность слушателям насмеяться вдоволь. За этим занятием застал Ибрагимбек свою охрану. Увидев его, басмачи поднялись с мест, почтительно прикладывая правую руку к груди. У входа в пещеру слуги расстелили ковры, а поверх одеяла. В центре большого ковра появилась шерстяная скатерть. Не успел Ибрагимбек сесть, как перед ним уже стояло деревянное блюдо с горкой мяса.

К дастархану он пригласил курбаши и объявил:

— Завтра поедете готовить отряды к лету. Сведения присылайте каждые десять дней. В начале мая всеми силами ударим по красным.

К байсунским басмачам Ибрагимбек направил своего приближенного Асадуллу с наставлениями:

— Не допускайте вражды между курбаши... Наш враг один — Советы.

Темиру-токсабо, представителю пяти каратагских шаек, Ибрагимбек объявил, чтобы слышали и другие:

— Заставьте всех ходить в мечети, все мусульмане должны молиться за победу нашего дела.

К вечеру Ибрагимбек послал Мурадова за находившимся под охраной в Сарсаряке Мулло Зиё. Тот вскоре прибыл.

Пригласив гостя к дастархану, Ибрагимбек заговорил с ним заискивающе:

— Просим вашего одобрения...

Предложил прочитать очередное воззвание к населению.

— Но вначале посмотрите письмо из Кабула.

Мулло Зиё стал читать:

«Мусульманские дела наши улучшаются, всем нам помогают Франция, Италия, Япония, Германия, Америка и Китай. Они дали нам 500 аэропланов, из каждого государства прибыла в Афганистан для нас большая помощь, которая ожидает нас на берегу Аму-Дарьи. Я

получил 1500 винтовок, боеприпасы. В скором времени ожидаю еще много оружия, войска и все идет без счета...

Пришлите от себя человека для осмотра прибывших войск от всех государств и всего оружия... После чего поедете обратно и будете готовиться к большой войне...»

...Безвыходность положения заставила Ибрагимбека в ходе сопротивления частям Красной Армии неоднократно менять тактику борьбы. В одном случае, прибегая к обману, он через своих людей распространял ложные слухи и письма, воздействовал на отсталую часть населения, внушая людям, что басмачество получает большую помощь со стороны всех государств мира, и что уже произошло свержение Советской власти во многих местах.

В письме-обращении к народу, которое Ибрагимбек дал Мулло Зиё для одобрения, говорилось:

«Извещаю всему населению, сотрудникам, отрядам и милиционерам святой Восточной Бухары, что в течение нескольких лет мы под давлением большевиков угнетались и страдали. По причине революции неверных вы пострадали, разорились: проливали бессмысленно кровь, оторвались от хозяйства и семейства.. Теперь для вас, мусульман, стараемся мы устроить спокойную жизнь, желая для вас кончить кровопролитие, освободить от гнета, дать навсегда спокойную жизнь и уничтожить врагов. Нужно создать мусульманскую власть и посадить над ними мусульманского царя.

Мусульманский народ!

Продолжайте поддерживать защищающую вас нашу армию, предоставляйте в её распоряжение снаряжение, продовольствие, фураж и лошадей. Не давайте большевикам людей в армию, милицию, не оказывайте большевикам никакой поддержки. Вступайте в наши отряды, они вас спасут, они вас поддержат и защитят».

Мулло Зиё читал и вспоминал свои прежние воззвания, где говорилось:

«Вам необходимо отдать все силы на служение исламу. Кто будет уклоняться или не исполнит возложенное на него поручение во имя веры, того ожидают жестокие наказания».

Не помогли угрозы. Народ не хотел возврата к прошлому, не верил басмаческим обещаниям, осознал, что кроется за ними.

Пока Мулло Зиё читал очередное воззвание к населению, Ибрагимбек продолжал беседу с вновь назначенным курбаши Абдулазизом, наставляя его.

— В случае, если кто-либо из населения будет уклоняться от исполнения долга, вам вменяется в обязанность применить строжайшие наказания.

— Какие?—спросил тот.

— Какие считаете нужными, — ответил Ибрагимбек.—Это мы внесем в новое воззвание. И еще помните,— лицемерно добавил он,— Некоторые грабят и разоряют дехкан, вопреки законам шариата. Виновных надо наказывать и тем успокоить пострадавших и удержать их за нами.

Абдулазиз ушел. Остались Ибрагимбек и Мулло Зиё. Лишь Мурадов подносил им чай, еду, находился вблизи обедавших.

Нарушив молчание, Ибрагимбек сказал:

— Сделайте воззвание таким, чтобы за душу брало каждого...

Мулло Зиё протянул руку к пиале, которую наполнил чаем Мурадов, и не спеша ответил:

— Бог запрещает отправлять людей на войну, которая не принесет победы. Вы же знаете, что народ не хочет кровопролития.

Мулло Зиё говорил и смотрел в пиалу. Ибрагимбек, слушая, тоже не поднимал взгляда. Он считал, что за

несколько месяцев домашнего ареста его бывший наставник отказался от мыслей о примирении с Советами и снова полностью будет поддерживать его. Ибрагимбек знал, что священнослужители Восточной Бухары желали освобождения Мулло Зиё. Они хотели знать: на чьей стороне он будет в это сложное время?

— Вы считаете, что нам не одолеть красных?— хмурясь, спросил Ибрагимбек у своего пленника.

Мулло Зиё покачал головой:

— Нет силы, которая одолеет Советы, Красную Армию и народ. Не спасет нас эмир, англичане, афганцы.. Надо сложить оружие... Благочестие не в том, чтобы вам обращать лицо свое к Востоку и Западу. Благочестивы те, которые верят в бога, в последний день, в ангелов, в писания пророков. Из любви к аллаху дарят из имущества своего ближним, сиротам, бедным странникам, которые совершают молитвы, верно исполняют обязанности, какими обязывают себя. Мы должны молиться и служить единому богу верой и правдой. Коран учит нас быть покорными, не выступать против предопределенного... Я ездил к Хуррамбеку, выполнил ваше поручение. Чем кончилось все? Я твердо решил — надо кончать войну. Гибнут рядом с неверными и мусульмане.

Ибрагимбек вскочил во весь свой могучий рост:

— Вон отсюда!—Схватив плетку, стал хлестать что попало.

Мулло Зиё в сопровождении Мурадова отправился в соседнее ущелье, где басмачи из охраны бека снова водворили его в пещеру.

Мурадов вернулся, когда Ибрагимбек ставил свою печать на воззвание.

Когда все ушли, на площадке стоял в ожидании приказаний лишь один Мурадов.

Ибрагимбек спросил:

— Неужели не догадался сунуть нож ему в спину?

Мурадов ответил:

— Я — ваш слуга... Ваш приказ выполню, как только скажете...

— Надо с ним кончать, но осторожно...—распорядился Ибрагимбек.—Сделайте так, чтобы люди подумали, что Мулло Зиё убили русские...

II

Повседневные заботы. На заседании Ревкома. Что писала «Правда». Статья в газете «По басмачу!». Из вражеской переписки.

По всему горному краю прошли праздники в связи с провозглашением Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики. Путовскому запомнились радостные лица людей. Народ чувствовал себя счастливым.

— Наконец-то таджики имеют свое народное государство. Мы будем защищать нашу республику, не жалея жизни,— говорили участники событий.

15 марта 1925 года на главной площади в Душанбе были выстроены подразделения 63-го кавалерийского полка, на торжество прибыли два отряда добровольцев, отдельный эскадрон 3-ей Туркестанской стрелковой дивизии и подразделения милиции, все пространство вокруг заполнили жители города.

В 12 часов на трибуне появились члены правительства. Под звуки «Интернационала» Чинор Имамов открыл митинг.

В наступившей тишине торжественно огласили Декларацию об образовании Таджикской Автономной Со-

ветской Республики. Осознавая величие свершившегося, люди хорошо понимали также, что это только начало, сделаны первые исторические шаги на пути построения нового общества, на пути к социализму.

Враг есть враг, он непримирим к Советам. Даже сегодня перед митингом в толпе ликующих людей чекисты задержали несколько вооруженных басмачей. Одного из арестованных допрашивал Путовский. Им оказался бывший крупный чиновник эмира.

— Зачем хотели омрачить народный праздник?—задал вопрос начальник Особкора.

Тот ответил:

— Для вас это торжество, а для нас—потеря надежды на возвращение эмира... Поэтому мы разжигаем вражду между таджиками, узбеками, киргизами. Главные наши враги — вы, большевики. Поэтому и хотели убить вас в этот день, хотели показать, что не допустим существования вашей республики.

Вскоре Путовский читал статьи во многих газетах страны о праздновании в Таджикистане провозглашения советской республики. Он радовался: доля его работы в этом успехе тоже имеется.

Тогда корпусная газета «По басмачу!» публиковала заметки о боевой жизни частей, положении дел на селе, о помощи, которую дехкане получили от военных. За это Путовский похвалил редактора.

Муллоджан Садуллаев сообщал в газете, что прорытый совместно с бойцами и дехканами канал для орошения 20 гектаров целины, дал влагу полям. А раньше было так,— писал он.— Бедняк и посеет, так воды не найдет. Теперь солнце всем светит. В других номерах все чаще мелькали статьи и заметки о делах невоенных.

«В Регаре красноармейцы построили кузницу и организовали ремонт омачей, кетменей и грабель»...

«Успешно работают два детских дома в Гарме и

Кулябе на средства из добровольных отчислений комсостава. Это сделано по инициативе чекистов»...

Путовский мечтал о таком времени, когда люди не будут нуждаться в хлебе, одежде, все дети будут учиться, а народ станет поголовно грамотным. Но как не просто к этому придти. Горная страна разорена басмачами, ни дня не проходит без боев. Но он верил в справедливость таджикской поговорки: «Черная туча прольется светлым дождем».

Путовский продолжал листать подшивку.

25 марта 1925 г. газета сообщила о том, что в феврале басмачи потеряли 113 человек. Кроме того, в плен сдалось более ста. Далее сообщалось о трофеях, захвате крупного курбаши Иргашхана.

Весьма характерной была заметка из Байсуна:

«Род ур из племени кунград в Байсуне в составе 600 кибиток отказался помогать басмачам, за это ему мстит курбаши Рахманберды».

В другом номере, в разделе «Боевая жизнь» сообщалось о боях оперативного отряда в Кулисуфиене с бандами Исмата Байтуры, у которого 200 джигитов. Басмачи потеряли многих убитыми и, бросив оружие, ускакали.

В следующем номере говорилось о коварстве басмачей, которые из-за угла ранили комбата Кули-Суфиенского гарнизона Вальдемара Юрьевича Покровского, который умер от потери крови.

Эти горькие строки и знакомые черты портрета, обрамленного черной рамкой, вызвало боль в сердце.

Путовский знал этого неразговорчивого, уверенного в себе латыша, члена партии с 1917 г., в Красной Армии с 1918 г. Два года они служили в одном гарнизоне.

Чеслав Антонович подумал, сколько представителей разных народов отдали жизнь за свободу Таджикиста-

на. Они и сейчас подвергают себя смертельной опасности, переносят голод, болезни, не щадят своей жизни.

Внимательно перечитал статью комкора И. Федько «О задачах борьбы с басмачеством».

Отметив успехи в борьбе с шайками, автор задавал вопрос: что же осталось сделать в 1925 году? И сам же давал ответы:

— Надо ликвидировать много мелких шаек. Они не дают народу спокойно жить бесконечными налетами. Их новая тактика — создавать нервозность, мешать мирному труду. Дехкане отворачиваются от басмачей, берутся за оружие, вступают в добровольческие отряды. И это большая подмога армии.

— Требуется еще одно усилие, чтобы нанести с помощью населения решительный удар по оставшимся шайкам. Надо карать активных пособников. Каждый командир должен уметь найти банду и разбить ее. Организация отрядов помощников — массовый подъем населения против басмачей — очередная задача...

Когда Федько обсуждал свою статью с Путовским, то спросил начальника Особкора:

— Можно ли решить эти задачи?

Путовский ответил:

— Такие задачи нужно ставить, но решить их сложно. Враг теперь действует очень скрытно, у него еще есть немало пособников.

Путовский изложил Федько содержание нескольких писем Алимхана. В них басмачам твердо обещана помощь. И она направляется, — заметил Чеслав Антонович.— Опираясь на нее, Ибрагимбек летом начнет против нас операции.

— Тем важнее своевременно начать мобилизацию всех наших сил,— сказал Федько. — О подготовке к активным действиям говорят маневры Ибрагимбека. Басмачи грабят хлеб в соседних с Локаем районах и раз-

дают его населению Явана. Стремятся привлечь его на свою сторону. Хитер наш враг.

Федько продолжил эту мысль:

— Какие только маневры, хитрости, изворотливость ни применял Ибрагимбек против нас.

— Но вы учтите, что ему помогают разрабатывать тактику извне, инструкторы у него опытные.

— Да,— согласился Федько.— Это нам с вами хорошо знакомо по борьбе с бандитизмом в России и на Украине.

Федько и Путовский обсудили успехи отряда Кувандыка из Явана. Он в Султанабаде — это в 20 верстах от Явана наголову разбил одну из шаек Ибрагимбека.

— Побольше бы таких отрядов! — похвалил Путовский.

— А Мулло Шариф со своими храбрецами! — добавил Федько.— Но вы правы, еще маловато по-настоящему ударных отрядов, кое-кто надеется только на помощь армии.

...Поздним вечером Путовский взялся за разбор следственных дел. «Дело Болты Кавказа»,— прочел он на обложке толстой папки. Вот краткая справка о нем: «Болта Кавказ — локаец из рода исаходжинцев. После смерти отца и матери стал конокрадом. В 1918 году локайцы поймали его и за конокрадство, по обычаю, отвезли к эмиру, сдали в сарбозы. Впоследствии Болта Кавказ отличился по службе и был назначен младшим командиром в личной охране эмира.

В Бухаре в то время шла ожесточенная борьба. Эмир беспощадно расправлялся с бухарскими революционерами. И первым палачом стал Болта Кавказ. Он лично вырезал несколько семейств, а в ночь на 4 сентября 1920 года убил со своим отрядом всех находившихся в тюрьме арестованных противников эмирского режима.

После революции 1920 года Болта Кавказ по зада-

нию эмира организовал в Локае шайку, которая действовала под руководством Ибрагимбека.

Болта Кавказ — старый басмач. В 1921—1923 годы он находился в личной охране Селима. В 1924 г. был ранен, скрывался в Бальджуане, потом перешел в Локай. Население, уставшее от его грабежей, сообщило о нем командованию. Он попал в засаду, спрятался в сарае. После того как сарай был охвачен огнем, Болта Кавказ поднял руки».

Дальше листок за листком шел перечень преступлений этого матерого убийцы — поголовная резня ни в чем не повинных людей, поджоги, изнасилования, угон скота, уничтожение посевов.

Путовский, утвердив дело для передачи в суд, сделал пометку: «Этот пострашнее, опаснее всех курбаши. Ему нет пощады».

Затем Путовский перешел к чтению последних писем эмира к Ибрагимбеку, копии которых привез Шакиров.

«Через специальных курьеров Вашего превосходительства Мухаммеда Касима и Мирзы Селим-паши ваши письма благополучно получены,— писал эмир.— Вы докладываете, что в течение всего зимнего периода у Вас с презренными неверными было три—четыре сильнейших боя и подчеркиваете, что это был настоящий джихад.

Ваши доклады побуждают меня выразить Вам и всем участникам боевых операций нашу глубочайшую благодарность. Мы получили сообщение, что Хуррамбек изволил, наконец, образумиться и явиться в стан Вашего величества. Необходимо, чтобы между верноподданными не было трений, особенно в такое тревожное время».

И еще одно письмо. Придворный эмира по его поручению пишет Ибрагимбеку:

«Ваше превосходительство, после вознесения молитв господу богу о здравии и благоденствии Его Высочества эмира и о даровании Вашему превосходительству сил и здоровья, продолжать то великое дело, которое Вы творите для нашей родины и мусульманской веры, извещаем, что Ваше драгоценное донесение благополучно получено»...

— Вначале побывав у нас,— с улыбкой подумал Путовский.

«Его Высочество по-прежнему к Вашему превосходительству расположен и по-прежнему высоко ценит все Ваши труды.

Положение Его Высочества со всем двором слава богу благоприятное.

Настоящим сообщаю также, что Его Высочество изволили милостиво выслушать доклад прибывших ко двору Его Высочества Мухаммед Касима и Мирзы Селим-паши. Его Высочеству богоугодно было познать многочисленные успехи вашего оружия и, в частности, Его Высочество спрашивал после доклада о Вашем здоровии и положении лично Вашем.

Благоприятный ответ прибывших удовлетворил Его Высочество, и оставил его довольным всем доложенным.

Его Высочеству богоугодно было обратить внимание на некоторых из муджахидов, доказавших свою преданность престолу, и он велел повысить их в званиях и чинах.

Его Высочеству богоугодно было отпустить также Мухаммед Касима. Он имеет возможность отправиться к Вам и передать Вам все нужное. Ему также вменяется в обязанность обследовать положение дел на местах и, возвратившись, доложить Его Высочеству. Не откажите ему в содействии по выполнению возложенной на него задачи».

А вот письмо Ибрагимбека Бури Токсабо-курбаши

из Хаиака: «Вчера из кишлаков Бинкашкак, Дуржар-Маляик и Кзыл-Малянк врагн сделалн иападение на иаши войска. Двух превратили в великомучеиииков и взяли добычу 13 лошадей. Вследствие чего довожу до вашего сведеиия к иемедлениому исполнеиию: собрать сейчас же с жителей озиачеиных кишлаков: 13 лошадей и 3000 таиьга. Или изгоиите подальше куда-нибудь жителей этих кншлаков иезамедлительио.

Ибрагимбек».

Путовский припомиил: иет, не удалось курбаши выполиить этот прнказ. Ни лошадей, ии деиег не получнл. Отряд добровольцев отбил его налет, едва уиес ноги Бури-токсабо.

Путовский прижал руку к сердцу. Оио побаливало, сжималось, все чаще появлялнсь перебои. Ои никому не говорил об этом, ие жаловался, все откладывал визит к врачу.

На память почему-то пришлн строки польского поэта:

В сердце, не в разуме
правда гнездится,
Если наш разум нас
ввергнет в страданья,
Сердце замрет — и сильней
станет биться.
Именно в сердце суть
жизнь и знанья.

III

На заседании Правительства. Весенняя засуха. Помощь из России. Найти Мулло Зиё. Чекистские курсы.

Стояла на редкость засушливая весна. Озимые культуры едва набирали силу. И Правительство республики обратилось за помощью к Москве. Оттуда последовал немедленный деловой ответ — зерном, товарами, разнообразной поддержкой.

Члены Ревкома особенно озабочены были наступающей засухой. Басмаческие агитаторы объявили засуху «карой бога» за то, что жители Таджикистана попирают ислам, хотя всем было известно: кто желает молиться — пускай молится — восстановлены разрушенные басмачами в ходе войны мечети. Молили бога дать дождь во всех местах, но аллах был глух к этим молитвам.

Часть мулл — сторонников Ибрагимбека и старых порядков объявила, что широко известный в народе Мулло Зиё убит русскими. Иброн об этом спросил Путовского: что произошло с Мулло Зиё?

Тот ответил:

— Выясним... Мы имели возможность снова захватить его, но не трогали. Надеялись, что он склонит Ибрагимбека к сдаче... Повидимому, из этого ничего не получилось...

Путовский сообщил, что все подготовлено к открытию курсов ГПУ для местных активистов.

— С басмачами покончим, но еще останутся агенты контрреволюции, — сказал он. — С ними будут вести борьбу в основном местные кадры. Не обойдется без заговоров, провокаций, злобной клеветы. Этими приемами наши враги пользуются и сейчас. И если повернть

их доносам, то следует и меня считать... другом Алимхана...

Члены Ревкома дружно рассмеялись...

Путовский сообщил о контрабандных товарах, которые проникают через границу.

— Мы еще не в силах всех задержать. Караваны проходят открытыми тропами, в погоне за наживой их укрывают сообщники из местных торгашей.

— Мы должны ловить контрабандистов и на базарах,— откликнулся репликой Иброн.— Это дело Советов.

Ревком вынес решение о борьбе с торговлей контрабандными товарами, утвердил несколько смертных приговоров, вынесенных народными судами басмаческим вожакам, совершившим злейшие преступления.

Путовский вернулся после заседания разбитым, кололо сердце... Расстроило письмо жены. Болел сын Гена. Ах, как хотелось ему увидеть жену и сына. Растет без отца. Хотел взять отпуск, но неотложные дела всякий раз заставляли откладывать сроки.

Жене он писал, что в конце года обязательно приедет повидать родных или же вызовет их к себе. Он опасался, что к жене и сыну прицепится малярия или еще какая-нибудь болезнь. После смерти дочери в Гдовске, он особенно беспокоился за сына.

К вечеру пришел Шишов с обзором боевых действий, подготовленным для Ташкента. В нем сообщалось, что части корпуса перешли в наступление. Есть случаи перехода басмачей на нашу сторону. Сдавшиеся заявляют, что готовы честно перейти к мирной жизни и даже с оружием в руках выступить против басмачей.

Шайка Исмата потеряла половину состава. Шайка Барата ускользнула в Афганистан. Упорно дерется шайка Бойтуры...

Дальше шло перечисление успехов частей в боях с басмачами...

Шишов прокомментировал обзор:

— Регулярнее стали поступать сводки наших разведчиков, научились лучше работать, да и курбаши вынуждены ослабить бдительность, не до этого им теперь.

Путовский молча походил по кабинету.

— Наступил окончательный перелом в нашу пользу. Но агония басмачества может продолжаться еще долго. Таков закон классовой борьбы.

Путовский морщился, прижимал руку к сердцу...

— Шалит что-то...

Налил в стакан воды, добавил сердечных капель и залпом выпил...

Шишов спросил:

— Врача?

— Нет... Сам себе лекарь...

Через несколько минут боль отступила, стало легче дышать. Подписав обзор для Ташкента, Путовский спросил у Шишова:

— Что же произошло с Мулло Зиё?

— Выясняем... Запросили у Мулло Шарифа. Это в его зоне действий. Он пока ничего не знает. Мурадов сообщил, что Мулло Зиё куда-то исчез.

IV

Эмир ободряет Ибрагимбека. Борьба с голодом. Сводки разведчиков. Бесперспективность басмачества. Шли стычки. Гибель Мулло Зиё.

Рано утром Путовский поднялся бодрым и свежим. Сделав зарядку, умывшись, как обычно, до пояса холодной водой, он позавтракал, сел за работу.

В папке лежали сводки боевых столкновений. По ним было видно, что басмачи придерживаются своей тактики — нападать на небольшие гарнизоны, на связистов, рушить телеграфные столбы, устраивать засады, распространять провокационные слухи.

Когда в кабинет вошел Шишов, Путовский спросил его:

— Как вы оцениваете действия басмачей? Мне хотелось бы уточнить с вами общую ситуацию.

Шишов ответил, что в разведсводках сообщалось о некоторой активизации боевых операций басмачей с марта. Но их нынешние действия значительно слабее прошлогодних. Самая большая шайка собирается в 200—300 человек, а вообще предпочитают действовать мелкими группами.

— С началом весны усилили террор против актива. Новое в действиях басмачей — вывоз хлеба из Сурхан-Дарьи в Локай... Грабят, чтобы поддержать пособников.

— Каковы ближайшие перспективы?

— Поскольку народ, за исключением соплеменников Ибрагимбека, отвернулся от басмачей и его главная сила — джигиты, прибывающие от Алимхана, то можно говорить о том, что неотвратимо наступает конец басмачества.

— Вы правы! Последние данные явно подтверждают это.

Путовский читал лаконичные сводки Шестопалова:

«Гаюрбек и несколько мелких курбаши совместно действуют в районе Джальджит. Банда потеряла много джигитов. Затем отделившийся от остатков шайки Рахманадодхо Гаюрбек был обнаружен в районе Нурека, где находился шесть дней.

Объединенная банда Гаюрбека (до 200 джигитов) в ночь на 6 марта попыталась произвести налет на гарнизон Янги-Базара, открыв по таковому сильный ружей-

ный огонь. Находившийся в это время в кишлаке Фаришты (5 верст восточнее Рохаты) конный отряд 7-го стрелкового полка из 35 сабель выслал 25 сабель в указанный район. Остальные 10 сабель вместе с подошедшим сборным отрядом эскадрона 3 дивизии и дивизиона ГПУ в 34 сабли под командой комэска Борисова, услышав стрельбу, выступили в Янги-Базар. Здесь на восточной окраине атаковали банду. Потеряв двух джигитов, басмачи скрылись.

Отряд 47-го кавполка в 27 сабель при двух пулеметах под командой комэска Ткаченко, следуя с линейным имуществом из Файзабада в Султанабад в 11 часов 7 марта, в районе кишлака Локай Беги (6 верст юго-восточнее Янги-Базара), был атакован объединенной бандой Игамберды и Гаюрбека (до 350 джигитов). В результате боя ранен комэска Ткаченко, убито 7 красноармейцев, 2 красноармейца ранены. Налет отбит».

— Итак, нынешняя ударная кампания проходит успешно. Лозунг: через разгром Ибрагимбека к мирному строительству национальной культуры и хозяйства теперь, пожалуй, воодушевляет каждого дехканина. Да и сил у нас стало больше. 150 мелких гарнизонов охраняют мирный труд. Сколько у Ибрагимбека по вашим данным сейчас джигитов?

— До трех тысяч,— ответил Шишов.

Путовский задумался:

— Пополнил, значит, за зиму шайки?

— С ним было тогда 350 джигитов.

Шишов сообщил, что от хафиза Юнуса из Бальджуана получено известие, что басмачи готовят там базы снабжения, запасают зерно и скот. По его справедливому мнению, не надеясь на успех в долинах, Ибрагимбек будет прятаться в горах, не упуская из виду и возможности уйти в Афганистан.

Путовский задумался:

— Хитер, хитер... Закладывает основу для будущего, ведь обеспечивать бандитов продовольствием ему стало значительно труднее. Вот и стремится сделать запасы. Но под эти действия Ревком подвел еще одну мину.

Путовский показал Шишову проект постановления об упразднении бывшего эмирского чиновничьего аппарата. В нем говорилось о ликвидации амлякдаров, которые собирали налоги и нередко намеренно запутывали учет, немало из собранного передавали басмачам.

— Ведь это была самая настоящая легальная агентура врага. Теперь ей конец.

Разговор перешел к переписке Ибрагимбека с Алимханом и его окружением.

— Читаю и думаю: понимают, что проиграли, но делают вид, что верят в успех. Но это не только и не столько самообман, сколько попытка обмануть других, стремление хоть как-то отодвинуть крах.

Телефонный звонок оторвал Путовского от беседы.

— Вас приглашают на заседание правительства...

Это было 12 апреля 1925 г. Заседание открылось тревожным сообщением Имамова:

— В Кулябе начинается голод. Там имеется семенной фонд, но если раздать все семена, нечем сеять, да это и не спасет людей. А пока придет помощь из центра, а она нам обещана, боюсь, будет поздно.

— Выход один — срочно найти хлеб на месте, — предложил Путовский, — Не везде же у нас засуха.

— Я договорился с земляками из Гарма, они отправили 50 тысяч пудов.— объявил Иброн,— И это без ущерба для будущих посевов. Есть предложение — поблагодарить за это дехкан Каратегина. Их помощь даст передышку. Но надо срочно собрать все излишки хлеба в других благополучных районах, не допускать гибели людей от голода.

Путовский доложил, что им проверено дело Баурака Нурматова из племени исаходжа. Он оказался не только отъявленным бандитом, но и провокатором. Посылал в особый отдел злонамеренную клевету на Мулло Шарифа, Куваидыка и других командиров отрядов, обвиняя их в том, что они — пособники басмачей.

Приговор Верховного суда о расстреле басмача-провокатора следует утвердить.

Заслушано дело Саидмурада Мухаммада Мукимова из Юрчи. Будучи председателем Юрчинского ревкома, он помогал басмачам, отбирал у населения хлеб и оружие, передавая шайкам, тайком убивал активистов.

— Злейший враг, ставленник Хуррамбека, приговор суда надо утвердить,— высказал свое мнение Иброн.

С ним согласились все.

Было принято решение об объявлении ряда районов Таджикистана на военном положении.

— Надо кончать с басмачеством,— прокомментировал проект постановления Имамов.— Вы все проект читали, вносили поправки и теперь надо принять окончательно.

Чинор Имамов вскинул быстрые черные глаза, подвел итоги обсуждения короткой речью:

— Это постановление позволит нам использовать все имеющиеся возможности и способы борьбы с басмачами и придаст максимальную гибкость нашим мероприятиям. Оно потребует от всех нас величайшего напряжения и умения искоренять те основы, на которых зиждилось басмачество. Намечены реальные экономические, политические мероприятия как по отношению к бедствующему мирному населению, так и по отношению к сдавшимся, но не устроенным басмачам. Всякая несправедливость, головотяпство любого военного и советского органа или работника влекут за собой недовольство среди населения.

Поэтому нужно быть чрезвычайно осторожным, учитывать обстановку, настроения и нужды населения, работать так, чтобы само население стало все более активным помощником в борьбе с басмачеством.

— Части Красной Армии пользуются среди населения и авторитетом, и любовью,— подхватил мысль Имамова Путовский.— Мы должны укреплять и развивать эту дружбу.

— Давайте обратимся к воинам 13-го стрелкового корпуса с призывом, где изложим эти мысли, — предложил комкор Федько.— Есть проект.

«На Вас,— говорилось в этом документе, в частности,— возложена ответственная задача: скорее добить остатки басмачества и дать возможность трудящимся Таджикистана заняться восстановлением разрушенного хозяйства. Для этого необходимо создание мирных условий труда и гарантия безопасности границ Таджикской Советской республики, дехкан и батраков... С Вами трудящиеся Советского Таджикистана, они вам помогут».

Предложение было принято, обращение утверждено.

Пока шло заседание, Мулло Шариф Рахимов с нетерпением ждал Путовского. А тот долго не приходил. Рахимов уже два раза сходил в чайхану, перекусил, попил чаю.

Хотел поговорить с Шишовым, но тот отправился в особый отдел 3-ей стрелковой дивизии, стоявшей в Душанбе, к Маевскому, который задержал представление оперативной сводки.

Маевского Шишов застал за допросом курбаши Афганчи. Тот говорил резко и откровенно:

— Я был басмачом потому, что хотел вернуть власть, землю, тысячи овец, мардикоров баям. Теперь у меня кроме джигитов ничего нет. Я буду воевать с кафирами.

— Отвести в тюрьму, дело — в суд, — приказал Маевский вызванному конвоиру.

Когда басмача увели, Маевский сказал:

— Включу в сводку последние данные и пришлю. Сказать по правде, известия горькие. С крупными шайками мы покончили, но посмотрите сколько горя еще приносят озверелые недобитки. Вот послушайте: «Шайка Хамида вырезала 13 человек в Каратаге. Террору подвергаются не только бедные дехкане, но и женщины и дети, а также и духовенство, порвавшее с басмачеством...

«Вблизи кишлака басмачи задержали 12-летнего мальчика. Его обыскали, нашли 10 советских копеек. Бандиты, обвинив его в шпионаже, убили»...

«В Файзабадском районе по приказу курбашей Данияра и Гайрата вырезали 50 человек.

...Бобомурат зарезал трех женщин в том же месте. Отмечены случаи разрезания рта до ушей, в левобережьи Вахша расстреляны три женщины и 25 мужчин. Повешено четыре, обрезаны носы и уши у трех. Изнасилованы две женщины...

— Да, перечень этот всю душу переворачивает. Басмаческую язву жечь надо каленым железом, судить захваченных всенародно, чтобы люди знали: никто из этих проклятых убийц не уйдет от расплаты.

Шишов вернулся в отдел, когда Рахимов взволнованно рассказывал Путовскому о судьбе Мулло Зиё:

— Мы преследовали небольшую шайку,— Басмачи скакали к переправе у Чортута на Вахше. Бросили по дороге труп и сами, заняв позицию за камнями на левом берегу Вахша, мешали переправе, а затем скрылись.

Когда мы осмотрели оставленного на дороге, то поняли... его убили басмачи. Два раза ударили ножом прямо в сердце. Выходит, своего убили. Я пригляделся

и узнал... Ведь это Мулло Зиё. Пришли жители Чортута. И они узнали Мулло Зиё. Мы его похоронили по всем мусульманским правилам.

Путовский подробно расспрашивал о смерти Мулло Зиё.

— Убил его Ибрагимбек,— сказал, обращаясь к Рахимову, Чеслав Антонович.— Мулло Зиё, видимо, предлагал ему кончить братоубийственную войну, сдаться народной власти. Понял Ибрагимбек, что не будет ему больше служить этот мулла. Убил, а объявил, что это сделали мы... Сейчас об этом говорят во всех мечетях...

— А я не знал...

— Вы — разведчик, надо бывать и в мечетях, хотя бы послушать, о чем там говорят. Вы поедете за врачами, они составят акт о причинах смерти Мулло Зиё.

Путовский позвонил Иброну:

— Как я и думал, Ибрагимбек убил Мулло Зиё.

— Мы об этом расскажем народу. Я с Федько на неделю еду в Яван. Всем расскажу,— ответил председатель Ревкома.

Шишов напомнил Путовскому старую информацию Мурадова:

«Ибрагимбек собирается убить Мулло Зиё за отказ участвовать в подготовке воззвания к населению».

— Дело не только в воззвании,— пришел к заключению Чеслав Антонович.— Мулло Зиё, видимо, осознал, что идти с басмачами — значит вредить своему народу, видно, насмотрелся и на потоки крови, и на слезы сирот. Мне кажется, он чувствовал, что обречен и хотел умереть мучеником, а не врагом народа.

— Мулло Зиё понял, что не быть господству эмира над познавшим свободу народом,— продолжил свою мысль Шишов.— Создана республика. Не быть ему главным муллой в правительстве Ибрагимбека. Все надежды рушились... К нам он открыто перейти не решал-

ся... Дуккур говорил, что в его душу наше хорошее отношение внесло сумятицу...

— Народ отвернулся от Ибрагимбека,— вступил в беседу Рахимов.— Люди поняли, что у них есть теперь своя республика. Она их защита и надежда. А что обещает Ибрагимбек? Сохранение прошлого, а что это такое — мы хорошо знаем — нищета, молитвы и голод, вражда между племенами, угнетение.

Я из Арал-Тугая. В прошлом году там не было кишлаков, там скрывались шайки. Теперь там живут 500 дехканских семейств. Они использовали кредит для построек, осушительных и оросительных работ. Засеяли 250 десятин хлопчатником, на будущий год ожидается 2000 десятин. Отряды самоохраны не пустили басмачей ни в один кишлак. И мы шайку разбили возле Дагана-Киика.

— Басмачество в корне подорвано,— заключил Путовский,— мы научились бить шайки...

Получив задание действовать в Яванской долине, Рахимов ушел.

Шишов разложил на столе крупномасштабную карту и показал на ней места, где еще действуют басмачи. Затем раскрыл тетрадь. Сверив с записями в тетради, Шишов сказал:

— Почти во всех шайках у нас уже по несколько разведчиков. От них регулярно идет информация. Ваше поручение выполнено.

— Да, повидимому, еще год придется повоевать с басмачами. А потом с остатками справится милиция... Наиболее отличившихся разведчиков отзовите на курсы. Их опыт пригодится.

Путовский поинтересовался новостями из Кабула...

— По-прежнему беснуется там контрреволюция в связи с созданием Таджикской республики. Алимхан часто совещается с англичанами, наносят ему визиты и

немцы, американцы, японцы, китайцы. Секретари ежедневно пишут приказы Алимхана Ибрагимбеку и Хуррамбеку, воззвания к населению Бухары. Вот выдержка из одного из них, последнего:

«Мусульманский народ! Продолжайте поддерживать защищающую вас армию, предоставив в ее распоряжение снаряжение, продовольствие, фураж, лошадей. Не давайте большевикам людей в армию, милицию, не оказывайте большевикам никакой поддержки. Вступайте в мусульманские ряды, они вас спасут, они вас поддержат и защитят».

Путовский спросил:

— А вы помните, как в прежних воззваниях говорилось: кто откажется пойти в басмачи, будет уничтожен... Эти воззвания еще раз показывают: плохи дела у басмачей... Но линия все та же — взывают к чувствам верующих. Делают вид, что нет той пропасти, которая отделяет мусульманина-бедняка от мусульманина-помещика, бая, чиновника.

Покончив с делами, Путовский взял со стены флейту и стал наигрывать польские народные мелодии.

— Эта музыка возвращает меня в родной дом, — чуть смущаясь, объяснил он.

Допоздна Шишов сидел в кабинете, анализируя полученные от разведчиков данные. Выполняя указания командования, намечал операции против замыслов врагов, готовил справки для штаба и политотдела корпуса. Долго не мог уснуть... Его тревожило состояние здоровья Путовского, обычно энергичного, целеустремленного, оптимистичного. Во время вечерней встречи казалось, что в нем что-то сломалось, говорил устало, с запинкой. Шишов ушел от начальника с чувством беспокойства.

Путовский сел за доклад к партийному собранию. Тема выступления — «Культура чекиста». В конспект

речи он занес свои мысли об исламе, шариате, о том, что чекисты должны изучать Восток, его культуру, быть внимательными к местным обычаям.

Когда утром Шишов пришел на обычный прием, сотрудники отдела, стараясь говорить тише, сообщили ему, что начальник еще отдыхает.

Шишов, зная беспокойный характер Путовского, сказал:

— Не может быть...

Решительно вошел в кабинет. За ним остальные сотрудники.

— Врача, срочно врача...

Путовский, склонив голову на руки, сидел за столом, на котором лежали листки исписанной бумаги.

Врач, осмотрев Путовского, снял фуражку:

— Умер...

Сразу же была проведена медицинская экспертиза, на которой присутствовал и Шишов.

— Больное, изношенное сердце,—заключил хирург.— Он всегда очень напряженно работал, мало спал... Жил на нервах. Силы у него были исчерпаны, израсходованы до дна...

В тот же день во все организации и воинские части республики — в Средазбюро, РВС Туркфронта, ПП ОГПУ, ЦК КП Узбекистана, представительства Таджикистана поступило сообщение:

«С глубокой скорбью сообщаем, что 22 апреля в 10 часов по Солнцу скончался на посту стойкий товарищ, солдат и революционер, борец за освобождение трудящихся Востока, член Правительства Таджикистана, начальник Облотдела ОГПУ Таджикистана и начальник особкора 13 стрелкового корпуса Путовский Чеслав Антонович.

Похороны — 24 апреля — объявляется днем траура в Таджикской социалистической республике».

Затем последовало еще одно траурное извещение, разосланное по всей молодой республике:

«С глубокой скорбью сообщаем: 22 апреля в 10 часов по Солнцу скончался на посту стойкий товарищ, солдат и революционер, борец за освобождение трудящихся Востока, член Правительства Таджикистана, нач. обл. отдела ОГПУ Таджикистана и нач. особкора Путовский Чеслав Антонович.

Во всех городах, кишлаках Таджикистана вывешиваются траурные флаги с 2 часов до 6 часов прекращается торговля.

Вынос тела с участием партийных, общественных организаций и войсковых частей состоится в 4 часа дня из здания Облотдела ОГПУ Таджикской республики, откуда похоронная процессия направится в новый город, где и будет погребено тело умершего товарища против воздвигаемых правительством зданий в сквере.

В память скончавшегося Чеслава Антоновича Путовского сад за Политпросветом переименовывается по имени тов. Путовского и именуется его именем главная улица нового города.

Для проведения похорон утверждена правительственная комиссия из товарищей Юсупова, Паглина, Раджабова, Юрина, ответсекретаря Оргбюро Толпыго».

Газета «По басмачу!» напечатала биографию Ч. А. Путовского. В ней говорилось:

«Ч. А. Путовский родился 13 июня 1887 года в Варшаве. Выходец из семьи польского учителя, окончивший художественное училище, он еще юношей, в канун революции 1905 года, вступил в тайный социал-демократический кружок. Здесь он получил основы марксистской и боевой закалки. Научился отлично владеть оружием, охраняя революционных ораторов на массовых митингах, и когда дрался с «черной сотней» на баррикадах Варшавы.

Под руководством Юлиана Мархлевского и Феликса Дзержинского началась у Путовского дорога в революцию. «В виду преследований со стороны царской охранки, — писал Ч. А. Путовский в своей автобиографии,— я уехал в Австрию, а в 1907 году перебрался в Париж». На французской земле вместе с русскими революционерами, будущими советскими наркомами Н. А. Семашко и Н. П. Владимирским Путовский перебивается случайными заработками, работает металлистом, шахтером. Именно тогда во всей полноте он изведал нелегкую долю политического эмигранта. Человек большой воли и выдержки, он в свободное время продолжал изучать книги Карла Маркса и Ф. Энгельса. Удалось ему добыть и книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Ему легко давалось изучение языков. Он хорошо владел русским, свободно говорил на французском и немецком, объяснялся по-итальянски. За годы работы в Средней Азии он овладел таджикским и узбекским языками.

В составе Польского легиона, сформированного во Франции, Чеславу Антоновичу удается в 1915 году вернуться в Россию. Он принимает участие в боях против немцев и за боевые заслуги получает награды.

Летом 1917 года на собрании солдат и офицеров 70-го полка его избирают председателем полкового и членом дивизионного совета солдатских депутатов. На бурных митингах, обсуждавших жгучие вопросы войны и мира, он разоблачает гнусную политику буржуазных партий и их вредные для народа лозунги «Войны до победного конца».

В марте 1918 года Ч. А. Путовский — доброволец Красной Армии, командир роты Бауманского латышского полка. Здесь в августе 1918 года он был принят в члены партии.

С 1919 года начинается чекистская деятельность Ч. А. Путовского.

Буржуазия не могла смириться со своим поражением. Опираясь на черносотенных царских генералов, она предпринимает попытки подавить главные силы революции, захватить Петроград. Во главе белогвардейских полчищ — генерал Юденич.

ЦК РКП(б) мобилизует тысячи коммунистов для укрепления Красной Армии, создаются части особого назначения, и тогда новые силы обретает 7-я армия, на которую возложена была обязанность защитить колыбель революции.

Враги Великого Октября действуют с обычным для них коварством с фронта и тыла. Оперативно, энергично работают чекисты. В октябре — ноябре 1919 года ВЧК ликвидирует шпионские гнезда, в том числе и «национальный фронт» в Петрограде, состоящий из белых генералов, офицеров и прочих контрреволюционеров. Штабы 7-й армии и Балтийского флота очищаются от изменников. В проведении этих операций активное участие принимал и Ч. А. Путовский, руководивший одним из отделов ВЧК при Революционном Военном Совете 7-й Армии. Он успешно выполнил ряд заданий по разоблачению заговоров контрреволюции в Петрограде, Гатчине, Колпино. К концу декабря 1919 года белогвардейская армия Юденича под Петроградом была разбита. И немалую роль в этом сыграли чекисты.

Осенью 1919 года Ч. А. Путовский получил назначение на Псковский пограничный участок и вел борьбу с закордонными бандами Булак-Балаховича, которому удалось уйти за границу. К этому времени Чеслав Антонович был уже далеко не тем «новичком» в боях с тайными и явными врагами революции. В сложной боевой обстановке, на фактах раскрытия и ликвидации вражеских заговоров Ч. А. Путовский многому научил-

ся. Затем служба в Смоленске и Москве. С осени 1922 г. он работает в Бухаре».

Газета подробно рассказала о том, как Путовский руководил чекистами в борьбе с басмачами, каким он был душевным человеком, настоящим большевиком.

Центральная улица Душанбе была заполнена траурным шествием. За гробом шли члены Оргбюро, Правительства республики, тысячи дехкан из близлежащих кишлаков пришли проводить Путовского в последний путь.

У гроба боевые товарищи поклялись быть верными чекистским заповедям, отдать все свои силы служению революции, народу.

— Прощай, мой друг,—сказал Чинор Имамов,— Таджикский народ никогда тебя не забудет. Ты—сын Польши — стал героем нашего народа.

Под залпы воинского салюта гроб с телом Путовского был опущен в могилу.

V

Хроника событий. Что сообщила газета «По басмачу!». Материалы читает следователь по особо важным делам.

В особом отделе корпуса долго скорбели о Путовском. Новый начальник — Альфред Карлович Педдер, почувствовал стремление людей работать так, как учил их Путовский, самоотверженно, не жалея сил, как не жалел их Чеслав Антонович. Обстановка четкой, напряженной работы царила везде.

Педдер был удивлен, какими интереснейшими данными об эмире и его окружении располагает особкор. Шишов каждый день сообщал о сводках разведчиков,

докладывал о делах зарубежной службы. Об этих людях с теплотою говорил:

— Воспитаны Путовским...

— Будем соблюдать все традиции моего предшественника,— объявил на собрании чекистов Педдер.— Никаких перестроек.

Работа отдела шла так же, как и прежде. Командование корпуса получало точные данные о намерениях и действиях басмачей и зарубежной контрреволюции, своевременно предпринимая ответные меры. Политорганы учитывали сводки особистов в своей работе.

А. К. Педдер просматривал подшивку газеты «По басмачу!». Из номера в номер в ней печатались сообщения о боевых действиях. В майском номере 1924 г. газеты сообщается об успешных действиях Красной Армии против басмачей. Убит крупный курбаши Худайберды. Захвачен Бобо Мурат, имевший эмирский чин мирахура. В июне 1923 г. он сдался, а в марте 1924 г. — снова басмач, и вот пойман, будет суд.

В номере за 21 мая сообщалось, что басмачи убивают джигитов, сдающихся в плен, но они продолжают переходить на нашу сторону. С первого мая перешло с оружием 49 джигитов. Через неделю газета пишет: 25 мая в Оби-Гарме сдался Гадо Каландар с 13 джигитами. В Файзабаде пришли к нам четыре басмача с курбаши Данияром. В Оби-Гарме — два столкновения с Гаюрбеком.

Сообщения о совещании курбаши в горах Чолтау. Его провел Ибрагимбек, призвав население левобережья помогать ему. Но мало кто откликнулся на этот призыв.

По решению Ревкома в Бальджуане состоялось собрание влиятельных лиц, духовенства. Присутствовало 400 человек. Собрание решило:

— Басмачеству должен быть положен конец.

Такое же собрание состоялось и в Кангурте. При-

сутствовало 600 человек. 40 активных пособников басмачей тут же были переданы властям.

Собравшиеся решили выделить тысячу краснопалочников и направить их в помощь красноармейским отрядам. А уже назавтра состоялся бой с Ибрагимбеком, в котором приняли участие многие из них. Отряды краснопалочников почти не имели оружия, но люди, пришедшие в отряд, имели крепкие руки и смелые сердца. «Калтакдорони сурх» — краснопалочники успешно отражали налеты басмачей, перекрывали пути к бегству, в боях захватывали оружие.

2 мая на кишлак Сараасие близ Душанбе налетело 16 басмачей. Население расправилось с шайкой.

Подробно сообщила газета о суде над курбаши Афганчей. Его судили 31 мая на Душанбинском базаре. Народ слышал, где, когда, сколько убил он дехкан и красноармейцев.

В газете «По басмачу!» от 12 июня подводились итоги двух месяцев ударной кампании. Говорилось об уничтожении многих курбашей и их подчиненных.

21 июня 1925 года комкор И. Федько пишет в газете «По басмачу!» о том, что с марта по июнь убито 500 басмачей, сдалось 40. Шайки ушли в горы и оттуда делают налеты на кишлаки.

Стойко бьются красные воины. У Кангурта в кибитке басмачи застали командира взвода 71 кавполка т. Федорца, сына ленинградского рабочего. Он отстреливался пока мог, потом сгорел вместе с домом...

2 июля газета сообщает: «Постановлением Союзного правительства, Таджикистан освобожден от сельхозналога. В связи с этим Ревком объявил 6 июля народным праздником».

Под рубрикой «Добьем басмачество» сообщается, как отряд из 30-ти красноармейцев в Шулюме отбил атаку банды Хуррамбека из 300 человек.

«В Гиссаре,— писала газета,— расположился гарнизон и сто жителей из числа бежавших от страха перед басмачами, сразу же вернулись домой. Открылся базар, заработала чайхана.

...Недалеко от Кангурта банда Байтуры напала на наш дозор. Старший дозора Мацкевич ранен. Дехканин Ата-Назар подобрал раненого и с ручным пулеметом доставил в Кангурт.

Автор заметки в номере от 27 июня 1925 года с гневом сообщает о поджоге басмачами посевов. И это в неурожайный год, когда страна, отдавая последнее, шлет нам хлеб и деньги.

В Оби-Гарме, в Локае, северо-западнее Сары-Хосора сдались шайки.

4 августа газета продолжает традиционную тему — сообщения о помощи Москвы Таджикистану.

Из материалов, помещенных в газете, было видно, как в голодный неурожайный 1925 год дехкане делились с красноармейцами последней лепешкой, находили фураж лошадям. Однако некоторые вступить в открытую борьбу с басмачами еще опасались, так как боялись угрозы жестоких расправ, творимых шайками.

В июле 1925 года член Революционного комитета ТАССР, командир 13-го стрелкового корпуса И. Ф. Федько в статье «Усилить военный нажим, добить басмачество», поднимая вопросы по ликвидации этой угрозы, пишет: «Поэтому перед нами стоит задача в тех районах, где проводится басмаческое насилие, организовать население для отпора попыткам курбаши проводить террор. Организация при гарнизонах мелких добровольческих отрядов из населения на милиционно-территориальных началах, будет служить некоторой порукой от посягательств на жизнь и имущество дехкан со стороны басмаческих шаек.

Усиление военного режима во всех районах с целью не дать возможности шайкам свободно разгуливать и расправляться с населением, также является одной из действенных мер против террора.

Втягивание населения в активную борьбу с басмачеством через добровольческие отряды и отряды краснопалочников, усиление военного нажима — очередные задачи частей корпуса».

В заголовках газеты само дыхание жизни:

«Ввозят хлеб в Таджикистан», «Восстановлен главный арык до Джиликуля», «Товары дехканству», «Басмачи сдались».

31 августа газета сообщает об успехах в борьбе с басмачами бойцов кавбригады. Излагается обращение Ревкома республики к бойцам 13-го стрелкового корпуса, где сказано:

«Успешные действия частей Красной Армии против банд в период первой ударной кампании весны — лета 1925 года неумолимо приближали конец разбойничанию Ибрагимбека.

Нужно, чтобы Ибрагимбек и его шайки ежедневно, ежечасно, неотступно преследовались, чтобы не было такого места и времени, где они могли бы хоть на час укрыться от меткой пули и острого клинка.

Ибрагимбек должен быть уничтожен, его шайки стерты с лица земли. Это, товарищи, ваша основная задача сегодняшнего дня — вот боевой лозунг наших бойцов и командиров.

Товарищи политработники! Теснее свяжитесь с кишлаками. Только таким путем мы вовлечем дехканство в борьбу, организуем его для участия в окончательном разгроме басмаческих шаек.

Красные герои корпуса, большого труда и жертв стоят вами достигнутые успехи,— говорилось в обращении Ревкома к воинам корпуса.— Еще с большей энер-

гией, большей настойчивостью и умением вам нужно провести последний период борьбы.

...Ваша задача, товарищи, уничтожить врага трудящихся — Ибрагимбека.

Революционный комитет убежден, что красные герои корпуса справятся со своей задачей.

8-ая кавалерийская дивизия доказывает еще раз трудящимся Локая силу революционного порядка и доблести буденновского клинка. Революционный комитет и трудовое дехканство ждут от вас последней и решающей победы — головы Ибрагимбека, разбойника, провокатора, кровопийцы, наймита эмира и иностранных хищников.

Наш лозунг: «Через голову Ибрагимбека — к мирному строительству национальной культуры и хозяйства».

Это горячее, наполненное революционной страстностью воззвание подписали видные деятели партии и правительства Таджикистана А. Н. Мухитдинов, Д. Дадабаев, А. Ярмухамедов, Ш. Шотемор, Ч. Имамов, Б. В. Толпыго, И. Федько, В. Антонов. Оно нашло широкий отклик в войсках корпуса.

Газета сообщила, что 4 мая 1925 г. басмачи неожиданно окружили возле Сангтуды, у переправы через Вахш, отряд Красной Армии. На помощь пришли бойцы 76-го и 77-го кавполков. После пятичасового боя банда Ибрагимбека разбита. Путь в Афганистан ей был закрыт. Мелкие группы басмачей рассеялись по горам. Сам Ибрагимбек скрывался в горах Бальджуана в течение всего лета.

Но демобилизация опытных воинов 1902 года рождения отрицательно сказалась на боеспособности частей Красной Армии, расположенных в Таджикистане.

Пытаясь продолжать борьбу, Ибрагимбек террором загнал в свои шайки новых джигитов. Получил оружие

нз-за рубежа. Однако в шайках оставалнсь только злостные бандиты, чьн рукн былн в кровн по локоть, которые не ждалн пощады.

Осенью 1925 г. Ибрагнмбек, разместив шайкн от Явана до Сары-Ассиё, стал нападать на отряды Красной Армнн. На террнторнн Таджнкнстана в этот год пронзошло 875 боев с басмачами.

Но к концу года многне шайкн былн, в основном, уннчтожены. Уже к весне 1926 г. басмачи моглн оперировать только в Локае н Вахшской долнне.

9 мая 1926 г. газета «По басмачу!» сообщнла:

«Ибрагнмбековскнй мирза (секретарь) с утра н до вечера пишет пнсьма о прнходе афганцев, англичан и рассылает нх всюду. Но ннкто из джигитов не верит ему и в открытую смеются над мирзой н пнсьмамн. Джнгиты возмущены, выражают острое недовольство и нщут возможности бежать. Но за каждым джигитом строжайшая слежка н прн неудаче побега — расстрел.

Ибрагнмбек созвал к себе мелкнх курбашн и держит при себе, опасаясь, что онн сдадутся».

В шайках осталнсь людн совершенно опустившиеся, ярые врагн народной властн.

Из офнцнальных сообщений:

«Ибрагнмбек в ночь на 21 июля 1926 г. с 24 вооруженными джнгнтамн на лнннн разъезда пограничного поста Бешкапа переправнлся через реку н пробрался в Афганнстан. Во время перехода погранннчный пост обстрелял Ибрагнмбека, в результате чего он потерял пять джнгнтов, нз ннх трн утонулн, два взяты в плен».

С этнм сообщеннем Педдер отправнлся в Оргбюро к Чинору Имамову, у которого находнлся н Максуд Иброн. Долгожданная новость была встречена с удовлетвореннем.

— Жаль, ушел этот бандит, но все же новость хо-

рошая. Надо, чтобы весь народ узнал о бегстве эмирского «главнокомандующего».

— Теперь нужно добить остатки басмачества,— подвел итог информации Педдер.

— Против нас действует еще один опасный враг — засуха,— сказал Имамов.

— Она сейчас пострашней басмачей,— добавил он.— Но и с этой бедой мы справимся. Союзное правительство выделило нам стредства для оказания помощи гражданам и хозяйствам, пострадавшим от недорода. К нам завозится почти миллион пудов хлеба. Население освобождается от сельхозналогов.

— Да, помощь приходит вовремя. Это как брат пришел к брату на выручку. Нам тоже помогает старший брат.

Максуд Иброн, любивший сравнивать прошлое с настоящим, с горечью рассказал, как раньше в неурожайные годы вымирали целые кишлаки. А если на посевы обрушивались град, ливни, сели, то всё смывало, рушились кибитки, погибали люди.

— Сейчас, — заключил он, — Ревкомы, народная власть приходят на помощь каждому трудящемуся человеку.

— Но басмачество не добито,— вернулся к началу разговора Имамов.— Надо готовиться и провести вторую ударную кампанию против него.

— Мы сейчас заняты этим,— проинформировал Педдер руководителей республики.— Через разведчиков устанавливаем, где скрываются оставшиеся шайки, следим за реакцией атаманов на побег Ибрагимбека. К началу боевых действий Оргбюро, Ревком, военное командование получат все отправные данные для составления плана боевых действий.

— Вторую ударную кампанию,— сказал Ч. Имамов,— будем проводить под лозунгами «Басмачи — ору-

жие в руках захватчиков, поработителей, империалистов», «Басмачество — последняя опора разбитого эмирского строя», «Восстановить хозяйство можно только уничтожив басмачество». Усилим пропаганду и агитацию через газету «Бедории точик». Выпустим плакаты, листовки против басмачей. Проведем митинги, собрания с людьми, имеющими авторитет и влияние...

— Больше внимания уделим просвещению народа,— добавил Иброн, сообщив, что уже действуют 52 школы, 10 интернатов, успешно работает общество «Долой неграмотность».

Это был разговор между членами Оргбюро по самым важным вопросам жизни республики. Они анализировали то, что уже сделано для трудового народа, чтобы он лучше почувствовал благотворное влияние новой власти на его жизнь.

— В Советах и Ревкомах работает много бедняков и батраков,— с гордостью говорил Максуд Иброн — Встречал я бывших рабочих — отходников, с которыми мне приходилось гнуть спину на заводчиков. Не жалея себя, работают в Советах, не дают баям обижать бедняков и батраков. Подумать только, забитый в недавнем прошлом дехканин решает вопросы жизни своего кишлака, вилоята, республики. Среди них появились грамотные люди, для которых раньше любая буква была тайной за семью замками, сами умеют читать и писать.

— Из тех, кто прошел рабочую закалку, растут и чекисты, которые успешно работают в тылу врага, служат надежными проводниками в воинских частях, охраняют мирный труд народа,— подхватил Педдер.

Члены Оргбюро анализировали новую политическую, экономическую и военную обстановку в республике после завершения первой ударной кампании против басмачей.

— До окончательного разгрома осталось немного времени,— заключил беседу Имамов.— У басмачей давно уже нет социальной опоры. Народ понял, что их цель не возврат к старому, к власти эмира, баев, чиновников, а не пресловутая защита ислама. Будем действовать решительнее и покончим с темными антинародными силами...

... Время неумолимо шло к развязке...

Стало известно, что англичане настаивают на переезде Ибрагимбека на север Афганистана, где окопались бежавшие басмачи.

Проходят беспрерывные совещания, среди басмачей идут разговоры:

— С помощью англичан разобьем красных... Куршермат часто ездит в Пешавар для встречи с англичанами, те обещали щедрую помощь — оружие, деньги.

Комбинированные ударные кампании с весны 1925 г. по июль 1926 г., кроме военных мер, предусматривали полное освобождение населения от сельхозналога, кредитование на самых льготных условиях, завоз сельхозинвентаря, всемерную помощь возвращающимся из Афганистана, прощение проступков и возможность заниматься мирным трудом.

...Следователь начал знакомство с материалами о действиях Ибрагимбека. Предстояло прочитать уйму бумаг, а затем первая встреча лицом к лицу.

На его столе лежали документы, подписанные Путовским и теми, кто продолжал его дело...

Пять лет прошло после разгрома басмачества. Мысленно возвращаясь к прочитанному, к тому, чему сам был очевидцем, следователь окунулся в события уже далеких, но не забытых дней. Сколько бед обрушили басмачи на эту многострадальную землю, сколько загубили невинных людей, сколько лучших сынов народа погибло от руки убийцы.

Черная копоть пожаров, слезы матерей, обезображенные зверскими пытками тела активистов, лицемерные воззвания и фанатичные проповеди мулл, купленных на деньги эмира.

Дни и ночи... Ночи без тишины, дни, омраченные коварными преступлениями врагов новой жизни. Жива была в народе память о кровавых злодеяниях Ибрагимбека. Помощник следователя, которому было поручено разобраться в делах пойманного атамана басмачества, кропотливо собирал материал. Он беседовал с пострадавшими, посетил кишлаки, где басмачи жгли дома, школы, мечети, могилы убитых и семьи, где до сих пор оплакивали брата, отца, сына.

VI

Разговор следователя с Ибрагимбеком. Кто ваш наставник? Где он? «Я давно хотел сдаться»,— утверждал Ибрагимбек. «Англичан не знал,»— продолжал он...

28 июля 1931 года, город Ташкент. Просторная комната следователя по особо важным делам. На столе папки оперативных сводок особого отдела 13-го стрелкового корпуса. Многие из них подписаны Путовским и Шишовым.

Уже в который раз листает их следователь, делает выписки, задерживается на сводках разведчиков, действовавших в Афганистане. Среди них сообщения Шурыша Боева, Шахназара Сафарова и Мирали Мурадова.

Еще до встречи с Ибрагимбеком следователь знал о нем почти все. И вот первый допрос Ибрагимбека Чакабаева состоялся, ответы зафиксированы в протоколе...

Невысокого роста, светловолосый следователь был

одет в простой костюм. Взгляд спокойный, внимательный. Он был готов к встрече, старался отвлечься от эмоций. Факты, только факты должны изобличить врага.

...В кабинет вошел рослый бородатый мужчина с характерным смуглым лицом. Черная борода лопатой, длинные усы. На голове пышная серого цвета чалма, конец за спиной спускается к стоячему воротинку верхнего халата, с короткой массивной шеи свисает гирлянда туморов.

Следователя удивило, что в жаркий день на Ибрагимбеке было пять халатов, но он промолчал.

— Ваше имя?—спросил он на чистом узбекском языке у вошедшего в кабинет.

— Ибрагимбек, по отцу Чакабаев.

— Это вы воевали против Советской власти десять лет?

— Я воевал против бунтовщиков и во имя аллаха...

— Разберемся,— строго сказал следователь.— Садитесь. Расскажите о себе и своей семье.

После небольшой паузы Ибрагимбек медленно начал рассказ:

«Мне 42 года, по национальности — узбек-локаец. Я родился в Кокташе, расположенном на берегу Каппан-Дарьи, в 12 километрах от нынешнего Сталинабада. Происхожу из племени исанходжинцев. Отец мой являлся аксакалом кишлака и родовым главой кокташских локайцев. В Кокташе было всего 80 домов. Отец имел чины от эмира, последний чин его был токсабо, хотя никаких дел, связанных с полученным чином, отец не вел, до самой смерти он оставался в Кокташе. Умер отец лет 20 тому назад.

По имущественному положению отец был зажиточным, время от времени имел 2—3 работников. Отец имел четырех жен, от которых было шесть сыновей и шесть

дочерей, все они в разном возрасте умерли, остался я один, причем, являюсь самым младшим.

После смерти отца я оказался в крайне затруднительном положении, так как от отца не только не осталось каких-нибудь средств, но он в наследство передал большие долги. Все, что у меня было,— это пара быков. Так как меня одолевали кредиторы отца, я принужден был почти на протяжении десяти лет скрываться, проживая то дома, то уходя куда-нибудь в другие кишлаки к соплеменникам. Так длилось до прихода в Душанбе бухарского эмира.

Вскоре от ишана Султанхана, верного слуги эмира бухарского, и Давлятманбия из Бальджуана к локайцам стали поступать письма и приходили люди, приглашавшие нас к участию в борьбе против красных войск. Посланцы говорили и в письмах указывалось, что ишан Султанхан укрепился в Дарвазе, что Англия, Афганистан и ряд других государств идут войной на большевиков и бухарских джадидов, что они будут подавлены, мы, локайцы, в этом также должны принять участие. На этот призыв локайцы откликнулись и организовали ряд отрядов под командованием Қаюма Парванчи (мой тесть), Баратбека, Тогайбаба. Я стал джигитом-аскером в отряде Қаюма Парванчи. С этих пор и начинается моя, так сказать, карьера. Указанные три отряда локайцев действовали против джадидов и русских в Кунгурте и Аксу. Так продолжалось около месяца—двух»...

Следователь спросил:

— Кто был вашим учителем и наставником, доверенным лицом?

— Мулло Зиё и другие. У меня личио был ишан Исахан. Были личные секретари, казначей и личная охрана... Спал я вдали от других, охраняли в смену два джигита.

— Где Мулло Зиё? Человек, которого вы особеино уважали?

— Вам лучше зиать... Я вырвал его из вашнх рук, а вы с иим покоичнлн...

— Может быть, расскажнте, как ваши сообщиикн убили Мулло Зиё возле Чортута, а объявили, что это сделала Красиая Армия?

— Мы своих ие убиваем,— отклоиил это обвииение Ибрагимбек.

С иебольшнмн перерывами, ежедиевио шли допросы Ибрагимбека. Он рассказал о своих иегладких взаимоотиошеииях с Эивер-пашой, Селим-пашой, Хуррамбеком.

— Ко мие попали письма, в которых оии жаловались на меия Алимхаиу,—говорил ои на допросе 30 июля 1931 года.— Я считаю, ие иужио им было помогать, когда им приходилось туго.

— Будучи в Гази-Малнке, Селнм-паша прислал мне письмо с просьбой прислать ему людей. Я счел иеобходимым послать Муллу Зиё только для приветствия Селнма, джигитов не отправлял, вндя, что противостоять красным войскам он ие в состояиии. Баратбек и сын Давлятамаидбня—Усмаикулбек, узиав, что Селим-паша прибыл в Мумииабад, иаправилнсь туда, чтобы нзловить его и отомстить за убийство Давлятмаидбия н Ашурбека, а также предохраинть себя от участня в этих боях. Но Селим-паша, узнав об их иамерениях, бежал из Мумниабада вместе с Ахмад Ходжа Ишаиом и иаправился в Афгаиистаи...

— Расскажите о ваших действнях в 1922 году.

— Мы воевали в трудных условнях, хотя имели чнслеииое и другое преимущество. Но мне кажется, что ваши людн почти все знали о иашнх планах н действиях...

Перед следователем лежала объемистая папка с разведданными за много лет...

— Я со своими войсками, которых насчитывалось до 2000 человек, из них непосредственно мне подчинялось до 400 локайцев, а остальные составляли отдельные группы под командованием курбаши, подчинявшихся мне (Шаа Абдурахмана, Темира, Гаюрбека, Алим Мордон-додхо, Алим Хана, Абду Назара) на протяжении от января 1922 г. до бегства Селим-паши находился в окрестностях Душанбе, переезжая из кишлака в кишлак. Наиболее часто я квартировал в Кокташе, Яване, Рангане, Султанабаде. За это время я делал неоднократные попытки взять Душанбе, но все они кончались безуспешно, так как красные войска отбивали наши атаки, и мы принуждены были отходить в исходное положение.

Наступило лето 1922 года. Энвер-паша разгромлен, ваши войска развили активные действия против моих аскеров, а также против Барата и Тагая. Я принужден был под сильным напором оставить окрестности Душанбе и перебросить моих людей в горы Бальджуана, где только и можно было укрыться от преследования.

Летом же 1922 года Красная Армия заняла Бальджуан, Куляб, очистив таким образом, значительную территорию, занимаемую Баратбеком и Тагаем. Все лето прошло в активном преследовании нас на территории Гиссара, Душанбе, Куляба и Бальджуана. Осень и зима 1922 года также прошли в боях, причем, успеха мы не имели, но и потерь больших не несли...

1 июля на допросе Ибрагимбек сказал:

— Весна 1924 года, как всегда, оживила как ваши войска, так и мои. Начались опять взаимные наскоки с потерями обеих сторон. В одном из боев был убит Абдурахман-курбаши. Это отрицательно подействовало на нас, а помощи из Афганистана все не было.

Время шло. Наступило лето. В одном из боев был убит в Регаре самый крупный из моих курбаши Хаит-парваначи, а до того погиб Абдурахман-парваначи, фигура равная Хаиту. Красные войска стали крепко нажимать на меня, пришлось из Явана сняться и уйти в Бальджуан.

— Трудно было воевать и собирать свои силы в кулак,— продолжал Ибрагимбек.— Решили мы встретиться с Хуррамбеком. Я шел из Явана, а он из Бабатага. Думали соединиться в Оби-Кийке, но оказалось в канун нашей встречи, ночью, на него налетели ваши. Меня же встретили они вблизи Дагана-Кийка. Снова ваши узнали о нашем маневре. Я едва ушел, переправившись через Вахш у Кзыл-Калы.

Осенью 1924 года я вернулся в Гиссар. Игамберды ушел в Афганистан со своей шайкой, не выдержав преследования. Зимой был убит в бою Худойберды. Мулла Зияутдин сдался. Дана убит, Намат Али убит; вместо них назначен Тангрикуль Мулла. Силы мои явно убывали, а вскоре был убит мулла Раджаб, вся шайка его была полностью ликвидирована.

Со смертью Худайберды Янги-Базар также был занят красными. Шайка его распалась. С плохим настроением я переехал на этот раз в Бальджуан. И здесь не повезло (весна—лето 1925 года), джигиты Исматбека отрезали голову своему курбаши и частью сдались в плен. На его место я назначил Палвана-додхо Раджаба (старший брат Исмата). Но тут опять неудача: в бою был убит один из лучших командиров моего личного отряда.

Нужно сказать, что летом 1925 года красные войска развили особо решительные операции против нас в Бальджуане. Бои шли с переменным успехом. Под моим руководством здесь действовали курбаши: Палван-додхо, Мулла Мирали, Абдулла-додхо. Вместе с моим

отрядом всего джигитов насчитывалось до 600 человек.

Еще весной 1925 г. от ханабадского губернатора Сулейман Хана получил письмо, в котором он предлагал послать к нему людей за оружием. В Ханабад был послан мой доверенный с 50-ю джигитами, который привез 100 винтовок и около 5000 патронов. Винтовки были разных систем: и русские берданы, и трехлинейки, и английские одиннадцатизарядные.

Следователь попросил Ибрагимбека рассказать о переходе в Афганистан. Тот ответил:

— По прибытии в Ханабад я встретился с губернатором Сулейман Ханом и начальником Ханабадского гарнизона (имени не помню). Оба спросили меня, с какой целью я прибыл на афганскую территорию. Я ответил: им известно, что я много лет воевал с большевиками, но теперь оказался бессилен и вынужден был уйти.

Я направился к эмиру Алимхану. Последний расспросил меня об обстоятельствах бегства и узнал от меня, что сил для борьбы у меня не было. Алимхан предложил мне остаться в Кабуле и назначил от себя ежемесячную субсидию в размере 1500 рублей.

По истечении шести месяцев я в беседе с Алимханом затронул вопрос о том, что мне делать дальше. Я ему сказал: в Кабуле мне нечего делать, пусть он даст мне лошадей и окажет помощь, я перейду на советскую территорию и снова возобновлю борьбу; если же этого нельзя сделать, то пусть он договорится с Амануллоханом, чтобы мне разрешили выехать из Кабула и поселиться в районе Ханабада, где я смогу заниматься мирным трудом. Алимхан на это ответил, чтобы я подождал некоторое время, что вопрос относительно меня скоро разрешится.

— И как он решился?

Ибрагимбек долго и путано объяснял, что он на се-

вере Афганистана воевал на стороне Баче Сакао против правителя этой страны.

Следователь знал, что в канун перехода басмачей через границу весной 1931 года Ибрагимбек совещался со своими атаманами. «Чтобы укрепить веру в победу и создать надежные базы для наших войск,— говорил он на этом совещании курбаши,—надо вначале туда переселить наши семьи. Советы их не тронут. Расселившись по кишлакам, они будут надежной опорой и верным глазом».

Со временем стало известно, что басмачей на это выступление подтолкнули англичане, считая, что они, не задумываясь, пойдут за семьями в Таджикистан.

Эта акция, задуманная для срыва коллективизации и нарушения мирной жизни, отвечала замыслам английской разведки: превратить Таджикистан в территорию неутихающей гражданской войны.

Агенты Интеллидженс сервис, обосновавшиеся в пограничной полосе, получили из Лондона указание провести серию провокаций для подрыва хозяйственных и политических мероприятий Советской власти.

Ибрагимбек ни на минуту не переставал быть врагом трудового народа, он жаждал мести, стремился к власти, но пытался надеть на себя личину человека заблуждающегося, ищущего возможности примирения. Именно такой попыткой теперь, когда его авантюре пришел конец, выглядел в его рассказе переход вооруженной банды через границу и её недолгий, но отмеченный кровью путь по таджикской земле. Когда он лицемерно твердил о своих мирных намерениях, следователь, знавший о его злодеяниях, о личном участии в вынесении приговоров, обрекавших на мучительную смерть десятки и сотни людей, с трудом сдерживал себя, ему хотелось открыть окно, чтобы свежий воздух развеял эту ложь.

— Находясь в Афгаиистаие,— говорил Ибрагимбек в своих показаииях,—я хотел сдаться Советской власти. Уже после иескольких столкиовеиий с афгаицами я, будучи в Талихаие, советовался с иекоторыми старшинами о том, что иадо попытаться договориться с Советской властью. После этого я предложил Мулле Юсуфу, который проживал в Сарай-Камаре и вел иекоторые мои торговые операции, будучи одиовремеиио иа советской службе (ои пешаварский патаи). Я решил иаписать письмо пограиичиикам и иачальиику в Сарай-Кумар о возможиости иашего перехода.

Прибыв в Талихаи, Мулла Юсуф иаписал это письмо, которое было отправлеио с Дустмамедом, проживающим в Сарай-Камаре и состоявшем иа советской службе (ои тоже патаи из Пешавара). Ответ мие иа это письмо доставлеи ие был, хотя письмо и было вручеио пограиичиому иачальиику. Через других лиц мие передавали, что сарай-камарские власти якобы ожидают ответ из Москвы. До ответа я советовался с аксакалами, и мы пришли к заключеиию, что иам иадо перейти иа советскую территорию со всеми семьями, которые иадо отправить туда предварительио.

— И вам иа это письмо ие ответили?

Ибрагимбек миется и ие отвечает.

— Когда вы перешли иа советскую территорию, вы участвовали в боях, проводили совещаиия курбаши, распростраияли воззваиия против Советской власти, убивали активистов, сжигали их дома. А вот предложеиий о сдаче от вас ие поступало. Вы участвовали в бою под Найзабулаком?

— Сиачала мы столкиулись здесь с иебольшим отрядом кавалерии, который мы разбили, захватили два пулемета — одии легкий, другой «Максим» и убили человек десять красиоармейцев. Сколько было захвачеио виитовок и патронов, ие зиаю, так как в это время иа

нас с двух сторон налетела кавалерия и мы отступили, как я уже говорил, опять в горы Чал-Тау.

На другом допросе 19 июля 1931 года Ибрагимбек о бое под Найзабулаком говорил откровенно:

— За все время этого боя почти никто, кроме меня, не стрелял, дело в том, что в патронах только я себе не отказывал. Когда я в бою стреляю, то можно подумать, что я бью из пулемета. Стреляю сразу из трех английских винтовок, и все время идут со мной два джигита, которые подают заряженные винтовки. Так было и под Найзабулаком. Думаю, что я лично застрелил не менее десяти красноармейцев.

— Выходит, вы не только руководили боями, но и сами убивали? К чему вы призывали на многих совещаниях курбаши?

От ответа на этот вопрос Ибрагимбек уклонился.

Тогда следователь раскрыл папку с донесениями разведчиков. Мирали Мурадов во всех подробностях сообщал, о чем говорилось на совещаниях. И о том, что участники сборища, выступая, не называли себя, но говорили, что готовы вести бои. И о том, как представитель эмира Боронбай сообщил, что в Афганистане ведется формирование «мусульманской народной» армии, которое проходит при участии английских и турецких представителей. Вербуются, главным образом, жители, эмигрировавшие в Афганистан из Восточной Бухары и населяющие приграничные районы.

По мере организации, отряды будут переправляться в Восточную Бухару — в распоряжение Ибрагимбека. Боронбай много говорил лестных слов Ибрагимбеку, восхваляя доблести его курбаши проявленные в борьбе с большевиками. Заканчивая речь, Боронбай, взяв шашку в зубы, поклялся на коране биться до победы, до очищения Бухары от Советской власти.

С присутствующих была взята подписка с клятвой верности в борьбе против красных. Ибрагимбек в заключительной речи, чтобы ободрить собравшихся, сказал, что из Турции должны прибыть несколько генералов в качестве инструкторов для обучения шаек. Делал намеки на то, что эмир бухарский должен стать и правителем Афганистана.

В ходе допроса Ибрагимбек категорически отрицал свои связи с англичанами. Между тем в июне 1931 г. из Мешхеда ему отправили англичане пять машин с оружием. Машины пришли к Пянджу.

Следователь стал читать сводки разведчиков, где указывались даты и обстоятельства встреч Ибрагимбека с английскими представителями.

— Я лишь слышал, что Курширмат в 1924 году бывал в Пешаваре, у англичан,— ответил Ибрагимбек. Я считаю, что Курширмат и сейчас связан с англичанами, т. к. в Пешаваре он имеет своих людей, которые поселились здесь еще до моего прибытия в Кабул. Для меня несомненно, что Курширмат собирает всеми путями сведения о советской Средней Азии и направляет их своим людям в Пешавар, а те в свою очередь передают их англичанам.

— Но ведь многие годы Курширмат вам преданно служил. Без вашего согласия он не мог встречаться с англичанами? — подбросил вопрос следователь. — Ведь от англичан к вам пришло предложение — создать тюркское государство в Каттагане и оттуда действовать против Таджикистана.

Ибрагимбек долго молчал, не отвечал на эти вопросы.

Тогда следователь снова вернулся к сводкам разведчиков, где говорилось о встречах Ибрагимбека с англичанами. Ибрагимбек отмалчивался, ерзал на стуле, тяжело вздыхал.

— Выходит, это Мирали Мурадов все сообщал вам? Я же ему дарил лошадей, халаты, давал много денег — думал, купил его навсегда...

— Так подтверждаете, что были связаны с эмиссарами английской разведки и действовали по их указаниям? — повторил следователь, не желая отвечать обвиняемому.

— Пишите — да...

Третьего октября 1931 года Ибрагимбек уточнил, как он действовал, выполняя указания англичан.

— Я со своими джигитами должен быть перейти на советскую территорию для борьбы с Советской властью. Никаких особых приготовлений к переходу я не делал, за исключением того, что отдал приказание составить воззвание к населению. Первоначальный текст воззвания, который составлялся муллой Нарбаем, заверившим меня, что такого воззвания будет достаточно, чтобы поднять народ на борьбу с Советской властью, был потом нами забракован.

Утвержденное мною воззвание, начинающееся с обращения «К верующим всего мира; народам Туркестана, Татарстана, Казахстана, Киргизии, Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана», написано и составлено муллой Нарбаем, который, как недавно прибывший с советской территории, знал хорошо вопросы, затронутые в воззвании, кроме того, он раньше был советским работником.

В воззвании, как я помню, имеется такое заключение, что Лига Наций «решила ликвидировать в России партийное правительство». Это было основано на разговорах с Юсуфбеком Мукумбаевым в связи с его выступлением в Лиге Наций о том, что иностранные государства окажут помощь в борьбе с Советской властью, что имеется соответствующее решение Лиги Наций и устное заявление ее представителя о возвращении Буха-

ры эмиру, Алимхан очень рассчитывал на Лигу Наций. Поскольку Алимхан верил или делал вид, что он всерьез рассчитывает водвориться в Бухаре, я не мог не верить. Следовательно, в воззвании ссылка на Лигу Наций являлась не каким-нибудь агитприемом, а следствием моей уверенности, что иностранные государства окажут помощь.

В своих предыдущих показаниях я упустил сообщить, что когда выезжал из Кабула на север, Алимхан вручил мне 30 экземпляров воззвания за его подписью и печатью следующего содержания: он, эмир, посылает меня, Ибрагимбека, для борьбы против Советской власти, населению предлагает оказывать мне широкую поддержку, что сам Алимхан с большим войском прибудет вслед и возьмет власть в свои руки.

Походом на Ренгентау я пытался вовлечь в борьбу с Советами всех локайцев, однако население не пошло за мной. Я убедился, что локайцы стали безбожниками.

Следователь положил на стол листок бумаги, покрытый арабской вязью, и стал читать:

— «Братья красноармейцы, милиция и отряды, и угнетенные большевиками жители, извещаю мусульман и русских и разные национальности, шевелитесь, восставайте против большевиков, потому что безжалостное правительство все время угнетает, убивает, отбирает все, что вы имеете, заставляя всех изменять своей вере. Слава богу, и государству Афганистана и Англии, я прибыл в родную страну и на свою землю. Хочу с вашей помощью восстановить власть от бога, власть мусульман. Давайте, действуйте, скиньте большевиков в пользу мусульман. Будете получать разные кушанья, хлеба всегда будет довольно. Большевики хорошей жизни не дадут, не увидите от них ничего хорошего,

кроме вреда. Вторично приказываю, давайте вместе, рука об руку, ликвидировать большевиков.

К листу приложена печать: Мухаммад Ибрагим Бек, Бий, Додхо, Диван-беги, Ляшкар-баши, Чакабайдодхо, Баба-оглы».

— Это ведь документ.

— Да,— ответил Ибрагимбек.

Следователь сказал:

— Вы его подписывали?

— Таким путем я хотел завязать переговоры с представителями власти. Я думал, что только мои обращения к населению попадут в руки властей, последние сделают мне предложение о сдаче и пошлют своих представителей для переговоров.

— Многие годы вы уходили от полного разгрома. Как вам удавалось это делать?

— У меня была хорошая агентура,— ответил Ибрагимбек. — Я имел среди них своих «бездушных» (секретных) людей. К аскарбаши я обычно посылал под каким-либо предлогом или муллу или почетного, всеми уважаемого старика, который мне доносил о всех намерениях аскарбаши и настроениях населения. Среди курбаши и джигитов я всегда имел человека 2—3 из числа более авторитетных джигитов, которые также доносили мне о настроении подчиненных. Связан с ними был я лично.

Ни один отряд не оставался без моих людей, даже для проверки завхоза вокруг него были мои люди.

В Самарканде, Катта-Кургане и других городах до 1926 года у меня были свои люди, которые там остались под видом торговцев. Когда услышал про появление Якуб-Тюря (Мелькумова), я сейчас же к нему послал одного человека, который был у него, переночевал с ним вместе и все мне о нем разузнал.

Когда мне надо было узнать о количестве людей в

воинских частях, о их передвижении, движении военных транспортов и т. д., я также присылал своих людей обычно таким порядком: на глазах у остальных джигитов я сильно ругал и избивал, угрожал расстрелом кому-либо из моих людей, затем ночью этот человек «похищал» оружие и убегал из отряда, шел к красным и сдавался. Там он успешно собирал все нужные сведения, затем являлся не ко мне, а в условленное место, к известному мне человеку, я сам для свиданья с этим джигитом приходил один ночью тайком от всех в это же условленное место.

Допрос шел за допросом. На последнем Ибрагимбек сказал:

— Если бы мне лучше помогал Алимхан и англичане, то войну с вами я вел бы еще долго.

Очень надеялся бывший «главнокомандующий», что за давностью лет будут забыты его преступления, что бесследно исчезнет горькая память о терроре, грабежах, поджогах, пытках. Он пытался выдавать себя за полководца, якобы не знавшего о действиях своих курбаши, но факты изобличали его — это был жестокий и расчетливый враг, палач и грабитель, на чьей совести были тяжкие преступления против народа.

Военный трибунал вынес единственно правильное и справедливое решение: смерть врагу таджикского народа.

ЭПИЛОГ

Сегодня и вчера.

Серая гладь асфальта привела меня в кишлак Ак-Чакман, приютившийся на южном склоне Гиссарского хребта. Как и многие населенные пункты Таджикистана, это древнее селение приняло новый облик. Старые глинобитные кибитки давно уступили место новым просторным домам под шиферными крышами, с широкими окнами, водопроводом, электричеством, газом. Любят здесь и двухэтажные домики, где первый этаж — помещение для хозяйственных нужд, а над ним жилые комнаты, зачастую большая гостиная. В одном из таких домов живет Бури Назаров — сын славной разведчицы Кундузой Ходжаназаровой. Отец и мать Бури умерли, старший брат Дусмат — командир отряда добровольцев пал в бою с одной из басмаческих банд Ибрагим-бека.

Он теперь старший в этой семье, где свято чтут память о незабываемых и героических годах гражданской войны, о мужестве бойцов революции, разведчиков-чекистов.

В день 70-летия Бури, а было это весной 1980 года, поздравить с его юбилеем приехали ветераны войны с басмачами, заслуженный чекист СССР Николай Арсентьевич Садовник, бывший командир добровольческого отряда Мулло Шариф Рахимов и другие друзья давних лет.

В просторной комнате — мехмонхоне собралось много гостей. Они степенно расселись вокруг щедрого дастархана, уставленного горками яблок, инжира, гранатов, винограда, стопками красовались теплые лепешки, в тарелках были разложены золотистый сушеный урюк, кишмиш, миндаль, орехи, фисташки.

Наливая в пиалы терпкий зеленый чай из пузатого, ярко расписанного чайника, хозяин дома обратился к гостям:

— Кушайте, пожалуйста, отведайте плодов нашего сада...

Зеленый чай располагает к беседе, воспоминаниям. Немало добрых и теплых слов было сказано в этот день об отце и матери юбиляра, о храбром брате, отдавшем жизнь за свободу и счастье своего народа.

— В труднейшие годы борьбы за Советы на родной земле они были в первых рядах борцов за новую жизнь,— сказал Мулло Шариф Рахимов грудным мягким голосом.— Да, те, кто в первые годы Советской власти встали на ее защиту, все были героями... Неграмотные, мало понимающие в политике, они своей бедняцкой душой поняли сами, что пришла та власть, о которой всегда мечтал народ, и были готовы бороться за нее не жалея себя.

— Совершенно правильно,— подхватил хозяин дома,— в начале 1921 года в наш родной кишлак Тайганболо пришли люди в буденовках. Расположились у мечети. Один из бойцов стал кричать — по-таджикски: «Не бойтесь, мы пришли купить продукты — муки, риса, масла...».

Мне тогда было одиннадцать лет, а Дусмату — четырнадцать. Мы подошли к красноармейцам, поздоровались. Один из них говорит: «Найдите родителей, мы у них купим продукты, заплатим за все» и показал серебряные монеты.

Мы побежали к отцу и передали наш разговор с бойцами. После долгих колебаний он подошел к бойцам и пригласил их подняться на айван мечети. Бойцы последовали за отцом. Он открыл мечеть, расстелил бараньи шкуры и сказал:

— Садитесь, будьте нашими гостями...

Вскоре отец принес чайджуш с кипяченой водой, в который бойцы насыпали чай, вытащили кусочки мелко наколотого сахара. На дастархан отец положил лепешки и немного холодного мяса. Он первым выпил чай, съел кусочек мяса, дав понять, что оно не отравлено. За чаем боец, знавший наш язык, сказал отцу, что в Душанбе находятся бойцы Красной Армии. Подвозить продукты мешают басмачи. Не сможете ли вы продать нам муки, риса, овец?

Отец сказал, что все будет сделано...

— Вы возвращайтесь в Душанбе, а ночью мы все доставим, — успокоил он красноармейцев.— Мы поможем Красной Армии!

Так и получилось. С того дня наш кишлак стал возить в Душанбе продукты, даже осенью и зимой 1921 года, когда будущая столица республики находилась в осаде.

— Мы с братом стали разведчиками, помогали отцу и матери, а все мы вместе — Красной Армии. Нас хорошо знал Путовский. С нашей мамой он часто беседовал, давал ей задания.

— Все ли в вашем кишлаке охотно помогали Красной Армии? — спросил Николай Садовник.

— Разве так могло быть?! — ответил Бури Назаров.— У нас люди разделились на три группы. Наша семья сразу же встала на сторону Советов, а за нами пошли и другие. Были и колеблющиеся... Душой они за новую власть, а думали — прочна ли она? Не расправятся ли с ними басмачи?.. Басмачи жестоко пре-

следовали тех, кто помогал молодой народной власти. Не все обладали мужеством, да и не все были уверенными в крепости и силе ревкомов — первых органов Советской власти. Были и явные недруги, те, кто чувствовал, что теряет власть, богатство, землю, возможность иметь мардикоров... Это баи и муллы...

— Но не все муллы,— вставил Рахимов,— были недругами новой власти. Некоторые сами происходили из бедняцких семей, другие ссылаясь на коран, говорили, что всякая власть дана богом, в том числе и Советы и поэтому воевать против нее — грех. Такие муллы осуждали басмачей, как насильников, людей, действующих против шариата.

Помню, как с каждым годом все больше священнослужителей переходило на сторону ревкомов. Были и такие, как Мирзоамин Хакбердыев из Калайдашта, который в Файзабаде руководил добровольческим отрядом по борьбе с басмачами, был заместителем председателя Файзабадского тюменского комитета по борьбе с басмачеством. А возглавлял этот комитет мулла Мирзо Наби, окончивший медресе в Бухаре.

— Так поступали многие, — заметил Садовник,— когда разобрались в событиях. Некоторые даже стали нашими разведчиками.

— Вы правы,— согласно кивнул головой Рахимов.— В 1924 году состоялся съезд духовенства Восточной Бухары. Я на нем был. Мне хотелось послушать, как рассуждали муллы о новой власти на основе корана. Выходило, что народ мечтал о ревкомах и Советах, и аллах удовлетворял чаяния таджиков и узбеков.

Рахимов вспомнил врезавшиеся ему в память отрывки из воззвания мулл к населению Восточной Бухары.

— Это же агитация за Советы,— воскликнул Садовник, и добавил.—К сожалению, немало священнослужителей прикрывало стихами из священной книги

свою личину непримиримых врагов народа. В районе Даштиджума действовала большая банда отпетых басмачей муллы Шарифа Хасанова. Она вырезала население многих кишлаков, а как только пограничники начинали преследовать ее, уходила в Афганистан, на север Индии, в Пешавар или другие места. Везде англичане давали этим басмачам оружие, инструкции, пополняли шайку наемниками из Афганистана. Ведь и в этой стране были люди и «за» и «против» Советов в Таджикистане.

— Вспоминаю один из боев с этой бандой в Кавлюче. Басмачи не поднимались в атаку против нас, и тогда местный ишан встал и стал звать за собой джигитов... Так что коран муллы часто использовали и против народа, беря из него все реакционное, в том числе и лозунг борьбы с «кафирами». Так зачастую в то время было в Таджикистане...

В ходе гражданской войны враги приписывали нам, что мы воюем против ислама. Это была черная ложь. А вот в наши дни иранская антиимпериалистическая революция началась под исламскими лозунгами. Народ в Иране покончил с самым крупным феодалом страны — шахом Реза Пехлеви.

Бури Назаров подхватил эту мысль:

— Помните начальника Ак-Курганского гарнизона Пескова? Когда он узнал, что мулла нашего кишлака закрыл мечеть, объявив, что «красные запрещают совершать намаз», то потребовал от старшины собрать всех жителей. Пригласил он и муллу. При всем народе командир спросил муллу:

— Кто запрещал вам молиться?

Тот помялся и, разведя руками, ответил:

— Кто-то сказал...

Песков объявил:

— Кто хочет, пусть молится, как этого требует ко-

раи. Поступайте, как желаете, наши враги не те, кто поклоняется аллаху, а те, кто эксплуатирует трудящихся, кто проливает народную кровь.

В разговор снова вступил Рахимов.

— Когда в Яван приезжал Чеслав Антонович Путовский, то он среди многих дел занимался и мечетями. Один из активистов похвастался:

— Мы мечеть закрыли, в ней склад для зерна.

Путовский сурово отчитал такого «активиста», распорядившись немедленно освободить мечеть, привести помещение в порядок, извиниться перед верующими.

Мало кто знает, что Ревком Таджикской АССР потребовал тогда от всех своих местных органов не мешать богослужениям, на практике осуществлять принципы свободы совести...

— Что же проповедовали муллы? — спросил кто-то из гостей...

— Этим-то мы интересовались,— ответил Рахимов.— Многие, вознеся хвалу аллаху, в конце молитвы просили его скорее покончить с басмачами и дать возможность дехканину спокойно взяться за свое дело. Они говорили:

— В коране сказано, кто поджигает, разрушает, убивает, тот совершает грех и его следует наказать.

Они осуждали басмачей, звали земляков давать отпор насильникам... Но немало было таких, которые призывали на священную войну — газават, борьбу с кафирами...

— А кто такие кафиры? — спросил мальчуган, сидящий в углу комнаты.

— Мой отец, мать, брат, да и я тоже считались неверными,— пояснил Бури Назаров.— Все, кто стоял за новую жизнь, боролся с эмирскими чиновниками, крупными землевладельцами, басмачами, боролся с темнотой, с неграмотностью... Всем этим людям враги дава-

ли прозвище кафиров. К сожалению, в шайках находились не только баи и байские сынки, но и представители трудового народа — темнота их привела в басмачи. Те, кто прозрел, шел к нам в отряды, хорошо сражался с басмачами, стремился загладить свою вину. За такими доброотрядцами, проводниками басмачи охотились. Кто из них попадал в руки бандитов, предавался мучительной смерти...

Рахимов добавил:

— Басмачи убивали неугодных им мулл, даже поджигали мечети... Любое зло против народной власти басмачи объявляли богоугодным делом...

Как-то в 1925 году наш отряд подъехал к Туткаулу, это недалеко от Нурека. Было раннее весеннее утро. Мы ехали почти всю ночь, устали, добровольцы дремали в седлах. Не доезжая до кишлака, увидели, что нам навстречу по узкой дороге идут женщины, что-то кричат, призывно машут руками. На первый взгляд женщины как женщины. Но что это такое?.. Сзади все слишком высокие... Вскинул бинокль... Смотрю — у них... бороды и усы... Понятно... Готовилась страшная провокация. Я подал команду сделать несколько залпов поверху. После первых выстрелов женщины упали на землю, а переодетые басмачи открыли огонь. Тут мы перешли в атаку и перебили провокаторов...

— Не удивляйтесь, такое было... Несколько лет басмачи терзали народ,— продолжал Рахимов.— Мы могли бы покончить с ними сравнительно быстро...

— Что же мешало? — подбросил вопрос кто-то из молодежи.

— Империалисты... эмир... реакционные круги Афганистана... Мы потреплем шайку, а ее остатки бегут за Пяндж... Отсидятся там, наберут новых бандитов, заменят лошадей, получат оружие, патроны и снова воз-

вращаются в Таджикистан. Тогда граница еще слабо охранялась, да и пограиичников было маловато...

— Да, это совершеиио правильио,— заметил Садовник.— Два-трн пограиичника иаблюдали за участком границы в иесколько километров. У иих маловато было хороших лошадей. Правда, помогало населеиие. Вспомииаю такой случай. В ходе переправы взвода один из бойцов упал в Кафирингаи. Была весна. Река бурлила, разве иайдешь пропажу в мощиом потоке? Два таджика, стоявшне недалеко, поияв, что иашн бойцы что-то ищут, спросили:

— Что утоиуло?

— Много деиег...

— Достаием,— сказали оии и бросились в Кафирнигаи...

Раз за разом оии ныряли в холодную воду, пока ие вытащили мешочек с серебром. Комаидир предложил им деиьги, ио оин отказались—государственное добро...

А ведь могли и промолчать, а когда ушли бойцы — завладеть деиьгами... А эти, очеиь иуждающиеся людн отказались даже от положенного возиаграждеиия. Правда, комаидир насильио вручил дехкаиам, вытащившим из воды деньги, по халату и дал головку сахара... Тогда это было иемалая цениость.

— Какую зарплату получалн доброотрядцы?

— Зарплату? Ну что ты, оин несли службу по зову совести,— ответил Рахимов.— Давали им оружие, одежду, лошадей. А отличившимся в боях объявляли благодариость, хвалили иа собраииях, выдавали справки или грамоты за хорошую службу. Не забывали семьи погибших, им оказывалась большая помощь...

— Если басмачи сдавались с оружием,— задал вопрос тот же молодой человек,— как с иими поступалн?..

— С заблуждавшимися по справедливости разбирались: как попал в шайку, что делал, миогим проща-

ли...— ответил Рахимов.— Если у кого не было земли, давали участок, лошадь или рабочего вола, корову... Помню, Ревком Таджикистана в конце сентября 1925 года после разгрома басмачества в Файзабаде вынес решение — устроить нормальную жизнь 40 басмачам, сдавшимся с оружием, нуждавшихся в помощи. Им была выделена безвозвратная материальная помощь. Курбаши Абдугафарбая и Данияра помиловали, дали испытательный срок на три месяца. Даже пособников басмачей прощали. Но далеко не все из них сдержали слово покончить с темным прошлым...

Садовник дополнил Рахимова, рассказав, что многие басмачи скрылись от наказания в Афганистане. Обманом и провокациями они увлекли за собой многих жителей Вахшской и Кулябской долин. Уже на левобережье Пянджа невооруженных дехкан афганские пограничники нередко оставляли в чем мать родила... Лишившись скота, зерна, эти люди становились нищими и вынуждены были работать за кусок хлеба на афганских баев. Правительство республики постаралось сделать все необходимое, чтобы вернуть тружеников-дехкан на родину. Их тогда называли реэмигрантами. Им давали землю, скот, денежные ссуды, зерно, освобождали от налогов. Это всем, кто заблуждался...

— Я тогда служил на границе,— рассказывал Садовник.— И наши пограничники брали под защиту всех вернувшихся на родину. С болью в сердце смотрели мы на этих людей — сколько мытарств они вытерпели на чужбине, все потеряли, обнищали до предела... Позднее я с многими из них встречался. Неописуема была их радость, что они снова на родине...

— Но ведь некоторые остались за рубежом,— вставил Рахимов.— Из нашего кишлака не вернулось несколько семей. Многие богатеи взялись за торговлю землей и продолжали тянуть земляков в беду...

— Многие годы советские люди помогали Афганистану во всем, и это знает народ дружественной страны, мы и сейчас не оставим его в беде.

Несколько молодых парней попросили рассказать о борьбе с Ибрагимбеком, о его позорном конце. Вот как изложили ветераны-чекисты историю последних кровавых ибрагимбековских дел:

Переехав в Чаяб, атаман басмачества стал готовить отряды для нападения на Таджикистан. Для укрепления тыла он стал осуществлять планы английской разведки, готовить захват Северного Афганистана и даже пытался создать марионеточное буферное государство, а точнее базу империалистов на границах СССР. Идеологическим прикрытием такой акции была идея создания «Великого Турана», который в планах пантюркистов должен был включить в себя Среднюю Азию, Татарию, Казахстан, другие территории с тюркоязычными народами.

Крупные шайки Ибрагимбека, подавив слабые гарнизоны афганских войск, захватили ряд северных провинций и вели себя в них как настоящие захватчики... Но закрепиться им не удалось.

К нападению Ибрагимбека на Таджикистан подталкивала и английская разведка. Весной 1931 года банды Ибрагимбека перешли границу. Весь трудовой народ Таджикистана поднялся на борьбу с басмаческим войском. Тысячи людей вступали в отряды добровольцев. Никто не встретил Ибрагимбека с распростертыми объятиями, как он ожидал. Ему сразу же пришлось вести трудные бои, нести потери. Присоединившиеся к нему баи и бывшие басмачи не могли восполнить их.

Ибрагимбек укрылся в горах Сарсаряка, где он и прежде отсиживался. Сюда к нему поступали сведения о боевых действиях шаек. Они не радовали атамана.

Разгром шаек, большие потери и сдача джигитов в плен следовали одно за другим.

Дивизион ГПУ под командованием Александра Васильева не давал передохнуть Ибрагимбеку. Отряды добровольцев защищали кишлаки, перекрыли дороги... День и ночь шло преследование. Чтобы сбить с толку преследователей, Ибрагимбек объявил приближенным, чтобы его называли Каримбаем.

Распущен был слух, что Ибрагимбек куда-то исчез, что в горах скрывается небольшая шайка Каримбая. Так прошло несколько дней, но вскоре Васильев, поняв, что его вводят в заблуждение, отыскал след Ибрагимбека, заставил его отступить к Кафирнигану. Боевые действия дивизион вел так, чтобы захватить Ибрагимбека, он нужен был живым, чтобы предстать перед судом народа.

Васильев был предупрежден, что по намеченному оперативному плану на Кафирнигане Ибрагимбека перехватят и возьмут в плен.

— Мы тогда не стреляли в басмачей,— вспоминал А. Васильев,— а лишь пугали их выстрелами, заставляя отходить к реке...

— В это время мой доброотряд,— рассказал Рахимов,— из Кокташа шел к ожидаемому месту переправы Ибрагимбека, но атаман басмачества вышел к району, занятому отрядом Мукума Султанова...

Среди тех, кто захватил «главнокомандующего», находились Сардар Караханов, Карим Алимарданов, Шариф Раджабов и другие.

— А что же было дальше?

— Ибрагимбек был ранен в руку. Его в Душанбе лечили, а затем отправили в Ташкент.

— Я ему готовил еду,— вспоминал Рахимов,— так как он не хотел принимать хлеб, нашу обычную еду. Требовал плова, мяса, ел с завидным аппетитом. Пять

раз в день совершал намаз — кровавых дел мастер обращался к аллаху с молитвой о спасении.

Как-то разговорились с ним, и он спрашивает меня:

— Почему меня не вешают или не расстреливают?

— У нас законы — будет следствие, докажут вашу вину, а потом решат, что с вами делать...

— Кто ты? — поинтересовался у меня Ибрагимбек.

— Мулло Шариф, сын Рахима из Мирзоболои,— ответил я, посматривая на собеседника.

Он посмотрел на меня, не скрывая злости. Спросил:

— Ты убил курбаши Туянкула?

— В бою с ним кончили,— ответил я.

— Ты его выследил?

— Да...

Наступила пауза в нашем разговоре... И тогда я спросил у Ибрагимбека:

— На вашей совести смерть моих родителей?

— Ничего не знаю,— ответил Ибрагимбек.

На его лице я не увидел ни смущения, ни раскаяния...

— Следствие по делу Ибрагимбека шло долго,— рассказывал Садовник. — Спасая свою шкуру, Ибрагимбек все отрицал, сваливал на других, проклиная своих бывших хозяев. Но от ответа за все злодеяния ему было не уйти...

...Далеко за полночь длился разговор, припомнили ушедших, помолчали... Светлым утром следующего дня соратники по борьбе с басмачеством побывали в местах боев с врагами, возложили цветы на могилу Путовского, прошлись по улице и площади, носящих его имя.

Разговорились о семье Путовского. Жена Юлия Петровна долго жила в Душанбе, под старость уехала на родину. Там она и ушла из жизни.

Сын Путовского Геннадий окончил среднюю школу в Душанбе, затем пехотное училище. Он геройски погиб в боях с фашистами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ III

ЧАСТЬ IV

Яков Исакович Нальский

В ГОРАХ ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ

Редактор *В. М. Сурков*
Художннк *С. Логинов*
Художественный редактор *Т. Королева*
Технический редактор *Р. Анисимова*
Корректоры *Г. Пищугин, Р. Убайдуллаева.*

ИБ № 91

Сдано в набор 17.11.82. Подписано в печать 28.12.83. КЛ 02353. Формат 70X108[1]/32. Бумага тнпографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,10. Усл. кр. -отт. 16,275. Уч. -изд. л. 16,28. Тираж 13000 Заказ № 7313. Цена 1 р. 10 коп.

Издательство «Ирфон», Душанбе, Айни, 126.
Типография № 1 Госкомитета Таджикской ССР по делам издательств полиграфии и книжной торговли.

Душанбе, проспект Ленина, 37.

1р 10 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИРФОН»